

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK

1

.D77

1877

no. 1

C

401640

Фонд. № 3085.

ОБЩ. БИБЛИОТ.	
ГЛУБ. БИБ. № 3085	
КЛАСС	21
ПОДКА	9
№	301

СОДЕРЖАНІЕ.

ТЕКСТЪ.

	стр.
I. Чему учить русская исторія. Проф. <i>К. Н. Бестужева-Рюмина</i>	
II. Воспоминанія о моей жизни. Гл. I—III. Акад. <i>Н. Г. Устрялова</i>	26
III. Уничтоженіе диссертациі <i>Н. М. Костомарова</i> въ 1842 г. Акад. <i>М. И. Сухомлинова</i>	42
IV. Европа и Россія въ Восточномъ вопросѣ. Проф. <i>О. Ѳ. Миллера</i>	55
V. Ассамблеи при Петрѣ Великомъ. <i>Е. П. Карновича</i>	77
VI. А. П. Волинскій. Біографическій очеркъ. Гл. III. Проф. <i>Д. А. Корсакова</i>	84
VII. Минное завѣщаніе Петра Великаго. <i>О. Н. Шубинскаго</i>	97
VIII. Двадцатипятилѣтіе «Исторіи Россіи» <i>С. М. Соловьева</i>	107
IX. Критика и библіографія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ <i>С. М. Соловьева</i> . Т. 26. М. 1876. <i>Е. А. Бллова</i>	113
X. Запѣтки и новости. VII. Григорій Богословъ въ древне-Славянскомъ переводѣ XI вѣка. — Неизданное письмо митрополита Евгенія о неурядкѣхъ въ Кіевской лаврѣ (изъ портфеля редактора). — Библіотека графовъ Красинскихъ. — «Безбѣдное страхомъ молчаніе». — Путеводитель по Люблину. — Древній щитъ. — Безбожники въ селѣ Брюховѣ (изъ портфеля редактора). — Библіографія Польской геральдики. — Русскіе въ Америкѣ. — Константинъ Ивановичъ Скворцовъ. — Памятникъ Тому Андерсону въ Царскомъ Селѣ. — Издатель «Будильника» крестьянинъ Суховъ. — Губернёръ-французъ въ Россіи въ 1726 году (изъ портфеля редактора). — Образъ мыслей <i>М. Н. Лонгинова</i> (изъ портфеля редактора). — Древности Кіево-Софійскаго собора. — «Патерикомъ» Сильвестра Коссова. — Письмо комедіанта къ императрицѣ Екаторинѣ I (изъ портфеля редактора). — Къ исторіи Латино-Нѣмецкаго обычая въ православной церкви. <i>П. А. Гильтебрандта</i>	116
XI. Изъ Острогомской хроники. <i>С. Т. Славутинскаго</i>	125
XII. Елатомскій помѣщикъ <i>Нашкаровъ</i> . <i>И. И. Дубасова</i>	127

РИСУНКИ.

I. <i>Н. Г. Устряловъ</i>	33
II. Ассамблея при Петрѣ Великомъ. (Большая литографія на тону).	81
III. А. П. Волинскій.	85
IV. Видъ Астрахани въ началѣ XVIII столѣтія	89
V. Снимокъ въ бювара, поднесеннаго <i>С. М. Соловьеву</i> , по случаю 25-лѣтія его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»	113

Къ январьской книжкѣ прилагаются объявленія: 1) Содержаніе сборника «Древняя и Новая Россія» за 1875 и 1876 г., 2) объ изданіи въ 1877 г. иллюстрированнаго журнала «Семейные вечера», 3) отъ редакціи «Природа» и «Журнала Охоты», 4) объ изданіи въ 1877 г. «Ново-россійскаго Телеграфа» и 5) о подпискѣ на «Донскую газету» въ 1877 году.

Древняя и новая Россия

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ

РОССІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

СБОРНИКЪ

1877

№ 3885

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ И АПРѢЛЬ.

DK

1

. D 77

1877

no. 1

ХРОМОЛИТОГРАФІЯ И ТИПОГРАФІЯ В. И. ГРАЦИАНСКАГО

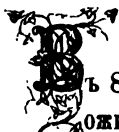
С.-Петербургъ, Невскій пр., рядъ съ Пассажемъ, д. № 46.

ЧЕМУ УЧИТЬ РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

В 865 году стая русских лодок неожиданно появилась в гавани Цареградской — с тех пор русский народ выступил на сцену истории, как русский: «начи ся прозывать Русская земля: отсель почнемъ», говорит летописецъ; и точно, в IX в. началось государственное развитие России. С тех пор шло оно, хотя медленно, но верно, обращая в пользу себя даже самые невзгоды: татарское иго дало средства Московским князьям стать царями всея Руси; Польская попытка Унии повела на соединении Руси Малой с Русью Великою.

Летом 1876 г. русские люди, никем не ведомые, массами направились на берега Дуная, вызванные темным для многих слухом о том, что там братья по вере и крови бьются на смерть с врагом православной веры. Державный вождь русской земли, в котором воплощаются ее разум и воли, указал, к чему должны стремиться силы народные: великое слово: «Славянское дело», произнесенное с высоты русского престола в стенах Кремлевских, освященных гробами создателей русского единства, освященных памятью великих событий 1612 и 1812 г. — послужит знаменем грядущего развития народной жизни славянства. С этих высоких слов будущий историк — мы глубоко тому верим — начнет свое повествование, как Киевский летописец начал с первого торжественного появления руссов. Заря новой исторической эры занимается; передразвѣтный туманъ еще покрываетъ землю; работники выходятъ въ поле, до полдня далеко; ждуть ихъ, быть можетъ, и грозы, и дожди, а быть можетъ, и градъ, но мы веримъ, что какъ грозы минувшаго не только не повредили русской земли, но еще послужили ей въ пользу, такъ и въ будущемъ послѣ каж-

дой грозы славянство будетъ вставать еще могущественнѣе и сильнѣе. Недаромъ одинъ изъ самыхъ вѣщихъ поэтовъ славянства сказалъ:

Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себя самой,
И Богъ победы не отсрочить.

Но вера, не подкреплённая ничѣмъ въ прошломъ, есть ребяческое самообольщение; только ясно сознавая прошлое, люди могутъ глядѣть впередъ безъ боязни. Вотъ почему теперь, на порогѣ еще темнаго будущаго, болѣе чѣмъ когда-либо нужно оглянуться на прошлое и тѣмъ сильнѣе укрѣпить въ себѣ веру въ будущее. Держась такой мысли, рѣшились мы кинуть бѣглый взглядъ на развитие русской земли, который можетъ, кажется, указать намъ, почему только въ настоящую минуту явилась возможность чреватыхъ будущимъ событій минувшаго лѣта, почему мы имѣемъ полное право считать эти событія предтечами другихъ важнѣйшихъ событій, а не простою вспышкой, которой суждено замолкнуть отъ первой случайной неудачи, почему, наконецъ, въ томъ, что совершается на нашихъ глазахъ, мы видимъ не дѣло рукъ человѣческихъ, не результатъ чьей нибудь агитации, а проявление глубокаго, хотя еще и недостигшаго полнаго самосознанія чувства, чувства, которое сильно по самой своей инстинктивности, ибо только инстинктивное чувство способно творить великія дѣла; оно есть признакъ непочатыхъ силъ, откровение того, что до того таилось; рефлексія же въ значительной степени ослабляетъ дѣятельность инстинкта: уму человѣческому не дано обнять во всей полнотѣ того, что заключено въ глубинѣ человѣческаго духа; онъ судитъ только по проявившемуся; оттого судъ его одностороненъ, приговоръ его можетъ быть лишь приблизительно веренъ. Прошедшее есть только залогъ

будущаго, а никакъ не полное опредѣленіе его пути. Вотъ почему, предлагая наши мысли о ходѣ русскаго развитія, мы имѣемъ въ виду только указать на залогъ для будущаго, а не предсказывать то теченіе, которое примутъ грядущія событія, не опредѣлять ихъ окончательный результатъ: все это будущее. Будемъ вѣрить въ него и готовить его, каждый въ своей сферѣ, по мѣрѣ силъ и возможности.

Въ IX в., на берегахъ Днѣпровскихъ, зарождается Русское государство; государствомъ этимъ не начинается жизнь на пустомъ мѣстѣ; напротивъ, оно является само на смѣну попыткамъ владычествовать на Днѣпрѣ изъ степей Припонтійскихъ или равнинъ Паннонскихъ¹⁾; но эти владыки русской земли считали осязлое населеніе Днѣпровское (земледѣльцевъ на Днѣпрѣ—знаетъ еще Геродотъ) своими данниками и не въ нихъ видѣли свою силу; такъ, даже готы, поселившіеся и вблизи, были только насельниками русской земли, чѣмъ и объясняется сочувствіе славянъ къ врагамъ этихъ владыкъ Приднѣпровскихъ, гуннамъ. Темно все это время, и въ особенности періодъ отъ IV в. до IX. Одно только ясно, что во все это время напирала разныя народы съ востока отъ степи на Днѣпръ²⁾; населеніе Днѣпровское мало по малу начало противопоставлять степнякамъ дружины своихъ бродниковъ (впоследствии казаки). Эти русскія дружины становятся замѣтными въ IX в. На горахъ Днѣпровскихъ они сосредоточиваются и тогда начинаются ихъ наступательныя дѣйствія, завершennыя походомъ на Царьградъ. Въ концѣ этого вѣка произошла въ Киевѣ смѣна власти; князь сѣверный перешелъ на югъ, овладѣлъ Киевомъ и связалъ, хотя и внѣшней связью, сѣверъ съ югомъ. Русское государство получило прочную основу; начался его героическій періодъ, заключившійся принятіемъ христіанства, уясненіемъ идеала земскаго князя, высказаннаго Мономахомъ въ его «Поученіи» и сохраненнаго былинами въ эпическомъ образѣ Киев-

скаго князя, и первымъ писаннымъ закономъ. Государство Славянское, утвердившееся на Днѣпрѣ, было не одинокимъ явленіемъ въ тогдашнемъ славянскомъ мірѣ: на пространствѣ отъ Лабы до Волги, отъ Балтійскаго моря до Чернаго и Адриатическаго, отъ равнины сѣверной Германіи до горъ Балканскихъ, уже существовало въ то время не одно государственное соединеніе; между горами Чешскими слагалось одно государство; на равнинѣ Паннонской уже слагалось другое, грозя Германіи и призывая къ себѣ проповѣдниковъ христіанства. На притокахъ Одры выходило изъ тумана третье государство Славянское; за Дунаемъ становится грознымъ Цареградъ—четвертое. Всѣ эти юныя государства имѣютъ между собою много общаго: они намѣчаютъ свои границы, напрягаютъ всѣ силы своихъ племенъ на борьбу внѣшнюю и сталкиваются при случаѣ между собою; взаимныя ихъ отношенія еще не успѣли опредѣлиться: племена, составившія одно государственное соединеніе, не такъ рѣзко различались отъ племенъ, вошедшихъ въ другое, чтобы между ними не было промежуточныхъ спорныхъ племенъ (хорваты Галиціи между Русією, Польшей и Чехією; уличи и тиверцы—вѣроятно, между Русью и Болгарією и т. д.). Племена эти могли бы служить звѣньями общей цѣпи, которая охватила бы весь славянскій міръ; но рано, еще на самыхъ первыхъ порахъ Русскаго государства, когда еще далеко не всѣ славянскія племена сложились въ государства, въ Паннонію ворвалась, призванная на помощь Германіей, орда угорская, поселилась въ центрѣ западнаго славянства, въ равнинѣ Паннонской, и какъ клинъ расщепила на двѣ части западно-славянскій міръ. Славянство западное, обращенное лицомъ къ имперіи Германской, то враждовало съ нею, то дружилось и мало по малу принимало къ себѣ германское вліяніе и входило въ обще-европейскую жизнь, хотя никогда не признавалось Европою за своего; южное же славянство, а за нимъ и восточное, стало въ подобныя отношенія къ Во-

является и «купелью русскаго народа» и «колыбелью его славы».

¹⁾ Мы начинаемъ отъ Киева, отчасти потому, чтобы устранить всѣ спорные элементы; а отчасти и потому, что, даже допуская новгородское начало, надо согласиться, что только въ «матери городовъ русскихъ» найдена первая опорная точка для будущаго развитія; только Киевъ

²⁾ Роли казаръ, угровъ, болгаръ не опредѣлены до сихъ поръ съ надлежащей ясностью.

сточной имперіи; но въ то время, какъ цезарь запада могъ противопоставить силу силъ, напору свѣжихъ племенъ напоръ племенъ почти столь же свѣжихъ; цезарь востока могъ противопоставить почти только дипломатію. Къ этой разницѣ внѣшнихъ отношеній между частями славянскаго міра скоро присоединилось еще новое важное различіе: на западѣ утвердилась церковь латинская, которая послужила новою связью между западными славянами и латинскимъ западомъ; на востокѣ и югѣ укрѣпилось православіе, связавшее тамошнихъ славянъ съ Восточною имперіей. Начало этого раздѣленія было твердо заложено уже въ X в., когда принятіемъ христіанства завершался героическій періодъ почти у всѣхъ народовъ славянскихъ, періодъ напряженія ихъ силъ и направленія на внѣшнюю дѣятельность. На грани героическаго періода славянства стоитъ величавый образъ Болеслава Храбраго, гигантскій замыселъ котораго противопоставить цезарю германскому цезарю славянскаго потерпѣлъ крушеніе и въ чешской Прагѣ, кинувшейся въ объятія міра германо-латинскаго, чтобы только не дать усилиться другому славянскому народу, и въ Кіевѣ, гдѣ еще свѣжи были воспоминанія своего героя—Краснаго Солнышка ласковаго князя Володиміра. Болеславу удалось только создать Польшу и заронить идеалъ объединенія славянства, достиженіе котораго, однако, не могло быть возможнымъ силами, заимствованными у запада. Каждый великій историческій міръ приноситъ съ собою свое животворящее начало и имъ растетъ и движется. Учиться у другихъ должно: римляне многому учились у грековъ, но государственный смыслъ и юридическій тактъ у нихъ былъ свой; средневѣковой романо-германскій міръ много взял у римлянъ, но все пересоздалъ по своему, построилъ свой, а не римскій идеалъ. Принятіе славянами идеаловъ романо-германскихъ вело только ко вреду славянству; западная аристократія, съ ея исключительнымъ землевладѣніемъ, западный городъ, отрывающійся отъ земли, западная церковь, сосредоточивающаяся въ одно лицо, и въ западномъ мірѣ вызвали противоудѣйствіе: начался

рядъ переворотовъ въ церкви и въ государствахъ, переворотовъ насильственныхъ, вызывающихъ неумолчное неудовольствіе и постоянно толкающихъ къ новымъ переворотамъ. Основы западнаго міра положительно противоположны основамъ славянскимъ: у насъ исконная поземельная община сохранилась въ то время, когда на западѣ существовали лишь слабые ея остатки; у насъ городъ всегда былъ представителемъ земли, ея градомъ; католичество, съ его видимымъ главою, его чужимъ языкомъ, его рѣзкимъ отдѣленіемъ духовныхъ отъ свѣтскихъ, могло быть для славянъ лишь властелиномъ, который вызвалъ возстаніе чеховъ и для самихъ поляковъ, наиболѣе преданнаго латинству славянскаго народа, сдѣлался милымъ только въ борьбѣ съ западною Русью. Едва-ли между народами запада найдется хоть одинъ, которому католичество принесло болѣе вреда, чѣмъ этому великому славянскому народу, такъ щедро одаренному отъ природы и такъ искаженному тѣмъ, что онъ рано сошелся съ западомъ и задумалъ поработить себѣ и западу другой великій народъ славянской. Все это, конечно, развилось съ теченіемъ времени, но зародышемъ всего было принятіе латинскаго христіанства и вступленіе въ отношенія то враждебныя, то дружественныя съ цезаремъ запада. Народу молодому, не получившему прямо наслѣдства римскаго, пришлось получить это наслѣдство черезъ германскій міръ и стать, такимъ образомъ, въ зависимость отъ него, дѣлать съ нимъ хотя въ нѣкоторой степени его судьбы, оставаясь въ сущности все-таки чуждымъ ему. Такое неестественное, полузависимое положеніе много исказило судьбу западнаго славянства. Иная была судьба русской земли: Византія соприкасалась съ ея предѣлами только отдаленными своими областями (каковъ Херсонесъ Таврическій): воинскіе походы на Византію прекратились почти съ принятія Русью христіанства, и войска русскія, если и появлялись иногда въ предѣлахъ имперіи, то болѣе какъ союзники, чѣмъ какъ враги; да и то должно было прекратиться, когда русскіе князья принуждены были употреблять свои силы

частью на внутренніе раздоры, частью на отраженіе кочевниковъ. Византія не навязала намъ своего языка, какъ это сдѣлалъ Римъ съ народами запада; законы и учрежденія Византіи, плодъ долгой исторической жизни, были слишкомъ сложны и искусственны для народа, еще не вышедшаго изъ юношескаго періода; между ними не оказалось такого проводника, какимъ между понятіями римскими и славянами западными служили германцы. Измѣненные средневѣковымъ возрѣніемъ, смѣшанные съ германизмомъ, преданія римскія были болѣе доступны славянамъ и легче ими принимались; тогда какъ византійскія понятія только въ XVI и XVII в. получаютъ широкое примѣненіе въ русской землѣ, измѣняясь сообразно съ ея, а не чужими особенностями, чему много способствовало и то обстоятельство, что западъ и вѣру и науку получилъ на чужомъ языкѣ, на которомъ долженъ былъ искать выраженія и для своихъ понятій и, втискивая ихъ въ чужія рамки, накладывая на нихъ чужую печать; тогда какъ Русь, получивъ и вѣру и просвѣщеніе на своемъ языкѣ, тѣмъ самымъ подвела чужія понятія подъ свой уровень: слово могущественное орудіе; называя своимъ старымъ словомъ новое чужое понятіе, народъ тѣмъ самымъ придаетъ этому чужому понятію свой народный оттѣнокъ. Латинство и православіе, связь съ Западной имперіей, или Восточной, раскололи славянство еще рѣшительнѣе, чѣмъ появленіе угровъ. Каждое изъ племенъ славянскихъ зажило своею историческою жизнью; къ природнымъ различіямъ, въ силу которыхъ племена образовались въ племена, присоединились различія историческія. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ безнадежнѣе казалось соединеніе, иногда какъ будто мелькала на него надежда, но гасла скоро или отъ собственной неумѣлости или отъ вражды иноплеменниковъ; каждое изъ племенъ становилось враждебно къ сосѣду и чуждо и недоувѣрчиво къ дальнему родственнику. Всѣ они принадлежали или къ сѣверо-западной или къ юго-западной отрасли по языку, всѣ они своей территоріей соприкасались только съ нѣкоторыми изъ племенъ. Только

одно племя въ языкѣ своемъ представляетъ особенности и того и другого изъ славянскихъ говоровъ. только одно племя территоріей своей прикасается къ главнѣйшимъ племенамъ славянскимъ. Племя это племя русское; но племени этому предстояло много работы внутри: нужно было вполне овладѣть и политически и экономически своею обширною, нерѣдко почти дѣвственною территоріей, укрѣпить основы политическаго быта, развитъ свое сознаніе и тогда только выступить оно дѣятелемъ славянскимъ. Теперь часъ пробилъ: но для этой работы нужно было много времени.

Первоначальники русской славы, первые князья Кіевскіе намѣтили мечемъ своимъ грани русской земли, связали ея разные концы вѣтшией связью дани и общихъ походовъ; послѣдній изъ «великановъ сумрака», Володимиръ—Красное Солнце далъ русской землѣ другую внутреннюю связь—православную вѣру, и рядомъ съ богатыремъ, представителемъ силы физической, сталъ представитель силы нравственной, рядомъ съ Мстиславомъ Удалимъ Θεодосій Печерскій. Вѣкъ Володимира представляется въ народной памяти золотымъ вѣкомъ; около Володимира, какъ въ средневѣковой литературѣ около Карла Великаго, группируются народные русскіе богатыри и самый любимый изъ нихъ и богатырь и святой; мощи его почиваютъ въ Кіево-Печерской лаврѣ: изъ нея исходятъ проповѣдники на всю русскую землю; въ нее уходятъ, наскучивъ славою мірскою, и князь, и бояринъ, и богатырь, крестьянскій сынъ. «Сей часъ же всю эту славу и честь—говоритъ одинъ изъ епископовъ XII в.—за ничто выѣхалъ бы, лишь бы коломъ торчать за воротами, валяться соромъ въ Печерскомъ монастырѣ, чтобы люди попирали меня». Такъ вдохновлялъ Печерскій монастырь своихъ постриженниковъ, и, среди насилія и корыстолюбія времёнъ удѣльныхъ, лучшіе изъ нихъ представляли примѣръ нравственнаго величія: такъ, вратаремъ у монастыря Печерскаго сидѣлъ Святославъ Давыдовичъ Черниговскій (Святоша), племянникъ Олега «Гориславича», который много горя сдѣлалъ русской землѣ, наводя на нее «поганыхъ»

(половцевъ). «Стольный Киевъ-градъ» и монастырь Печерскій оставались идеальными представителями единства русской земли въ то время, когда въ княжескихъ ссорахъ коротался вѣкъ «Дажь-божьихъ внуковъ», когда по русской землѣ слышно было чаще карканье воронъ, чѣмъ голосъ земледѣльца, когда, словомъ, начался удѣльный періодъ. Вѣкъ насилій и коварствъ, братоубійственныхъ междоусобій, вѣкъ безплодныхъ подвиговъ нерѣдко кажется историку «темнымъ лѣсомъ»; но въ этомъ лѣсу немудрено привычному глазу найти не одинъ просвѣтъ. Каждый членъ княжескаго рода считалъ своимъ правомъ—владѣть большею или меньшею властью; оттого въ самыхъ глухихъ закоулкахъ русской земли, за лѣсами и болотами, поселились князья съ ихъ дружинами, воздвиглись болѣе или менѣе пышные храмы, появились грамотные люди, завязались сношенія болѣе частыя между разными мѣстами; походы, то въ союзъ съ князьями сосѣдними, то противъ нихъ, передвиженіе князей со стола на столъ по старшинству, приче́мъ за княземъ слѣдовала его дружина, знакомили между собою население нерѣдко отдаленныхъ областей. Такимъ образомъ, видимое разъединеніе кляло основы болѣе тѣсному сближенію. Но не въ Киевѣ выросли первые плоды отъ этихъ брошенныхъ повсюду сѣмянъ, не Киеву послужила маякомъ лампада, зажженная за русскую землю у гроба Господня паломникомъ Данииломъ, не изъ Киева, въ отвѣтъ на краснорѣчивый плачъ о раздробленіяхъ русской земли вѣщаго пѣвца «Полака Игорева», послышался энергическій призывъ къ единству, не въ Киевѣ могъ осуществиться царскій идеалъ, вынесенный духовенствомъ изъ Византіи, воплотившійся позднѣе въ сказаніе о Мономаховыхъ регаліяхъ и нерѣдко сказывавшійся въ царскомъ титулѣ, придаваемомъ лѣтописцемъ тому или другому князю. Въ Киевѣ не могло этого совершиться: Киевъ окруженъ былъ князьями, ревниво смотрѣвшими другъ за другомъ, въ особенности за тѣмъ, кто сидѣлъ въ Киевѣ, мѣшающими усилиться другъ другу; каждый изъ нихъ спѣшилъ уловить минуту, чтобы за-

т. I. 77

нять самому «златоверхій теремъ» киевскій, даже соображенія родословныя все менѣе и менѣе сдерживаютъ ихъ, что и выразилъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ князей эпохи: «не голова идетъ къ мѣсту, а мѣсто къ головѣ», говаривалъ Изяславъ Мстиславичъ. Старый подвигъ борьбы съ кочевниками, прославившій Мономаха, «добраго страдальца за русскую землю», привлекаетъ къ себѣ князей то въ союзъ, то отдѣльно; но рядомъ съ этимъ, другіе нѣсколько приуроченные кочевники, «наши поганые» (торки, берендѣи, черные клобуки и т. д.), служатъ князьямъ киевскимъ, ласкаются ими, и кто надѣется имѣть за себя торковъ, за тѣмъ останется и Киевъ. Привыкнувъ къ смѣнѣ князей, киевляне хладнокровны даже къ любимому князю: «ступай, княже—говорятъ они Изяславу Мстиславичу—теперь не твое время». Нѣтъ, не Киеву, съ его дружинной обстановкою, предтечею будущихъ казаковъ, стать дѣйствительнымъ, а не идеальнымъ центромъ русской земли. Была минута, когда можно было бы ожидать, что единеніе пойдетъ съ западной окраины, отъ горъ Карпатскихъ, изъ Галича, древней колыбели славянской: здѣсь крѣпко усьяся и какъ бы сросся съ землею княжескій родъ; одному изъ князей этого рода удалось, не разбирая средствъ, устранить другихъ и стать могущественнымъ. Сынъ его «подпираетъ желѣзными полками горы Угорскія, загораживаетъ путь королю, суды судить по Дунаю»; но этого могущественнаго князя окружаетъ могущественная мѣстная аристократія, готовая распоряжаться самимъ княземъ, готовая вступить въ союзъ съ иноплемениками, что все и началось, лишь пресѣлась и (даже ранѣе) династія: борьба съ боярами занимаетъ смѣняющихся князей; они то ссорятся, то дружатся съ сосѣдями, уступая иногда иноплеменикамъ мѣсто на столѣ Галицкомъ. Проходить менѣе ста лѣтъ и князь галицкій ищетъ помощи у папы, призываетъ иноземцевъ въ свои города и Галичъ не только оказывается безсильнымъ соединить Русь, но даже самъ становится наименѣе русскою изъ всѣхъ русскихъ земель, и поэтъ XIX в., пере-

2

числяя представителей русских земель, собравшихся на поклонение Киевской святыни, въ правѣ былъ спросить: «Галичъ, гдѣ твои сыны?» На сѣверѣ былъ богатъ и силенъ Великій Новгородъ, городъ, ставшій государствомъ; власть его вѣча простирается съ большею или меньшею силою до Каменнаго Пояса. Торговый посредникъ востока съ западомъ, сѣвера съ югомъ, славенъ Великій Новгородъ: у него нѣтъ княжескаго рода; онъ приглашаетъ къ себѣ того изъ князей русскихъ, который ему болѣе любъ; силою никому не удалось покорить Новгородъ; противъ самыхъ сильныхъ князей онъ находитъ себѣ союзниковъ; но въ самомъ общественномъ строѣ Новгорода коренится причина непрочности его величія: нѣсколько богатыхъ землевладѣльцевъ владычествуютъ надъ новгородскимъ вѣчемъ; они становятся, какъ Васыка Буслаевъ въ былинахъ, во главѣ «повольниковъ» новгородскихъ, съ которыми отправляются въ отдаленные походы и въ этихъ же повольникахъ находятъ себѣ помощниковъ на вѣчѣ, гдѣ все берется крикомъ и силою. Партія, образуемая этими могущественными родами, примыкаютъ къ тому или другому князю и, такимъ образомъ, въ самомъ Новгородѣ является партія суздальская, литовская и т. д. Постоянная борьба за власть между боярскими родами, постоянное недовольство на нихъ людей меньшихъ, которые, однако, не имѣютъ опоры въ учрежденіяхъ и ищутъ опоры внѣ, губятъ Новгородъ. И такъ, не «Господину Великому Новгороду», съ его неправдою олигархической, стать во главѣ русскихъ земель.

Зачатки объединенія русской земли, еще до татарскаго нашествія, съ особенною силою высказываются въ землѣ, всѣхъ позднѣе занятой русскимъ племенемъ, въ средѣ младшаго по времени образованія изъ русскихъ племенъ, въ лѣсной украинѣ суздальской, среди великорусовъ. На Волгу и Оку шли толпы поселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ русской земли: изъ земли новгородской, съ верховьевъ Днѣпра и Двины, съ верхней Оки. Колонизація, начавшаяся еще, вѣроятно, во времена незапамятныя, завершается въ XII в.: непрерываемыя показанія архео-

логи свидѣтельствуютъ, что до той поры элементъ инородческій былъ еще силенъ въ суздальской землѣ. Многообразны причины, составляющія первоначальные народы выдѣлять изъ себя повольниковъ: внутренніе раздоры, отсутствіе внѣшней безопасности, малая производительность почвы, какъ въ Новгородѣ, первоначальный способъ воздѣлыванія земли, при которомъ почва кидается при ея истощеніи и ищется другая; эта причина особенно дѣйствуетъ при «огненномъ хозяйствѣ», преобладавшемъ въ болѣе лѣсныхъ частяхъ древней Руси; исключеніе изъ общинъ, такъ называемыхъ, «изгоевъ», наконецъ, склонность къ приключеніямъ, а частью и торговые интересы. Всѣ эти причины дѣйствовали при колонизаціи суздальской земли; къ нимъ присоединилась (въ особенности, въ XII в.) колонизація княжеская: укрѣпляя границу съ инородцами, устраивая центры для владычества надъ краемъ, князья «срубили города» и въ нихъ набирали («нарубили») людей изъ разныхъ мѣстностей. Очевидно, что и сами по себѣ и на призывъ князей шли люди болѣе энергическіе или, по меньшей мѣрѣ, они одни оставались. Въ землѣ суздальской не предстояло борьбы, подобной борьбѣ съ кочевниками юга: племена угорскія, населившія Поволжье, едва ли представляли большое сопротивленіе пришельцамъ; торговая Болгарія не была очень воинственна, и въ пору историческую чаще встрѣчаются походы русскихъ на Болгарію, чѣмъ болгаръ на Россію. Изъ скудныхъ, дошедшихъ до насъ, свѣдѣній можно, кажется, вывести, что (объ исключеніяхъ нечего говорить) вообще обрусеніе края было болѣе мирно, чѣмъ воинственно, совершалось частью удаленіемъ инородцевъ, частью взаимными браками. Новая разновидность русскаго племени образовалась въ значительной степени посредствомъ смѣшенія. Привозедшій элементъ остался не безъ вліянія на нравственный характеръ великоруса, какъ не безъ вліянія остались и особенности страны. Сдержанный, осторожный, дѣловой и нѣсколько угрюмый характеръ великоруса образовался частью отъ борьбы съ неблагоприятною природою, а

частью отъ примѣси инородческаго элемента. Южный дружинно-казацкій типъ получилъ высшее выраженіе въ князь-дружинникѣ, окруженномъ «кметами», «которые рыщутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ищутъ себѣ чести и князю славы»; домовитый типъ великорусса выразился въ князьяхъ-собирателяхъ русской земли: Андрей Боголюбскомъ, Всеволодъ Большое Гнѣздо, Иванъ Васильевичъ. Князья этого типа только что начали свою дѣятельность, когда новое великое бѣдствіе постигло Русь — орда кочевниковъ, поселившись въ степяхъ Приволжскихъ, начала управлять ею; разрозненные русскія земли были опустошены и подчинены одна за другою игу. Вредъ разрозненности оказался явно. Говорятъ иногда, будто въ кievскій періодъ зарождался иной государственный строй — федеративный, будто онъ не могъ развиваться только вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій. Начатки федеративнаго строя видятъ въ сѣздахъ княжескихъ и въ томъ, что, временами, въ сильныхъ рукахъ власть великаго князя была властью дѣйствительной; но сѣзды княжескіе имѣли цѣлю или примиреніе сильно между собою перессорившихся князей или какія-либо общія предпріятія (походы на половцевъ); великій князь могъ быть силенъ тогда, когда въ большинствѣ княжествъ сидѣли члены его семьи (Ярославъ, Мономахъ), а остальные были слабы, или когда ему удавалось перессорить между собою сильныхъ князей (Всеволодъ Большое Гнѣздо). Въ Руси до-татарской мы не видимъ того сознанія, которое служить основой федераціи, т. е., сознанія частей въ томъ, что одна безъ другой они жить не могутъ и потому должны пожертвовать извѣстною долею своей верховности, чтобъ сохранить остальное: ни одноплеменность, ни общность религіи, ни единство княжескаго рода, еще не могутъ служить основами для федераціи. Въ кievскій періодъ сознаніе это не выработалось, да и трудно ему было выработаться; примѣровъ федераціи не представлялъ окружающій міръ, за исключеніемъ, быть можетъ, кой-какихъ попытокъ у балтійскихъ славянъ, да и то въ слабыхъ размѣрахъ и между мелкими племенами.

У другихъ же славянскихъ племенъ существовалъ строй, во многомъ напоминающій кievскую Русь (отношенія между собою князей польскихъ и чешскихъ одинаковы съ нашими); въ Византіи тогда существовало единоедержавное государство, на западѣ — государство феодальное; сама имперія, которая позднѣе становится чѣмъ-то похожимъ на федерацію, въ то время является государствомъ феодальнымъ въ Германіи и заявляетъ притязанія на верховное покровительство въ остальныхъ странахъ запада; но такое же вліяніе (хотя въ меньшей степени) желаютъ имѣть на востокѣ цари Греческіе. Итакъ, понятія федераціи не было въ кievской Руси, въ пользу ея никто не былъ убѣжденъ и, слѣдовательно, и развиваться ей не было никакого повода; а потребность въ объединеніи сознавалась сначала темно, но потомъ все яснѣе и яснѣе. Почву для опоры объединенія представилъ народъ великорусскій; орудіемъ послужили князья Великой Россіи. Повинуясь великому историческому закону, объединеніе пошло отъ племени самаго младшаго и болѣе смѣшаннаго: объединеніе Греціи, хотя и неполное, совершила полуварварская, полугреческая Македонія; объединеніе древней Италіи шло изъ города, населеннаго выходцами всѣхъ италійскихъ племенъ; новая Италія объединена не чисто италійскимъ Піемонтомъ; Германія — нѣмецкою укрainою въ земляхъ, нѣкогда славянскихъ. Объединительное движеніе, начавшееся въ такихъ пунктахъ находить себѣ опору и въ другихъ областяхъ, принимаетъ къ себѣ другіе элементы и, видоизмѣняясь, становится общимъ дѣломъ. Такъ было и съ суздальскимъ движеніемъ: оно стало общерусскимъ.

Важѣйшимъ послѣдствіемъ татарскаго завоеванія было то, что Русь западная отдѣлилась отъ восточной и въ первой начало слагаться — государство Литовское, а во второй — Московское. Въ наше время нѣтъ нужды доказывать, что Литовское государство было чисто-русскимъ по языку, законодательству, даже вѣрѣ большинства составлявшихъ его земель, вѣрѣ, которую приняли и многіе изъ князей;

но между Литовскимъ государствомъ и Русью кievской, которой оно наследовало, оказывается существенная разница: сажая по волостямъ своихъ князей, или оставляя старыхъ князей русскихъ, великіе князья литовскіе обязывають ихъ извѣстными служебными отношеніями; великій князь является не только почетнымъ предсѣдателемъ, каковъ былъ великій князь кievскій, но и настоящимъ главою государства. Это самое даетъ Литвѣ возможность и отбиваться съ запада отъ рыцарей пруссаковъ и простираетъ свои захваты на востокъ въ русскія земли. На Руси ихъ не считали чужими, сложилось даже сказаніе о томъ, что они происходятъ отъ князей полоцкихъ; въ Новгородѣ также охотно дружили съ Литвою, какъ и съ Москвою, и ссорились съ нею совершенно также; изгнанники русскіе искали защиты въ Литвѣ, подобно тому, какъ литовскіе изгнанники искали убѣжища въ Москвѣ (Андрей, Дмитрій, Свидригайло Олгердовичи); литовская партія была сильна въ Руси восточной; князья тверскіе, даже суздальско-нижегородскіе дружили Литвѣ, смоленскіе обратились въ подручниковъ; почти не прочь были отъ этого рязанскіе; въ Новгородѣ и его пригородахъ, а также въ Псковѣ появлялись литовскіе князья; между Русью восточной и западной шелъ вопросъ о томъ, гдѣ жить митрополиту, представителю единства русской земли; не мало хлопотъ положено на это въ Цареградѣ и уже въ началѣ XV в. вопросъ разрѣшился созданіемъ особой митрополіи для западной Руси. Вопросъ о господствѣ между Вильною и Москвою казался чисто домашнимъ, еслибы въ концѣ XIV в. не привзошелъ къ нему новый элементъ: Польша, тѣснимая крестоносцами, призванными нѣкогда польскимъ же княземъ, и соблазненная надеждою заселить нѣкоторые малолюдныя русскія земли, предложила руку своей королевы Ядвиги и корону польскую литовскому великому князю Ягайлу. Католическое духовенство увидѣло въ этомъ случай распространить свое вліяніе и на Русь, попытки на что до сихъ поръ были тщетны. Ягайло принялъ: Литвѣ тоже былъ нуженъ союзъ противъ крестоносцевъ.

Эта ближайшая цѣль была достигнута блистательно: на поляхъ Грюнвальда погибла сила ордена, изъ праха котораго суждено было впоследствии возродиться еще болѣе страшному врагу Польши. Но достиженіе дальнѣйшихъ цѣлей было еще далеко: католицизмъ, не смотря на покровительство Ягайла, не сдѣлался господствующимъ; государственный строй Литвы, съ великимъ княземъ во главѣ, окруженнымъ сонмомъ служилыхъ князей, съ старымъ земскимъ, всеобщимъ городомъ, съ старымъ землевладѣніемъ, не могъ приравняться къ строю Польши съ развившеюся уже шляхтою, съ затѣтками нѣмецкаго мѣщанскаго права въ городахъ, фольварковаго хозяйства въ деревнѣ. Литва рѣшилась держаться отдѣльно и началась борьба, затушенная въ XVI в. только по виду Люблинской Уніей, но приведшая въ XVIII в. къ паденію Рѣчи Посполитой. Не разрывая связи съ Ягайломъ, какъ верховнымъ государемъ, Литва добилаь особаго правителя въ лицѣ Витовта. Этотъ умный государь не могъ довольствоваться ролью вассала и стремился создать обширное самостоятельное государство; но, представляя себѣ государство по западному образцу, съ блестящимъ рыцарствомъ, онъ не нашелъ подъ собою почвы; не разъ мѣняя свою религію, онъ не возбуждалъ ни въ комъ довѣрія, въ особенности большинство его подданныхъ — православные не могли полагаться на князя, измѣнивашаго православію для католицизма. Какъ политикъ преимущественно, онъ смотрѣлъ на религію съ точки зрѣнія политической: этимъ объясняется его связь съ гусситами (пріемъ Іеронима, посылка на Констанцскій соборъ митрополита, отправленіе Сигизмунда Корибутовича въ Чехію); въ ученіи ихъ онъ видѣлъ мостъ, который можно было перекинуть черезъ бездну, раздѣляющую католицизмъ отъ православія. Со смертію Витовта, не кончается борьба между Литвою и Польшею, но напоръ Литвы на востокъ прекращается: сложившееся Московское государство ставитъ ему преграду.

Литовское государство неожиданно появилось на сцену исторіи: героическій порывъ, овладѣвшій народомъ въ лепѣніемъ иноземнаго нашествія,

нашелъ выразителя въ героическомъ вождѣ; рядъ вождей-героевъ, въ сравнительно малый періодъ времени, подчинилъ власти литовской всю Русь западную. Иначе начиналось государство Московское: монгольскій погромъ засталъ землю суздальскую раздѣленною между потомками Всеволода Большого Гнѣзда; въ нихъ во всѣхъ жилъ духъ родоначальника: князья суздальскіе не гонялись за славою; странствующій рыцарь Руси кievской Мстиславъ Мстиславичъ немыслимъ въ средѣ потомковъ Юрѣя Долгорукаго; даже тѣ изъ нихъ, которые отличались героическимъ духомъ (Александръ Невскій), искали практическихъ цѣлей и знали практический путь къ нимъ. Въ средѣ князей суздальскихъ возникли распри за Владиміръ, подобныя распрямъ за Кіевъ; но если на югѣ князь, достигая Кіева, доволенъ былъ честью и свою волость сдавалъ другому, переѣзжая въ Кіевъ, то на сѣверѣ князь великій не переѣзжалъ во Владиміръ, а правилъ имъ изъ своего стольнаго города (Переяславля, Твери, Городца, Суздаля, Москвы). Для одного было важно почетное мѣсто въ родѣ; для другого—матеріальное преобладаніе: «батьюшка—говорилъ Константинъ Всеволодовичъ отцу своему, предлагавшему ему отказаться отъ Ростова и взять Владиміръ—дай ты мнѣ старый городъ Ростовъ и прибавь къ нему новый городъ Владиміръ, или дай ты мнѣ новый городъ Владиміръ и прибавь къ нему старый городъ Ростовъ». Слова эти,—принадлежать ли они князю Константину или лѣтописцу,—превосходно обрисовываютъ возрѣніе на старшинство суздальскихъ князей: старшинство для нихъ не честь, а сила. Оттого самый младшій изъ князей, безъ всякой тѣни права, могъ въ суздальской землѣ занять старшій столъ (Михаилъ Ярославичъ Хороборитъ Московскій); оттого князья сѣверные такъ скоро поняли значеніе новой основы старшинства: ханской милости и такъ ловко сѣумѣли воспользоваться ею. Посреди этихъ практическихъ князей самыми практическими оказались князья московскіе. Самые младшіе изъ князей, владѣльцы захолустнаго городка надъ ничтожною рѣкою съ нѣсколькими приписанными къ нему

деревнями, вышли они на борьбу съ сильнѣйшими князьями и оказались сильнѣе всѣхъ ихъ. Покорностью внѣшней силѣ, давившей русскую землю, они сѣумѣли и овладѣть старшинствомъ и удержать его за собою; но тою же покорностью они достигли другого важнаго результата: волость ихъ, которую они умѣли увеличивать прикупомъ, мудро оставляя нерѣдко видимое владѣніе за старыми владѣльцами, а себѣ только собирая доходы, была безопаснѣе другихъ княжествъ, оттого къ нимъ начало стекаться населеніе со всѣхъ сторонъ, чѣмъ создавалось и упрочивалось за Москвою значеніе народнаго центра. Рано переѣхавъ въ Москву митрополитъ, единственный представитель цѣлости русской земли, и тѣмъ дѣятельность московскихъ князей освятилась въ глазахъ народа; совмѣстное дѣйствіе князей и митрополитовъ, между которыми не всѣ были русскіе (греки Фотій, Теоногностъ, сербъ Кипріанъ) далеко не всѣ изъ земли суздальской (Петръ изъ Волыни, Алексѣй изъ рода выѣзжаго съ юга), важнѣйшая причина успѣха объединенія Руси. Медленно подвигаясь къ своей цѣли, семь разъ отрѣзывая, одинъ разъ отрѣзывая, собиратели земли русской, на первыхъ же порахъ выставили знамя, отъ котораго уже не пришлось болѣе отступать: титулъ «великаго князя всея Руси» былъ принятъ ими очень рано (быть можетъ, даже Калитой). Съ начала XIV в. начинается ихъ дѣятельность, а въ концѣ вѣка московскій князь уже могъ и отбиваться отъ Литвы и выступить противъ татаръ и на поляхъ Куликовскихъ показалъ возможность лучшихъ дней въ грядущемъ. Нравственное вліяніе Мамаева побоища было громадное и память его жива до сихъ поръ въ народѣ, хотя ближайшимъ его послѣдствіемъ было истощеніе силъ и Тохтамышево нашествіе, и современники могли считать его почти бесполезнымъ; но бываютъ минуты, когда для подъема народныхъ силъ успѣхи даже меньшіе въ высшей степени важны: Леонидъ въ Оермопилахъ, Черняевъ у Алексинаца, никогда не забудутся исторіей. Куликовская битва дала надежду Руси на скорое освобожденіе и тѣмъ еще болѣе усилила значе-

ніе московскаго князя, ставшаго теперь стратегомъ русской земли. Никто передъ нимъ значеніе остальныхъ княжествъ: одни прямо присоединились къ Москвѣ; другіе сохранили только видъ независимости; Великій Новгородъ понималъ, что его часть близокъ и правители его, духовные и свѣтскіе, прилагали тщетныя усилія уничтожить опасность; даже распря семейная не повредила великому князю: онъ вышелъ изъ нея съ торжествомъ. Все было готово и явился человекъ, который, закончивъ одинъ періодъ, началъ собою другой: «последній изъ князей-вотчинниковъ, первый изъ царей московскихъ», Иванъ Васильевичъ вступилъ на престолъ, покончивъ въ существенныхъ чертахъ съ задачами стараго времени: оставивъ только призраки удѣльнаго періода, прекративъ существованіе Новгорода, формально отрекшись отъ татарскаго подданства, — онъ поставилъ важнѣйшія задачи будущему: поднялъ вопросъ о тѣхъ земляхъ русскихъ, которыя оставались за Литвою и Польшею, потребовалъ Смоленска и Кіева, объявилъ себя защитникомъ православныхъ и, выйдя за грани старой политики московской, искалъ союзниковъ противъ Польши и въ Угріи, и въ Молдавіи, и у цезаря. Онъ искалъ на западѣ знающихъ людей, которые могли бы техническими свѣдѣніями принести пользу его землѣ. Такъ широко развернулъ онъ свою дѣятельность! Задачи эти рѣшены только въ XVIII в. Только тогда Россія вошла окончательно въ рядъ государствъ европейскихъ, только тогда мы получили окончательную возможность удовлетворить потребности страны въ техникахъ, сдѣлавъ то, что трудно было сдѣлать Ивану — заведя училища дома, только тогда русскія земли почти всѣ соединились; но между задачами, поставленными Иваномъ, одна осталась въ завѣтъ грядущему: онъ принялъ гербъ Византіи, короновалъ внука, что подало поводъ другому его внуку при коронаціи принять титулъ царя, на что потребовалось согласіе патріарховъ, стало быть, придавали титулу особое значеніе; это замѣтно и изъ разсужденій тогдашнихъ книжниковъ, видѣвшихъ въ Москвѣ третій Римъ, послѣдній оплотъ православія, ко-

торому не суждено погибнуть, какъ погибли первые два.

Объединенному государству предстояло не мало важныхъ и трудныхъ задачъ. Бѣдное экономически, открытое со всѣхъ сторонъ нападенію враговъ: съ юга и востока татаръ, съ запада — шведовъ, ливонцевъ и поляковъ, отрѣзанное отъ морей, кромѣ Бѣлаго, государство Московское должно было напречъ всѣ свои силы для того, чтобы обезопасить свои предѣлы, открыть себѣ путь къ дальнѣйшему развитію. Тяжело было это напряженіе нашимъ предкамъ; но честь имъ и слава за то, что, сыны великаго историческаго народа, они вынесли на себѣ всю эту тяжесть и дали намъ возможность выйти въ другую жизнь, дышать инымъ воздухомъ. Сурова была власть государей московскихъ, ревниво охраняла она свои права и дома и за границей; но и время было сурово во всей Европѣ, и каждый, въ чьихъ рукахъ была власть (былъ ли то монархъ, или аристократія), пользовался ею вполне; еще недавнее освобожденіе отъ татаръ, отсутствіе постоянныхъ сношеній съ другими народами, подозрительность со стороны сосѣдей, небезопасность не только границъ, но часто и самого царствующаго града, придали государству Московскому еще болѣе рѣзкій отпечатокъ. Не забудемъ, впрочемъ, что свѣдѣнія наши о немъ идутъ въ значительной степени отъ людей, дурно къ нему расположенныхъ, каковы эмигранты (Курбскій, Котошихинъ), и большинства иностранцевъ; но, не смотря на преувеличеніе, основныя черты вѣрно переданы, только дурно поняты или невѣрно истолкованы. Тяжело было Московское государство, много жертвы требовало оно отъ народа: на всѣ свои общества наложило оно тягло: служилый человекъ за полученное помѣстіе долженъ былъ по первому призыву идти на службу и за отказъ или укрывательство ждало его тяжелое, унижительное наказаніе; посадскіе, приписанные къ городамъ, должны были платить подати и отбывать повинности; крестьяне, приписанные къ землѣ, должны были работать на того, кому земля принадлежить. Такое прикрѣпленіе было необходимо, хотя и тяжелою необходимостью:

призванное своимъ географическимъ положеніемъ къ великой исторической роли, поставивъ себя широкія задачи, Московское государство должно было искать средствъ для ихъ осуществленія: чтобы содержать войско, оно должно было платить; платить оно могло только землею, ибо у него было много земли и мало было денегъ; служилый человекъ, получивъ землю, не всегда находилъ рукъ, которыя обработали бы ее: избытокъ земли былъ такъ великъ, недостатокъ въ рабочихъ такъ силенъ, что взаимно выгоднымъ условіямъ было трудно установиться; особенно это сказывалось на земляхъ бѣдныхъ помѣщиковъ; что касается до городовъ, то прикрѣпленіе городскихъ жителей вызвано было круговою порукою, единственнымъ возможнымъ въ то время средствомъ обезпечить правильное поступленіе податей. Выработывая способы устроить свои финансы, правительство московское рядомъ съ этимъ выработывало и систему администраціи: принятый въ началѣ способъ управленія черезъ намѣстниковъ, которые, являясь какъ бы въ замѣну прежнихъ князей, сами содержали весь личный составъ администраціи и кормились доходами области, оказался неудобнымъ: правители-кормленщики были тягостны для областей и не всегда удобны для правительства; на смѣну этой системы введена была рациональная система самоуправленія общинъ и областей, которая, послѣ событій Смутнаго времени и подъ вліяніемъ усиливающегося значенія приказовъ московскихъ, смѣнилась системою посылаемыхъ изъ Москвы воеводъ, въ началѣ правившихъ только украинами. Управленіе воеводъ, соединившихъ въ рукахъ своихъ власть болѣе или менѣе обширную, смотря по важности поста и довѣрію къ лицу, часто было очень нелегко; но тяжесть его умѣрилась до извѣстной степени для населенія возможностью челобитныхъ, подававшихся всею областью, и собираемыми отъ времени до времени земскими соборами, на которыхъ, при обсужденіи предложеннаго высшимъ правительствомъ вопроса, являлись жалобы на административные безпорядки. Первый изъ земскихъ соборовъ былъ именно собранъ первымъ царемъ

всего Руси для отстраненія безпорядковъ въ управленіи. Не одно воеводское управленіе было тяжело для русскаго человека: тяжелы были и «волоки» московскихъ приказовъ и корыстолюбіе московскихъ дьяковъ—зло, съ которымъ трудно было бороться власти; но самое учрежденіе приказовъ, внося нѣкоторое единство въ управленіи, имѣло и для населенія свою хорошую сторону: въ приказѣ, не связанномъ мѣстными дружбами и враждами, была болѣе возможность найти судъ и управу, чѣмъ въ мѣстной власти, подчиняющейся невольно окружающей ее средѣ. Конечно, практика далеко не всегда соответствовала теоріи, тѣмъ не менѣе, открывался населенію новый путь достигнуть правды. Тяжело было напряженіе русской земли; но уже съ первыхъ шаговъ Московскаго государства видно было, что напряженіе это не должно пропасть даромъ: приготовляемое мудрыми политическими мѣрами, паденіе царства Казанскаго совершилось, храмъ православный засіялъ своими крестами въ Казани; обрусеніе края началось, и средства, принятые къ тому, были такъ целесообразны, что даже въ Смутное время Казань осталась русскою; за Казанью по самой силѣ обстоятельствъ пала Астрахань; вся Волга стала русскою рѣкою; Московское государство такъ усилилось, что повольники русскіе, побѣдивъ царя Сибирскаго и занявъ его землю, не основали здѣсь своей особой общины, какъ было нѣкогда на Вяткѣ, но ударили челомъ сибирскою землею царю православному, а православный царь, Грозный царь Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ ихъ великою милостію, простилъ имъ ихъ прегрѣшенія, и пошли все дальше русскіе скутеры, и въ Сибирь и въ землю Башкирскую, и стали они лѣтъ менѣе чѣмъ черезъ сто у Восточнаго океана и съ ними стало тамъ и Русское государство; а изъ Башкиріи лѣтъ въ 200 слишкомъ перешли въ Среднюю Азію. Народъ русскій шелъ на востокъ, а государство Русское, считая своею обязанностію озаботиться матеріальнымъ и нравственнымъ благосостояніемъ народа, условіемъ его политическаго могущества, начинало смотреть на западъ: на западѣ нѣмцы старались

отрѣзать насъ отъ моря, старались мѣшать намъ призывать свѣдущихъ людей, которые научили бы насъ добывать и употреблять природныя богатства страны, дали бы средства для экономического развитія и политическаго могущества. На западѣ поляки, все болѣе и болѣе укрѣпляясь въ русскихъ земляхъ, указывали западу на опасность отъ усиленія Русскаго государства: когда Грозный царь овладѣлъ Нарвою, польскій король Сигизмундъ Августъ писалъ Елизаветѣ Англійской: «вашему величеству не безъизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ; но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ, неизвѣстно». Стало быть, правъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, когда, не послушавъ своихъ совѣтниковъ, желавшихъ завоеванія Крыма, что было совершенно невозможно ранѣе населенія степи, онъ, ограничась набѣгами на Крымъ, предпринялъ Ливонскую войну. Онъ стоялъ уже почти у цѣли и мечталъ о томъ, что удалось Петру: укрѣпиться у моря, завести свой флотъ. Напоръ сосѣдей, въ особенности воинскіе подвиги Баторія, съ его наемными дружинами, хитрая политика Поссевина, бывшаго посредникомъ, и въ значительной степени постоянно усиливавшееся ненормальное настроеніе духа царя отдалили болѣе, чѣмъ на сто лѣтъ, исполненіе его плана: Иванъ не дожилъ ни до Полтавы, ни до Ништадта, отчасти потому, что явился рано, отчасти и потому, что въ душѣ его слишкомъ глубоко укоренилось недоверіе и даже презрѣніе къ людямъ. Иначе сталъ къ своему народу великій преемникъ его плановъ; иначе повелъ его, по пути, указанному его Грознымъ предшественникомъ, и успѣхъ благословилъ его начинанія: первый императоръ совершилъ то, что задумалъ первый царь. Веселая процессія идетъ по Петербургу-городку, развѣваются флаги на широкой рѣкѣ, гремятъ пушки, празднуется пышнѣйшій всходъ; а сѣмена, которыя взошли теперь, кидаѣтъ когда-то мрачный отшельникъ Александровской слободы, среди кровавыхъ сценъ

и отвратительныхъ оргій. Оргіи и сцены помнитъ просвѣщенное потомство; а великіе планы и заслуги покорителя Казани, разрушителя ордена Ливонскаго, уходятъ далеко на задній планъ, лишь безграмотный народъ поетъ доселѣ про взятіе Казани, да рассказываетъ про то, какъ защищалъ Грозный царь бѣднаго и слабаго отъ богатаго и сильнаго. Смирненнымъ постникомъ и молчаливымъ кончилъ энергическій родъ, создавшій единство русской земли, «честно и грозно» поддерживавшій ея значеніе; на престолъ вступилъ бояринъ, возбуждившій къ себѣ зависть другихъ бояръ, неумѣвшій забыть на престолѣ, что онъ былъ когда-то бояриномъ; на Руси появились смуты: всѣ элементы, широко жившіе въ прошломъ и приниженные возникшимъ государствомъ, употребленные имъ для своихъ служебныхъ цѣлей, снова подняли голову. Потомки удѣльныхъ князей и старые боярскіе роды, ненавидя другъ друга, мечтали о томъ, чтобы захватить власть въ свои руки и выставили соперника Борису, прикрывъ его именемъ рано погибшаго царевича; но когда орудіе оказалось несовѣмъ удачнымъ, когда увидѣли, что оно переходитъ въ другія руки — руки очень ловкія, его свергли, выбрали своего царя и ограничили его власть своимъ совѣтомъ; на встрѣчу ихъ притязаніямъ шли притязанія бродниковъ, гулящихъ людей, не выносившихъ стѣснительнаго порядка, мечтавшихъ о широкой волѣ; казачество сгруппировалось около своего царика и, соединясь съ казачествомъ польскимъ (лисовчиками), затѣяло Тушинымъ замѣнить Москву, казацкимъ кругомъ — правительство. Среди общей смуты, снова слышались старыя распри древнихъ вѣчевыхъ городовъ, (Псковъ), поднялись инородцы; жадно протянули руки свои сосѣди за легкой добычей: польскій королевичъ былъ провозглашенъ царемъ; поляки заняли Кремль; шведы — Новгородъ. Тогда «дошло дѣло до послѣднихъ людей и встали послѣдніе люди, какъ одинъ человекъ». Имена вождей этого движенія краснорѣчиво показываютъ намъ, кто были эти послѣдніе люди, соль земли русской и ея оплотъ. Князь Пожарскій и земскій староста нижегород-

скій Кузьма Миничъ Сухорукій представляютъ два элемента осѣдлаго населенія, лучшаго оплота порядка: областные служилые люди представляются Пожарскимъ; люди посадскіе, прочное населеніе городовъ—Мининымъ. Люди эти встали не изъ свѣкорыстныхъ цѣлей, они не пошли добиваться старшаго чина, какъ тушинскіе бояре, не искали добычи, какъ казаки и другіе «воры», свита «тушинскаго вора»; они шли биться за свой домъ, свои семьи, за вѣру, отцовъ, за русскую землю и побѣдили. Очистивъ Кремль отъ поляковъ, побѣдители собрали представителей земли и избрали царя. Выборъ Михаила Романова — неопровержимое доказательство того, что Русь восточная глубоко сознавала необходимость единства. Къ сожалѣнію, источники нашихъ свѣдѣній объ этомъ многозначительномъ событіи слишкомъ скудны; тѣмъ не менѣе, общій смыслъ его кидается всѣмъ въ глаза: народъ великорусскій торжественно призналъ дѣло Калиты, Донского и двухъ Іоанновъ своимъ кровнымъ дѣломъ; народъ великорусскій явилъ себя великимъ историческимъ народомъ; приближался часъ, когда къ его знамени начнутъ собираться другія отрѣзанные племена русскія, когда титулъ царя всея Руси станетъ не надеждою, а дѣйствительностію.

Въ Москвѣ домъ Калиты заканчивалъ свою плодотворную дѣятельность и собиралась гроза, послѣ которой Русь вышла еще сильнѣе:

Такъ тяжкій млатъ,

Дробя стекло, куетъ булатъ!

А Польша въ то время праздновала двѣ свои побѣды въ земляхъ литовско-русскихъ: Унія Люблинская создала, казалось, твердую почву единства государственнаго, Унія Брестская — единства церковнаго. Русь западная навсегда казалась отрѣзанной отъ Руси восточной: ея князья-бояре обратятся въ польскую шляхту; ея купцы-посадскіе сдѣлаются мѣщанами; ея церковь подчинится папѣ и не будетъ имѣть ничего общаго со схизмою. Такъ рассуждали современники, но не то увидѣло потомство. Унія политическая, давняя мечта поляковъ, долго встрѣчала сопротивленіе въ Литвѣ: она разбивалась о сопротивленіе князей литовскихъ, не

т. I. 77.

желавшихъ терять свое первенствующее положеніе, о сопротивленіе Литвы допустить чужеродцевъ-поляковъ къ занятію должностей въ великомъ княжествѣ и полученію права землевладѣнія. Проведена она была насиліемъ: Сигизмундъ-Августъ воспользовался тѣмъ, что Литва—государство его наследственное, и пожертвовалъ его полякамъ; но такъ какъ и это не оказалось дѣйствительнымъ, то поссорили Литву съ Русью, воспользовались русскою преданностію лицу государя и достигли своей цѣли, не смотря на то, что жмудскій староста на колѣняхъ умолялъ короля не соединять Литвы съ короной. Слѣдствіемъ соединенія былъ наплывъ въ Литву польскихъ понятій и польскаго языка; ополяченіе русскихъ князей и бояръ пошло быстро, хотя и до того уже многіе учились въ Краковѣ. Когда же еще при Сигизмундѣ-Августѣ вызваны были въ Литву іезуиты дѣйствовать противъ протестантизма, сдѣлавшаго большіе успѣхи, они направились и на православныхъ и стали ихъ привлекать въ свои школы; при нѣкоторомъ покровительствѣ іезуитамъ Баторія и въ особенности при полномъ подчиненіи имъ Сигизмунда III, дѣло ихъ пошло еще успѣшнѣе. Значительная испорченность въ высшей русской іерархіи, зависѣвшей въ назначеніи своемъ отъ свѣтской власти, на основаніи права покровительства (*jus patronatus*), сильно распространеннаго въ западной Руси, помогла найти въ ихъ средѣ защитниковъ соединенія церквей, и соборъ Брестскій объявилъ это соединеніе состоявшимся. Почти все сильное и болѣе просвѣщенное стало на сторону Унии и даже прямо приняло католицизмъ: княжескіе роды и знать начали одинъ за другимъ переходить въ чужую вѣру и становиться врагами своего народа; сопротивленіе горожанъ (въ Витебскѣ, гдѣ убили Кунцевича) сломано. Все, казалось, погребло; но на защиту православія и русскаго дѣла вышли новые борцы: казаки. Казаки на Руси—явленіе очень давнее: мы видѣли ихъ въ бродникахъ Руси кievской, въ повольникахъ Великаго Новгорода, въ казакахъ Руси восточной. На югѣ казачество начинаетъ сосредоточиваться въ XV в., появ-

ляются предводители обширных казачьих дружинъ, получающіе названіе гетмановъ; во главѣ этихъ дружинъ являются люди знатные, въ родѣ Дашкевича, Вишневецкаго и другихъ; о смѣлыхъ походахъ казачьихъ далеко разносится молва; оба государства: Московское (Дашкевичъ при Іоаннѣ III, Вишневецкій при Іоаннѣ IV) и Литовское употребляютъ ихъ для своихъ цѣлей. Съ Баторіа начинается стремленіе подчинить казаковъ правильной организаціи, сдѣлать изъ нихъ военную границу, ибо ихъ набѣги на турокъ и татаръ нерѣдко вызывали государственныя столкновенія. Казаки были этимъ недовольны. Къ этой борьбѣ присоединилась еще другая борьба: гдѣ казаки отвоевали степь, тамъ становилось безопаснѣе отъ татаръ, являлись поселенія, сюда стремились колонизаторы и изъ знати, польской и литовской; начиналась борьба за землевладѣніе, выразившаяся, наконецъ, въ томъ, что государство потребовало отъ казаковъ доказательствъ на права владѣнія землею, грамотъ; а какія грамоты могло представить казачество? Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, начался рядъ казачьихъ волненій, къ которымъ приставали недовольные изъ разныхъ частей Украины; страшно усмирялись эти волненія и казаки начали переходить въ степь восточной Руси (Остраница); снова завязываются сношенія съ Московскимъ государствомъ, зрѣетъ мысль о соединеніи. Посреди этой борьбы, казачество иногда бываетъ нужнымъ и государству Польскому; оно начинаетъ ублажать казачество: такъ Сайгадачному удалось возстановить православную іерархію, низвергнутую Уніей. Велико было нравственное вліяніе представителей духовной мысли, въ родѣ Іоанна Вишенскаго и Іова; но, безъ страха передъ казаками, Польша не согласилась бы на признаніе православной церкви; сами братства, сослужившія великую службу поддержаніемъ свѣточа православія, не имѣли достаточно силы для дѣйствія политическаго. Послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, кончавшихся пущимъ угнетеніемъ Украины, всталъ Богданъ Хмельницкій. Каковы бы не были сужденія о характерѣ этого вождя казачаго, въ которомъ ни одинъ безпристрастный человекъ

не станетъ отыскивать рыцаря въ идеальномъ смыслѣ, ни даже идеальнаго народнаго вождя, въ родѣ Гарибальди; но должно согласиться въ томъ, что имя его тѣсно соединилось съ дѣломъ объединенія Руси, которому онъ послужилъ, быть можетъ, мимовольно, убѣдясь въ непрочности всякихъ другихъ союзовъ. Послѣ того, какъ на радѣ Переяславской рѣшено было: «волимъ за Бѣлаго царя, московскаго», обѣ части разрозненной Руси взглянули другъ на друга и другъ друга не узнали: въ одной крѣпкая власть, поддержанная народной вѣрой, народная гордость, хотя и въ необразованной формѣ, практическій смыслъ — задатки народнаго величія; но при этомъ грубость формы, отсутствіе образованія; съ другой — законная власть, казачій кругъ; но постоянное стремленіе гетмановъ и старшины состоитъ въ томъ, чтобы обойти эту власть, обратиться гетману въ государя, хотя бы и вассальнаго, старшинѣ въ наследственную шляхту, которая должна была смѣнить изгнанную польскую, а изъ всего остального, и казачества, и посполства, и городовъ, надѣлать своихъ хлоповъ. Изъ этихъ стремленій и честолюбія, поддерживаемаго польской интригою, происходятъ всѣ смуты Малороссіи, окончившіяся полнымъ уничтоженіемъ казачьей власти надъ краемъ и гетманства, хотя, къ сожалѣнію, съ значительною уступкою стремленіямъ старшинъ и ихъ потомковъ: ихъ признали дворянами и утвердили вошедшее уже въ обычай крѣпостное право. Смуты украинскія повели къ раздробленію Украины на двѣ части, изъ которыхъ одна осталась русскою, а другая постоянно переходила изъ рукъ въ руки и доставалась то полякамъ, то туркамъ, и лишь при Екатеринѣ II соединилась съ Россією. Принятіе въ подданство Малороссіи вызвало усиленіе неумолкавшихъ ни въ XVI, ни въ XVII в. попытокъ условиться о соединеніи Польши съ Русью, попытокъ, постоянно разбивавшихся о разность вѣры и гражданскаго строя. Въ этихъ попыткахъ поляки постоянно указывали на единство славянскаго происхожденія, на удобства совѣстной борьбы съ татарами и турками. Янъ Казиміръ, собирающій сеймъ для обсу-

денія вопроса о соединеніи, указываетъ на него, какъ на «всему широко распространенному славянскому племени необходимое дѣло и для смущенія завистныхъ всему славянскому народу сосѣдей». Идеаль Болеславовъ никогда не погасалъ въ Польшѣ: поляки, такъ любившіе сравнивать себя съ римлянами, постоянно мечтали о первенствующей роли въ славянствѣ; но, при всѣхъ ихъ блестящихъ качествахъ, имъ никогда не доставало основной черты римскаго характера: государственнаго смысла, и этотъ недостатокъ сгубилъ, наконецъ, Польшу, особливо когда рядомъ съ «королятами», какъ на Украинѣ называли польскихъ пановъ, стало обновленное іезуитизмомъ католичество, съ средневѣковою нетерпимостью соединившее утонченное коварство временъ позднѣйшихъ. Съ такой Польшей Русь не могла соединиться: Русь, столько вынесшая для созданія порядка, столько потерпѣвшая изъ-за него, не могла мириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, при которомъ каждый шляхтичъ считалъ себя какъ бы отдѣльнымъ государемъ: «мы государи — говорила польская шляхта XVIII в. — и можемъ сноситься съ государемъ». Поэтому въ Польшѣ не вымирали иноземныя партіи, и Новгородъ въ громадныхъ размѣрахъ повторился въ Рѣчи Посполитой. Польскіе взгляды и понятія не остались безъ отголоска и на Руси: на Польшу смотрѣли съ завистію нѣкоторые уже въ XVI в.: не даромъ тамъ такъ привольно было кн. А. М. Курбскому, не даромъ такъ скучалъ въ Москвѣ кн. Хворостининъ; въ XVII в. появились въ Москвѣ польскіе гувернеры; польскій языкъ сдѣлался тѣмъ же, чѣмъ позднѣе былъ языкъ французскій: языкомъ образованія; изъ Польши идетъ господствовавшее у насъ въ XVIII в. слово шляхетство и самыя шляхетскія понятія: слово никогда не принимается совершенно оторвано отъ смысла; въ аристократическихъ понятіяхъ, высказанныхъ на собраніяхъ Екатерининской комиссіи, въ значительной степени слышатся отголоски польскихъ понятій. Не даромъ А. Р. Воронцовъ, хотя и на французскомъ языкѣ, выражаетъ свое сочувствіе къ

польской аристократіи: «la manière dont vivaient les magnats polonais — говорить онъ — leur train, la consideration dont ils jouissaient, tout cela me frappa et me faisait croire alors qu'il n'y avait pas d'état plus à envier que celui d'un grand de la Pologne». Польскіе обычаи принимались у насъ въ XVIII в.: вспомнимъ гусаровъ нашихъ дѣдовъ и казачковъ временъ нашего дѣтства, вспомнимъ, что іезуиты, допущенные къ намъ далеко не съ такою свободой, какою они пользовались въ Польшѣ, все-таки сдѣлали намъ много зла. Пробились ли бы мы къ европейскому просвѣщенію, въ случаѣ ранняго соединенія съ Польшею? отвѣчать на это невозможно, но можно сказать, что, по всей вѣроятности, трудная, упорная борьба ждала насъ, и на тогдашней степени нашего развитія исходъ борьбы едва ли не былъ въ высшей степени сомнительнымъ. Въ то самое время, когда въ Польшѣ готовилась обманчивая попытка соединенія, въ Москву прибылъ сербъ Юрій Крижаничъ. Этотъ великій славянскій патріотъ указывалъ на міродержавную роль, которую долженъ занять русскій государь: «на тебя одного, славный царь — говорить онъ царю Алексѣю Михайловичу — смотреть весь народъ славянскій. Ты, какъ отецъ, изволь заботиться и стараться о своихъ растерянныхъ дѣтяхъ, чтобъ ихъ собрать. Заботься объ обманутыхъ и чуждой лестию одураченныхъ, чтобъ имъ возвратитъ разумъ, какъ сдѣлалъ тотъ отецъ въ Евангеліи блудному сыну... ты одинъ, о царь, теперь намъ Богомъ данъ, чтобы помочь и Задунайскимъ славянамъ, полякамъ и чехамъ, чтобы они начали сознавать притѣсненія и позоръ свой, думать о просвѣщеніи народа и сбрасывать съ шеи нѣмецкое иго». Первымъ средствомъ къ тому, за невозможностію немедленнаго политическаго дѣйствія, Крижаничъ считаетъ утвержденіе общаго языка. Подозрителенъ показался нашимъ предкамъ великій славянскій патріотъ: съ политическими воззрѣніями, съ которыми могли, хотя и не вполне, соглашаться въ Москвѣ, соединялись у него религіозныя, тамъ вполне несочувственныя. Много лѣтъ провелъ онъ въ Сибири

итамъ не оставлялъ свои мечтанія. Рано было осуществиться его мыслямъ въ XVII в.; но онѣ были записаны и рукопись его сохранилась неизвѣстною до того времени, когда его мысль находить отголосокъ во многихъ сердцахъ, когда мелькаетъ отдаленная надежда на ея осуществленіе; когда же встанетъ, наконецъ, великое и единое славянское племя на свое подобающее мѣсто, имя Юрія Крижанича, какъ пророка этой будущей славы, станетъ съ почтеніемъ переходить изъ рода въ родъ.

Война съ Польшою за Малороссію и съ Швеціей за Польшу разшевелила многое въ Московскомъ государствѣ: пришлось не только нанимать иностранныхъ воиновъ, но и у себя завести иноземный ратный строй, пришлось думать о строеніи кораблей, завести почты, постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ; въ средѣ великорусскаго духовенства появляется малорусское, болѣе образованное, хотя и подвергшееся чуждому вліанію; наука ихъ появляется и въ царскомъ теремѣ; туда же проникаетъ и театральное зрѣлище, хотя и въ обветшалой формѣ мистерій и интермедій; женщина начинаетъ выглядывать изъ терема и близокъ день, когда царевна появится на первомъ мѣстѣ въ торжественныхъ процессіяхъ, во главѣ государственнаго управленія. Время «тишайшаго» отца предвѣщаетъ великое и грозное время геніальнаго сына.

Образъ царя, вѣчно «въ работѣ пребывающаго», честь и гордость русскаго народа, слава его предъ всѣми народами міра, Петръ—величайшій представитель русскаго духа: онъ вождь своего народа, и по праву рожденія, и по праву генія; онъ видитъ ясно цѣль, угадываетъ людей, способныхъ служить ей, отыскиваетъ средства къ ея достиженію. Это не теоретикъ-идеалистъ, служащій идеѣ, это величайшій реалистъ. Практикъ, сынъ великаго практическаго народа, онъ знаетъ, что нужно времени и безплодно не тратить силы на недостижимое. Если что нибудь изъ затѣяннаго имъ и не привилось, то это, по большей части, что нибудь второстепенное для его цѣли и не исполнялось оно какъ будто для того, чтобы показать, что и ге-

ніальные люди не всемогущи и не всевѣдущи. Самъ Петръ сознавалъ охотно свои ошибки и охотно исправлялъ ихъ; онъ любилъ выслушивать справедливыя замѣчанія: вспомнимъ кн. Як. Долгорукова; и въ англійскомъ парламентѣ Петръ замѣтилъ сочувственную себѣ черту: «весело слушать—говорилъ онъ, по свидѣтельству Нартова—когда сыны отечества королю говорить явно правду, сему-то у англичанъ учиться должно». Правильной школы Петръ не прошелъ; но его любознательность сдѣлала всякаго, кто что нибудь зналъ, его учителемъ; ничто не ускользало отъ этой всепоглощающей любознательности; никто быстрѣ Петра не умѣлъ схватить смысла того, что ему передавали, и никто лучше его не могъ найти примѣненія тому, что онъ узналъ. Этимъ Петръ былъ также сыномъ своего смѣтливаго народа, умѣющаго перенять что угодно и быстро примѣнить къ дѣлу. Какъ великоруссъ, Петръ умѣлъ работать безъ усталости; какъ великоруссъ, онъ умѣлъ и веселиться беззаветно. Такой-то представитель своего народа, возведшій въ своей геніальной природѣ качества народныя до высочайшей степени, появился въ главѣ своей страны въ трудное для него время: сложилось громадное государство, по необходимости вошло въ сношенія съ государствами окружающими и, главное, стало къ нимъ враждебно: Швеція отрѣзывала его отъ одного моря, турки и татары отъ другого; Польша тяготѣла надъ значительной частью его народа и не отказывалась отъ притязаній и на другую, а между тѣмъ, у этого государства не доставало силъ на предстоящую борьбу, или скорѣе, не доставало умѣнія вызвать и организовать свои силы. Эта-то внѣшняя организація, условіе правильнаго внутренняго развитія, и стояла первой неотложной задачею передъ русскимъ народомъ; московское правительство старалось полумѣрами отстранить зло, но отстранить зло можно было только рѣшительными средствами. Къ нимъ-то Петръ и прибѣгъ. Государственнымъ идеаломъ XVIII в. было сильное государство, съ развитою администраціей, съ постояннымъ войскомъ, съ промышленностію и торговлею, организо-

ными въ видахъ государственныхъ. Осуществленіе такого государства на Руси стало цѣлю Петра: онъ напрягъ всѣ силы страны, чтобы дать ей политическое значеніе; увеличилъ эти силы покровительствомъ и даже созданиємъ промышленности, возможною организаціею городского сословія. Создавать сильное государство пришлось ему среди великихъ затрудненій внутреннихъ и вѣшнихъ: внутри ему пришлось бороться не только съ открытымъ сопротивленіемъ Софіи и стрѣльцовъ, но и съ скрытымъ сопротивленіемъ и нежеланіемъ служить государственнымъ цѣлямъ, съ непониманіемъ этихъ цѣлей; вѣнъ встрѣтилъ соперника, сильнаго многолѣтнимъ преданіемъ военной славы своего народа, сильнаго и своимъ воинственнымъ характеромъ и упорною настойчивостію своей воли, а союзникъ Петра, Августъ (другіе союзы были не такъ продолжительны: датскій въ самомъ началѣ и концѣ; бранденбургскій и ганноверскій послѣ Полтавы) важенъ былъ только тѣмъ, что на себя отвлекалъ силы врага, да и то при помощи русскихъ. Все это поборолъ Петръ и отъ Нарвы довелъ свой народъ до Полтавы и Ништадтскаго мира. Сколько вѣры въ свой народъ и его задачу, сколько упорнаго труда нужно было для того, чтобы не ослабѣть ни на минуту, не останавливаться ни передъ какими препятствіями! Немногіе вѣрили въ то, что Россія устоитъ передъ такимъ побѣдоноснымъ вождемъ, каковъ былъ Карлъ: цезарь опасался, чтобы онъ не долго былъ въ Германіи и не захватилъ бы ее; въ самой Россіи Мазепа измѣнилъ потому, что слишкомъ увѣровалъ въ Карла; Петръ же вѣрилъ въ Россію крѣпче всѣхъ: въ вѣрѣ почерпнулъ онъ и силу и бодрость и вѣра дала ему побѣду. Крѣпко борясь изъ-за своей главной цѣли, Петръ намѣчаетъ новыя цѣли: указываетъ путь на востокъ, твердой ногой становится въ Польшѣ и готовится рѣшеніе польскаго вопроса; заводитъ сношенія съ славянскимъ міромъ; ищетъ моряковъ на Адриатическомъ морѣ; писцовъ для канцеляріи — въ австрійскомъ славянствѣ; вызываетъ къ сербамъ и черногорцамъ. Понятно, что глаза славянства обращены были на него и понятенъ привѣтъ,

послышавшійся ему изъ островка славянскаго, охваченнаго нѣмецкимъ міромъ: изъ Лужицы*). Онъ первый созналъ и высказалъ, что, какъ народы запада смѣнили грековъ и римлянъ во главѣ цивилизаціи, такъ въ свою очередь ихъ смѣнятъ славяне. Что онъ провидѣлъ значеніе славянства, показываетъ уже и то, что при немъ появилась «Исторіографія» Мавро Урбино въ русскомъ переводѣ. Величіе генія Петрова, громадность его цѣлей поражаютъ западный міръ и отражаются въ созданіи дикаго мифа о завѣщаніи Петра Великаго. Вражда, злоба и боязнь за будущее выразились въ этомъ мифѣ, угрожающемъ Европѣ господствомъ силы, какъ будто сила не господствовала въ Европѣ и въ XVIII в. и не господствуетъ и до нашихъ временъ. Когда европейскій мыслитель, одинъ изъ самыхъ передовыхъ, рисуетъ себѣ будущее, онъ видитъ въ немъ господство силы, только вооруженной всѣми средствами науки. Этотъ «Сонъ» Ренана въ высшей степени поучителенъ: сила вѣшняя есть начало и конецъ для міра романо-германскаго, наслѣдника Рима, воспитаннаго двойными преданіями авторитета, цезарскимъ и папскимъ; авторитету западъ можетъ противопоставить только личность и въ гражданской и въ духовной сферѣ (личное землевладѣніе, сословныя корпораціи и протестантизмъ и т. д.). Вопросъ о примиреніи свободы съ авторитетомъ не разрѣшимъ на почвѣ западной; внутренніе варьары, какъ гениально выразился Т. Карлейль, стоятъ у воротъ новаго Рима: въ мірѣ экономическомъ западъ потерялъ поземельную общину; въ мірѣ духовномъ онъ не зналъ духовной свободы православія. Міръ славянскій сохранилъ въ себѣ зерно будущаго; отъ него отпали нѣкоторыя части, изъ которыхъ нѣкоторыя уже совсѣмъ погибли, другія исказились въ значительной степени; но въ самомъ дальнемъ углу славянства создано великое государство; для борьбы съ сосѣдями, для сохраненія своей независимости, своихъ основныхъ началъ, оно приняло подъ давленіемъ обстоятельствъ суровую форму, наложило на себя инстинктивно суровый долгъ и

*) См. I. I. Первольфа: «Славянская взаимность», 131 (Ж. М. Н. Пр. 1874, № 1).

явилось, наконецъ, уворотъ старой Европы требовать себѣ мѣста въ ея совѣтахъ. Переполюшилась Европа и сначала искала въ немъ или средствъ диверсій противъ своихъ враговъ, или мѣста сбыта своимъ товарамъ, встрѣчая часто спасительное недовѣріе, основанное на здравомъ смыслѣ; но техническое невѣжество и отсутствіе моря мѣшали Руси пользоваться всѣми своими силами и ставили въ нѣкоторую зависимость отъ странъ, болѣе развитыхъ; шло время и все яснѣе и яснѣе проявлялось, что оставаться въ зависимости экономической Россія не намѣрена долго; въ главѣ ея сталъ геніальнѣйшій изъ царей земныхъ: онъ, не дожидаясь того, чтобы пришли къ нему и выучили, чему сами хотять, лично отправился узнать тайну могущества Европы, принесъ ее своему народу и топоромъ плотника и мечемъ Полтавскимъ прорубилъ окно въ Европу. Тогда нельзя уже было болѣе держать этого непризванного гостя въ отдаленіи, надо было *faisant bone mine au mauvais jeu* признать его равноправнымъ и стараться всѣми средствами обойти и обмануть его неопытность, втянуть его въ свои союзы, подчинить его своимъ политическимъ и экономическимъ видамъ. Такъ начался XVIII в. При дворѣ преемниковъ Петровыхъ спорили о вліяніи иноземные послы; сочли даже возможнымъ вмѣшиваться во внутренніе дѣла страны; наука, за немногими исключеніями, казалась чужеземнымъ цвѣткомъ, поддерживаемымъ тепличными средствами и представляемымъ одними иностранцами; иностранцы окружили престолъ:

И средь безмолвія и страха,
Средь казней, пытокъ и опалъ,
Ужъ на корону Мономаха
Курляндецъ дерзкій посягалъ...

Вдругъ все перемѣнилось: дочь Петра Великаго взшла на престолъ. Русская душою, благоговѣя къ памяти великаго отца своего, Елизавета Петровна сумѣла выбрать помощниковъ, сумѣла женскимъ тактомъ держать себя вѣдущихъ ее интригъ и принесла много пользы русской землѣ. Теперь настала пора исполнить оцѣнить ея дѣятельность: историкъ нашего времени произносить ей благодарное слово и есть за что: она уничтожила смертную казнь,

первая въ Европѣ; ея женское сердце подсказало ей то, до чего тогда еще не додумались криминалисты; при ней уничтожены внутреннія пошлины и возвышены внѣшнія, что дало средства подняться русской промышленности; при ней русская дипломатія заговорила въ пользу православныхъ не только въ Польшѣ, но и въ Австріи; при ней для населенія степей призваны сербы и, такимъ образомъ, въ степи поселенъ народъ, который, и по языку и по вѣрѣ, скоро слился съ русскими, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддержалъ въ славянскомъ мірѣ убѣжденіе, что есть земля,

Гдѣ не считается славянство
За тяжкій первородный грѣхъ;

внѣшняя политика Елизаветы выразилась въ обузданіи «скоропостижимаго» короля прусскаго; наконецъ, при ней возникъ Московскій университетъ по мысли геніальнѣйшаго изъ русскихъ ученыхъ, которому, наконецъ, дана была возможность показать

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Вѣкъ Елизаветы приготовилъ вѣкъ Екатерины. Этотъ великій вѣкъ оставилъ по себѣ глубокий слѣдъ въ русской исторіи. Вокругъ геніальной, многотрудной и многопонимавшей царицы собралась цѣлая плеяда замѣчательныхъ людей, «екатерининскіе орлы»: тутъ былъ и представитель русской широты въ замыслахъ и русской хандры, полный противорѣчій, геніальный создатель Новороссійскаго края, тутъ былъ и русскій чудо-богатырь Суворовъ, юродствующій, чтобы имѣть болѣе независимости, и методическій Румянцевъ, и тонкій дипломатъ Безбородко, и безкорыстный, умный, вѣчно недовольный Панинъ; тутъ были и представители зарождающейся новой русской литературы: здѣсь проявлялъ свою необузданную силу Державинъ; здѣсь показывалъ Фонвизинъ зеркало невѣжеству; а Новиковъ затѣвалъ борьбу и со скептицизмомъ вѣка и со старыми неизцѣлимыми еще язвами русскаго общества; было и много другихъ. Всѣхъ выслушивала императрица, всѣми старалась пользоваться и всѣхъ старалась направлять. Изъ послѣдняго стремленія выходили въ

концѣ ея царствованія прискорбныя столкнове-
нія; она платила дань злобѣ дни; объ этомъ
пожалѣетъ историкъ, но за это обвинить не
можетъ: у каждаго дня есть своя злоба и ни-
кому изъ людей не дано миновать ее вполне.
Царствованіе Екатерины было блистательно и
извнѣ и внутри; не напрасно говорилъ Безбородко
уже послѣ кончины императрицы: «не знаю,
какъ теперь, а при насъ ни одна пушка не могла
выстрѣлить въ Европѣ безъ нашего позволенія». Вліяніе Россіи въ дѣлахъ европейскихъ было
рѣшительно: быть можетъ, это не всегда было
хорошо и впоследствии привело Россію къ вой-
намъ, не всегда нужнымъ для ея интересовъ,
хотя бы къ войнѣ 1799 г., героическіе эпизоды
которой не выкупили всей ея безполезности;
тѣмъ не менѣе, однако, при Екатеринѣ еще не ви-
дать было оборотной стороны медали. Своимъ
положеніемъ въ Европѣ Екатерина умѣла поль-
зоваться съ большимъ искусствомъ и своими
успѣхами еще усиливала европейское положеніе
Россіи. При Екатеринѣ Россія дошла до Чернаго
моря и твердою ногою стала у него; при Ека-
теринѣ Россія получила право покровительство-
вать своимъ единоувѣрцамъ въ Турціи и пробу-
дила тѣмъ христіанъ турецкихъ къ новому со-
знанію; при Екатеринѣ Россія возвратила отъ
Польшы почти всѣ свои коренныя земли; то,
что Россія не дошла на западъ до предѣловъ,
въ которыхъ оставилъ ее Владиміръ Свѣтой,
постоянно озабочивало Екатерину. Польша пала
по своей собственной винѣ; раздѣленіе ея—со-
бытіе печальное; конечно, было бы лучше, если-
бы совершилось добровольное соединеніе или
еслибы, оставаясь отдѣльно, Польша могла от-
казаться отъ своихъ притязаній на обращеніе
русскаго народа въ рабство; но Польша этого
не могла сдѣлать; существовать сама по себѣ
она не могла; допустить иноплемениковъ по-
глотить всю Польшу не могла Россія, и потому
пришлось сдѣлать уступку, пришлось идти на
сдѣлку. Бываютъ трагическія положенія въ
жизни народовъ. Такимъ трагическимъ эпизо-
домъ является и разрѣшеніе роковаго польскаго
вопроса; горькія его послѣдствія сказались
позднѣе и едва ли миновали и теперь; но иного

разрѣшенія нельзя было ожидать при данныхъ
обстоятельствахъ. Внутри при Екатеринѣ сдѣ-
лано также много, какъ и во внѣ: задумавъ пе-
рестроить администрацію страны, только намѣ-
ченную Петромъ Великимъ и почти нетронутой
его преемниками, Екатерина сочла нужнымъ
ознакомиться съ потребностями и положеніемъ
различныхъ слоевъ, чтобы затѣваемая админи-
страція соотвѣтствовала росту общественному,
и для того собрала въ Москву свою знаменитую
Коммиссію, которая ярко выразила желанія и
настроенія общества. «Теперь—говорила Екате-
рина — мы можемъ судить о цвѣтахъ по цвѣ-
тамъ, а не такъ, какъ слѣдуетъ судить о цвѣ-
тахъ». Рядъ преобразованій, начатыхъ Екате-
риною, удовлетворилъ требованіямъ тогдашняго
интеллигентнаго слоя: служилое сословіе, осво-
божденное отъ тягла, сдѣлалось дворянствомъ;
въ руки его отдано было въ значительной сте-
пени мѣстное управленіе: оно выбирало судей,
полицію, въ своихъ собраніяхъ блюло за своими
интересами, представляло мѣстность передъ
верховною властію. Для развитія общественнаго,
такая роль, данная дворянству, не прошла без-
слѣдно: разрозненные дотошъ по разнымъ мѣ-
стамъ на службѣ, или доживающіе свой вѣкъ
въ деревнѣ, стали сходиться, явились въ про-
винціи центры съ нѣкоторою интеллигентною
окраскою; конечно, всего этого было недостаточно;
конечно, дворянство, опирающееся на крѣпостной
трудъ, не стояло на высотѣ своей задачи, но все-та-
ки положено начало обществу, какъ обществу. Го-
родатоже получили нѣкоторую долю самоуправле-
нія; но, къ сожалѣнію, внесенное съ Запада и чуждое
намъ начало сословности много исказило всѣ
эти начинанія; къ сожалѣнію, мысль императри-
цы, поддержанная кое-кѣмъ въ обществѣ и ли-
тературѣ, освободить крестьянъ разбилась о
сопротивленіе дворянства и апатію обществен-
ной мысли, не смотря на то, что пламя, за-
жженное Пугачевщиной, и необходимость, созна-
ная правительствомъ, наказывать слишкомъ
злоупотребляющихъ своею властію помѣщиковъ,
казалось, должны были бы указать на необхо-
димость этой мѣры. Крѣпостное право еще жило
въ сознаніи общества и отдѣлаться отъ него

было не легко; то, что Екатерина не рѣшилась на эмансипацію, не должно закрывать отъ насъ значеніе ея царствованія: народы историческіе умѣютъ постепенно отдѣляться отъ язвъ и золъ, оставляемыхъ предшествующими эпохами и составляющихъ необходимую принадлежность всякаго развитія. Точно также прискорбные случаи въ мірѣ литературномъ послѣднихъ годовъ ея жизни не должны заставлять насъ забывать того мощнаго толчка, который она дала русской мысли, и собственнымъ участіемъ въ литературѣ, и поддержкой журналовъ, и открытіемъ типографій и стараніями о водвореніи образованія.

Образованіе, данное временемъ Екатерины, было образованіе европейское. Петръ думалъ о знаніяхъ практическихъ: ему нужны были техники. Екатерина, дочь «просвѣтительнаго вѣка», ученица философовъ-энциклопедистовъ, думала о просвѣщеніи обще-человѣческомъ, что на языкѣ того времени значило просвѣщеніе французское; и вотъ, не смотря на ужасъ, внушенный французской революціей, частію подъ вліяніемъ благоговѣнія къ золотому вѣку Франціи, а частію и при пособіи эмигрантовъ, все русское образованное общество заговорило по-французски. По-французски говорилъ и, отчасти, и думалъ любимый внукъ Екатерины, ея воспитанникъ—Александръ I. Въ началѣ своего царствованія, онъ думалъ перенести къ намъ европейскія учрежденія; въ концѣ, отчаявшись въ Россіи, онъ довѣрился Аракчееву, а самъ отдался заботамъ о дѣлахъ европейскихъ: дипломатія была всегда его любимымъ занятіемъ. Противодѣйствіе сначала Наполеону, а потомъ всеобщей революціи, которою пугалъ Европу Меттернихъ, чтобы лучше устраивать дѣла своего не отличающагося устойчивымъ равновѣсіемъ отечества, заняло все время императора Александра I; но и его царствованіе не прошло безплоднымъ для русскаго сознанія: 12 годъ много поднялъ народныя силы, и зарево Москвы, освѣтивъ Европѣ до нѣкоторой степени то, что таится въ душѣ народной, помогло и внутри пробужденію сознанія: нѣсколько новыхъ университетовъ, «Исторія» Карамзина, пер-

выя поэмы Пушкина — предвѣщали новую жизнь.

Намъ еще трудно теперь судить о времени, наступившемъ за кончиною императора Александра I; вѣрно только то, что въ слѣдующіе 30 лѣтъ русская земля ни во внѣшней, ни во внутренней жизни не сдѣлала шагу назадъ: во внѣ, благодаря успѣхамъ русскаго оружія и усиліямъ русской дипломатіи, создались Сербія и Греція; много сдѣлано для организаціи Молдавіи и Валахіи; самая Венгерская компанія, вызванная желаніемъ помочь европейскому союзнику въ его затрудненіяхъ, послужила славянскому дѣлу, ибо смирила притязанія венгровъ, познакомила съ Россіей австрійскихъ славянъ; внутри, по принятой тогда теоріи, всюду господствовала бюрократія и регламентація; вторглись они и въ область мысли, цензура стѣснила ея выраженія; вслѣдствіе невозможности изучать настоящее, мысль обратилась къ прошлому: отчасти съ помощію правительства, отчасти и частными людьми, издавались памятники этого прошлаго; вниманіе обратилось на вопросы, далекіе отъ настоящаго и потому, повидимому, мало интересные; разработка этихъ вопросовъ дала возможность полнѣе и лучше понять свою исторію. Въ числѣ другихъ предметовъ, привлекавшихъ къ себѣ вниманіе горсти ученыхъ, явилось въ ту пору изученіе славянскихъ языковъ, установленное частію въ интересѣ археологическомъ, а частію вызванное указаніями западно-славянскихъ ученыхъ, въ которыхъ снова послышалось общеславянское сознаніе; были и русскіе, стоявшіе на той же почвѣ (въ началѣ вѣка Шишковъ; съ 30-хъ годовъ Погодинъ); гр. Уваровъ горячо поддерживалъ мысль о созданіи каведры славяновѣдѣнія. Поѣхали наши путешественники въ славянскія земли съ цѣлями учеными; къ нимъ на помощь шли иногда наши консулы въ Турціи, поставленные тамъ съ цѣлями политическими для поддержанія нашего вліянія, для защиты единоувѣрцевъ, значеніе которыхъ становилось все яснѣе и яснѣе. Такимъ образомъ, завязывались сношенія. Между тѣмъ, въ Москвѣ возникъ тѣсный кружокъ уеди-

ненных мыслителей, которые искали въ славянскомъ мірѣ не только археологическихъ и филологическихъ тонкостей, но которые допытывались духа; передъ ихъ мысленными взорами сталъ величавый образъ иного грядущаго міра, зачатки котораго видѣли они въ основныхъ чертахъ славянской народности; чужды всѣмъ были эти мыслители: общество, воспитанное по-европейски, смотрѣло на нихъ, какъ на фанатиковъ-ретроградовъ; серьезные ученые, по большей части, сторонились отъ нихъ, какъ отъ мечтателей, начальство смотрѣло на нихъ съ недоумѣніемъ, думая, не затѣваютъ ли они чегонибудь худого. Такъ шло дѣло до Крымской войны, которая встрѣтила русское общество совершенно неприготовленнымъ: непривыкнувъ принимать участіе въ дѣлахъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній ни о внѣшнемъ, ни о внутреннемъ положеніи страны, оно недоумѣвало, изъ за-чего началась война? Война эта, покрывшая вѣчною славою защитниковъ Севастополя, кончилась, однако, очень грустно для насъ и показала необходимость многое пере-

смотрѣть. На державныя слова сочувственно откликнулась вся Россія, и въ великомъ дѣлѣ освобожденія, ознаменовавшемъ наступленіе новой поры для Россіи, горячо приняли участіе всѣ мыслящіе люди и тутъ-то впервые замѣтили съ изумленіемъ, что мрачные фанатики славянофильства, въ сущности, апостолы разума и народнаго сознанія. Царь - Освободитель повелъ далѣе свой народъ: измѣнился судъ, громче заговорило печатное слово, общество всеословное призвано къ управленію мѣстными дѣлами, польскій крестьянинъ сравненъ съ своимъ русскимъ братомъ и оба получили землю, всѣ безразлично призваны на защиту отечества. Двадцать лѣтъ Россія, уйдя въ себя, устраивая свои дѣла, собирала силы; но вотъ послышался призывъ братьевъ: освобожденный народъ откликнулся на этотъ призывъ, люди образованные также стали откликаться; заколыхалась вся русская земля, правительство приняло въ свои руки дѣло, и близокъ день, когда

Слово: Царь-Освободитель

За русскій выступить предѣлъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О МОЕЙ ЖИЗНИ. (1805—1870)

I.

Происхождение.—Первоначальная обстановка.—Первые воспоминанія и забавы.—Ученье.—Страсть къ чтенію.—Уѣздное училище.—Гимназія.—Учителя.—Опыты въ стихотвореніи.—Торжественный актъ.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Приготовленіе къ поступленію въ университетъ.—Я. И. Толмачевъ.—Занятія латинскимъ языкомъ.—Составъ университета.

Въ 1865 году, въ Парижѣ, поджидая пріѣзда моего сына изъ Шлангенбада, я вздумалъ, отъ нечего дѣлать, описать свою жизнь. Съ 10 по 31 августа, каждое утро до 3 часовъ, сидѣлъ я въ своей комнатѣ, въ Hôtel de Louvre, и

набросалъ эти замѣтки, которыя впоследствии, по возвращеніи въ Петербургъ, дополнилъ немногими указаніями, въ особенности въ числахъ, и ссылками на подлинныя бумаги *).

Н. У.

Родился я 4 мая 1805 года, Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда, въ селѣ Богородскомъ, верстахъ въ 50 отъ Орла, гдѣ отецъ мой, Герасимъ Трифоновичъ, былъ прикащикомъ, т. е. управляющимъ, надъ имѣніемъ отставного подполковника князя Ивана Борисовича Куракина. Мать моя, Варвара Родіоновна, была изъ Разновилья, помѣстья Нестерова. Сочетались они бракомъ, какъ видно изъ собственной замѣтки отца на послѣдней страницѣ «Бѣдной Лизы», 1 сентября 1801 года. Отъ этого брака родилось у нихъ, въ теченіи 25 лѣтъ, 13 человѣкъ дѣтей. Я родился третьимъ. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ отставной унтеръ-офицеръ, считавшійся однимъ изъ первыхъ лицъ въ деревнѣ; не помню его имени. По старому обычаю, родители мои и дѣти ихъ были въ безотчетномъ распоряженіи помѣщика. Впрочемъ, князь Куракинъ оказывалъ имъ большую благосклонность и, получая исправно доходы съ имѣнія, не тревожилъ ихъ: даже при мнѣ, болѣе 20 лѣтъ, ни разу не пріѣзжалъ въ свое помѣстье. Онъ извѣстенъ былъ необычайною тучностью, постоянно жилъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Нравъ былъ своевольнаго и строп-

тиваго. «Князь нашъ живетъ въ Москвѣ—увѣдомлялъ меня батюшка отъ 26 іюля 1826 года—и такую ко мнѣ дичь пишетъ, что и уму человѣческому непонятно. Однако, я осадилъ его новыми указами: сталъ потише и поучтивѣе. Нынѣ не велятъ барабошить, а велѣно за порядкомъ смотрѣть губернскимъ членамъ и предводителямъ. Дай Богъ нашему царю многія лѣта здравствовать!» Впослѣдствіи, князь ѣздилъ съ женою своею въ Ниццу и Парижъ и умеръ въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1827 года. Дѣтей не имѣлъ. Замѣчательны письма его: онѣ писаны такимъ почеркомъ, что нѣтъ возможности ихъ разобрать, и я уже не знаю, какъ отецъ мой понималъ ихъ.

За рѣкою Неручемъ находилось имѣніе другого князя Куракина, старшаго брата Ивана, — Алексѣя Борисовича, умершаго въ царствованіе государя Николая Павловича вице-канцлеромъ. Крестьяне его были разорены въ конецъ. Онъ нерѣдко пріѣзжалъ въ свое помѣстье и былъ очень любезенъ съ моими родителями. Любвица его была простая крестьянка, Авдотья Демидовна, женщина скромная и тихая, любившая насъ, маленькихъ дѣтей, безъ памяти.

*) Отрывки изъ этихъ «Воспоминаній» были напечатаны, съ большими пропусками, въ газетѣ «Новое Время», въ 1872 году. Въ настоящее время «Воспоминанія» печат-

таются лишь съ незначительными сокращеніями, касающимися, главнымъ образомъ, семейныхъ отношеній автора.

Мы жили на берегу Неруча, въ довольно хорошемъ домѣ, деревянномъ, одноэтажномъ, въ шесть комнатъ, съ кухней; былъ порядочный садъ, съ огородомъ, парниками, впоследствии оранжереями, — всего вдоволь. Скотный дворъ находился въ верстѣ отъ дома. Онъ сгорѣлъ по неосторожности дочери моей мамки, Татьяны Филипповны, которую я очень любилъ. Мы не были богаты по тогдашнему, но и ни въ чемъ не нуждались: на большую семью, прибывавшую съ каждымъ годомъ, доставало всего; когда оставшіеся въ живыхъ подросли, каждому пришлось пробивать себѣ дорогу, борясь съ немалыми лишеніями.

Изъ воспоминаній дѣтства въ особенности памятенъ мнѣ 1812 годъ, когда мнѣ было семь лѣтъ: живо представляю себѣ ужасъ народа при извѣстіи о вторженіи Наполеона, тѣмъ болѣе по занятіи Москвы; при томъ же на небѣ явилась огромная комета, наводившая всеобщій страхъ. Крестьяне приходили къ отцу моему и спрашивали: что дѣлать, оставаться ли въ деревнѣ, или удалиться на югъ — въ степь? «Московскія Вѣдомости», приносимыя къ намъ съ большой почтовой дороги, верстъ за семь отъ Мокрецовъ, прекратились. Толки были такъ страшны, что по ночамъ я плакалъ на взрыдъ. Наконецъ, появились донскіе казаки: съ пѣснями, въ красныхъ мундирахъ, они проходили черезъ деревню Поздѣево, съ юга на сѣверъ, и появленіе ихъ нѣсколько успокоило умы. Въ концѣ двѣнадцатаго года показались торгаши, съ огромнымъ количествомъ непріятельскихъ ружей. Батюшка пробовалъ ихъ при себѣ стрѣляю въ цѣль. Оказалось мало годныхъ.

Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, батюшка, послѣ молитвы, посадилъ меня за азбуку: сначала было очень трудно и непонятно. Я нерѣдко убѣгалъ отъ стола, гдѣ онъ мнѣ толковалъ азы. Впоследствии, я и братъ мой Федоръ поручены были строгому и дѣльному конторщику Федору Дементьевичу. Было прекрасное намѣреніе выучить насъ по-французски: въ имѣніи князя Алексѣя Борисовича былъ настоящій французъ, эмигрантъ Ришаръ; съ нимъ условились за бездѣлицу, и я съ братомъ сталъ хо-

дить къ нему на уроки, версты за двѣ за Неручъ. Ришаръ учить не умѣлъ, но былъ живой, разговорчивый старикъ, и безъ сомнѣнія, мы научились бы болтать съ дѣтства по-французски, если бы посѣщенія наши продолжались. Не знаю, отъ чего, но они были прекращены и мы оставили Ришара. Кажется, онъ удаленъ былъ изъ имѣнія Куракина, по случаю войны съ Франціею. Впоследствии, я видалъ его, лѣтъ чрезъ 20, въ Петербургѣ, на Адмиралтейскомъ бульварѣ; онъ сильно подражѣлъ, но держалъ себя гордо, какъ французъ стараго времени.

Въ дѣтствѣ я былъ живой, рѣзвый мальчишка, любилъ всякія игры, а болѣе всего охоту. Батюшка подарилъ мнѣ маленькую лошадку, Пегаря, къ ней небольшія дрожки, а на зиму сани; затѣмъ позволилъ мнѣ держать ружье, и матушка давала мнѣ понемногу пороку. Я выучился стрѣлять, и помню мой восторгъ, когда, въ глазахъ батюшки, смотрѣвшаго изъ окна, удалось мнѣ подстрѣлить огромнаго коршуна. Лѣтомъ, едва ли не каждый день, я пускался на своемъ Пегарѣ, большею частью одинъ, за село Богородское, чаще за деревню Поздѣево, на Козинку, гдѣ была мельница съ огромнымъ прудомъ, поросшимъ осокою. Тамъ стрѣлялъ я дикихъ утокъ и часто былъ въ опасности утонуть, раздѣвшись донага, съ ружьемъ въ рукѣ, пускаясь въ осоку, нерѣдко по самую шею, за утками, и за то платился сильнѣйшею чесоткою на ногахъ. Возвращался домой иногда съ парой утокъ, иногда и съ одной, а чаще ни съ чѣмъ.

Другою моею страстью было чтеніе. Въ домѣ нашемъ книгъ почти не было: только въ небольшомъ чайномъ шкафу находились «Гуакъ», «Бѣдная Лиза», огромный «Мѣсяцесловъ» и тому подобное. Вскорѣ я перечиталъ все, по нѣскольку разъ, «Гуака» выучилъ наизусть. Матушка привезла однажды отъ Авдотьи Демидовны нѣсколько книгъ; я быстро перечиталъ ихъ и потомъ просилъ убѣдительно привезти еще. Каждый разъ она возвращалась отъ сосѣдей, къ величайшей радости моей, съ новыми книгами. Такимъ образомъ, я перечиталъ «Образцовыя Сочиненія» въ 4 томахъ, творенія Ломо-

посова, Державина, Жуковского, болѣе же всего романы. Часто за книгами я проводилъ дни и ночи.

Такъ достигъ я 10 лѣтъ. Батюшка отвезъ меня и семилѣтняго брата моего, Ѳедора, въ Орелъ, верстъ за 50, въ тамошнее уѣздное училище. Приѣхали мы зимою, въ началѣ 1816 года, и представились училищному смотрителю; онъ рекомендовалъ молодого учителя исторіи, кажется, Эвальда, съ тѣмъ, чтобы по вечерамъ мы ходили къ нему на уроки. Но старый учитель ариѳметики, Аванасьевъ, успѣлъ переманить насъ къ себѣ, въ надеждѣ подарковъ отъ управителя большого княжескаго имѣнія, и мы занимались у него, впрочемъ, безъ особенной пользы. Онъ былъ человѣкъ малознающій и притомъ, послѣ обѣда, всегда на-веселѣ. Въ уѣздномъ училищѣ я оставался не болѣе полугода и переведенъ былъ въ гимназію; братъ остался въ училищѣ еще на годъ, потому что былъ очень молодъ.

Въ гимназіи я провелъ четыре года и всегда, во всѣхъ четырехъ классахъ, былъ въ числѣ первыхъ учениковъ. Учителями были: закона Божія — протоіерей Яковъ Орловъ, человѣкъ грубый и тяжелый; математики — сердитый старикъ Безручкинъ; естественныхъ наукъ — Ивановичъ, скромный и знающій; словесныхъ наукъ — Богдановичъ, умный и благородный; историческихъ наукъ — Манжосъ, безалаберный и надменный французъ; латинскаго языка — Евѣцкій, учитель способный, но приходившій въ классъ нерѣдко на-веселѣ; нѣмецкаго и французскаго языковъ — Функендорфъ, дѣльный и расторопный пруссакъ, попавшійся въ плѣнъ въ 1812 году; рисовальнаго искусства — Карпѣвъ, тогдашній лучшій живописецъ въ Орлѣ. Я и братъ мой, по переводѣ его чрезъ годъ въ гимназію, брали по вечерамъ уроки у Безручкина изъ математики и у Функендорфа изъ нѣмецкаго и французскаго языковъ. Ученіе въ гимназіи было порядочное. Насъ не сѣкли за шалости, какъ другихъ, и мы были на лучшемъ счету. Я особенно занимался словесностью, писалъ стихи, и на выпускномъ актѣ изъ 4 курса, по окончаніи ученія, читалъ огром-

ное стихотвореніе, мною сочиненное, взявъ содержаніе изъ Мильтоновскаго «Сотворенія міра», шестистопными ямбами. Плоды моего поэтическаго вдохновенія сохранились до сихъ поръ. Вотъ, напримѣръ, описаніе «Зимы»:

Приятна осень ужъ прошла,
Зима съ чугуной колесницы
Съ мертвѣющей стужей сошла,
Отъ взоровъ хладныя денницы
Не убѣгаетъ лютый мразъ:
Въ поляхъ не слышенъ больше гласъ
Веселыхъ, мирныхъ поселянъ,
Сихъ добрыхъ чадъ природы,
Безъ знатности и безъ породы,
Счастливыхъ участію крестьянъ и т. д.

Особенно сильное впечатлѣніе на моихъ товарищей производило мое историческое стихотвореніе «Бояринъ Кучка, или основаніе Москвы»; имъ преимущественно нравилось описаніе поединка князя со львомъ:

Волнисту левъ вадываетъ гриву,
На князя бросивъ грозный взглядъ,
Зубовъ онъ кажетъ острый рядъ
И челюсть пламенну, строптиву;
Хвостомъ по бедрамъ длиннымъ билъ
И налился кровью очи...
Уже не стало князю мочи,
Уже онъ выбился изъ силъ,
Изъ ранъ багрова кровь клубится,
Въ глазахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Все пуше левъ къ нему стремится
И скоро, скоро князь падеть!..

На торжественномъ актѣ я явился предъ публикою въ драдедамовомъ фракѣ коричневаго цвѣта, съ полосатыми брюками домашней работы, при многочисленномъ собраніи, наполнившемъ всю залу; главнымъ лицомъ былъ графъ Сергѣй Каменскій, постоянно жившій въ Орлѣ, гдѣ имѣлъ огромный домъ съ театромъ. Никогда батюшка не былъ такъ веселъ, откровеннѣе и разговорчивѣе, какъ въ то время. Памятны мнѣ разумныя рѣчи и надежды его на обратномъ пути въ деревню.

Окончивъ гимназическій курсъ ученія блестящимъ образомъ, я возвратился въ деревню, куда приѣзжалъ только два раза въ годъ, на святкахъ и въ каникулы. Мнѣ было уже пятнадцать лѣтъ и кровь во мнѣ кипѣла... Что ждало меня впереди, я не зналъ и не думалъ; но родители мои, люди не особенно образованные, разумѣвшіе только грамоту, смотрѣли

выше: они рѣшились отвезти меня въ университетъ или медицинскую академію, не знали только, куда, въ Москву или Петербургъ. Наконецъ, избрали Петербургъ.

Лѣтомъ 1820 года батюшка повезъ меня въ Петербургъ въ своей повозкѣ. Ѣхали мы на сдаточныхъ долго и утомительно, особенно за Москвою, гдѣ дорога пролегала частію по болотамъ съ бревенчатою мостовою, частію по глубокимъ пескамъ. Въ Москвѣ мы остановились на короткое время. Братъ мой Ѳедоръ отправился послѣ меня въ Петербургъ черезъ годъ. Путешествіе его было еще труднѣе, продолжалось не менѣе шести недѣль, потому что онъ ѣхалъ съ обозомъ.

Въ Петербургъ мы пріѣхали поздно ночью, на Мойку, близъ Синяго моста, къ дому, который занималъ князь Иванъ Борисовичъ, бывшій въ то время въ Ниццѣ. Первое впечатлѣніе оказалось не совсѣмъ пріятнымъ: прежній учитель мой, Ѳедоръ Дементьевичъ, сошелъ съ козелъ и постучался въ ворота; въ ожиданіи, когда дворникъ проснется и отворить, сталъ на панели. Въ это самое время проходилъ мимо какой-то господинъ: ему показалось, что Ѳедоръ Дементьевичъ смотритъ ему въ глаза; онъ размахнулся и далъ моему бѣдному учителю жестокую оплеуху; вѣрно, былъ пьянъ. Разумѣется, началась перебранка. Незнакомецъ воротился-было, чтобы повторить пощечину. Къ счастью, вышелъ дворникъ и отворилъ ворота. Мы остановились у управляющаго домомъ, почтеннаго старика, Сергѣя Ивановича Ботникова. Онъ и жена его очень обрадовались пріѣзду батюшки и меня ласкали.

На другой день мы отправились къ дядѣ моему, родному брату матушки, Ивану Родіоновичу, служившему при царскомъ дворѣ. До сихъ поръ онъ былъ въ какихъ-то неладахъ съ моими родителями, но теперь все было забыто. Батюшка, главное, думалъ воспользоваться его совѣтомъ, куда меня помѣстить. Пригласили на совѣщаніе любимаго друга дядина, Петра Михайловича, и общее мнѣніе, за стаканомъ пунша, было: лучше всего помѣстить меня въ медицинскую академію. Но я рѣшительно отка-

зался, объявивъ, что не въ моемъ характерѣ весь вѣкъ возиться съ больными и трупами. Батюшка раздѣлялъ мое мнѣніе. Тогда избрали горный институтъ. Приглашенъ былъ какой-то горный офицеръ, съ нимъ совѣтовались и дѣло почти уладилось, но почему-то разошлось.

Послѣ долгихъ размышленій и совѣщаній, рѣшено: помѣстить меня въ только что возникшій университетъ, отдавъ на содержаніе кому-либо изъ профессоровъ. Не знаю, какъ и по чьему совѣту, избрали профессора русской словесности, Якова Ивановича Толмачева. Батюшка ѣздилъ къ нему, условился въ цѣнѣ, за тысячу руб. ассиг. въ годъ, и я у него поселился. Жилъ онъ въ домѣ такъ называемыхъ двѣнадцати коллегій, гдѣ находился и университетъ, въ третьемъ этажѣ, въ самой серединѣ зданія, противъ башенки съ Готторпскимъ глобусомъ. Онъ былъ жевать на Маврѣ Петровнѣ, паче-рицѣ Огинскаго, переводчика исторіи Англіи Гиллиса; человекъ былъ добрый, смѣшленный, хотя безъ блестящихъ талантовъ, скорѣе бездарный, признавалъ классическую литературу главнымъ, единственнымъ средствомъ просвѣщенія и совѣтовалъ мнѣ, до поступленія въ университетъ въ будущемъ году, — курсъ начинался съ новаго года, — заняться исключительно латинскимъ языкомъ. Въ гимназіи я любилъ болѣе математику и словесность; латинскій языкъ зналъ плохо. Теперь я принялся за него усердно, къ сожалѣнію, безъ наставника: началъ переводить римскихъ писателей, сперва Корнелія Непота, потомъ Саллюстія; оба они стоили мнѣ большихъ трудовъ; далѣе принялся за Тита Ливія, Горація, Катулла, Проперція, и все перевелъ по русски, за исключеніемъ Тита Ливія; кромѣ того, перевелъ исторію литературы Шлегеля съ нѣмецкаго и Гиббона съ французскаго. Оды Горація я переписалъ на-чисто и понесъ книгопродавцу Глазунову съ предложеніемъ купить ихъ. Онъ не принялъ на себя труда посмотрѣть мой переводъ и сказалъ только: «не нужно». Между тѣмъ, при всѣхъ скудныхъ средствахъ моихъ, — батюшка присылалъ мнѣ денегъ немного, — я записался въ книжный магазинъ Плавильщи-

кова, у Синяго моста, гдѣ прикащикомъ былъ бойкій мальчикъ, знаменитый впоследствии Смирдинъ. Всѣ замѣчательныя книги, наиболѣе историческія, также романы, стихотворенія, путешествія, я перечиталъ. Посѣщалъ и публичную бібліотеку, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ славнаго Крылова, бывшаго однимъ изъ дежурныхъ бібліотекарей. До поступления въ университетъ въ званіи студента, я бывалъ на лекціяхъ профессоровъ Арсеньева, Галича, Зябловскаго и др. Болѣе всѣхъ нравился мнѣ Арсеньевъ, читавшій русскую статистику. Галичъ привлекалъ многихъ своею исторіею философскихъ системъ; но говорилъ очень плохо и невнятно.

Вскорѣ по приѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ, попечитель Санктпетербургскаго учебнаго округа, въ то время еще молодой, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, былъ уволенъ и, вмѣсто его, назначенъ княземъ А. Н. Голицынымъ Руничъ. Перемѣна, бѣдственная для университета! Умный,

образованный и благонамѣренный Уваровъ могъ бы поставить его на высокую степень, тѣмъ болѣе, что гордился имъ, какъ основатель; безтолковый ханжа Руничъ, вмѣстѣ съ изувѣромъ Магницкимъ, вообразилъ, что лекціи читаются противъ Бога, религіи и Россіи. Осенью 1820 года начался розыскъ и судъ профессоровъ, о чемъ я имѣлъ въ то время очень слабое понятіе: все производилось тайно. Замѣтно только было, что Толмачевъ очень встревоженъ. Чрезвычайныя засѣданія суда продолжались отъ утра до глубокой ночи. За нѣсколько времени до начала дѣла, Толмачевъ, подъ разными предлогами, доставилъ записки Раупаха, Арсеньева и другихъ отъ казенныхъ студентовъ педагогическаго института, преобразованнаго въ университетъ, отъ Андреевскаго, Соколова, Рождественскаго. Изъ этого видно, какъ справедливы слова Плисова, что Толмачевъ былъ въ числѣ главныхъ орудій Рунича и Магницкаго.

II.

Поступленіе въ университетъ.—Профессора.—Товарищи.—Окончаніе курса.—Аттестатъ.—Поступленіе на службу въ канцелярію министра финансовъ.—Графъ Канкринъ и директоры департаментовъ.—Дѣло о кораблѣ «Аллеръ».—Обрѣдковъ и Ассеръ.—Журналы рѣшеній совѣта.—Встрѣчи съ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ.—Наводненіе 7 ноября 1824 года.—Мятежъ 14 декабря 1825 года.—Резолюція новаго императора.—Конкурсъ въ третьей гимназіи.—Опредѣленіе въ нее.—Д. Н. Влудовъ.

Я вступилъ въ число студентовъ уже въ преобразованный университетъ въ январѣ 1821 года. Сначала, слѣдуя совѣту орловскаго учителя Безручина, я избралъ математическій факультетъ; но дѣло оказалось до того труднымъ, особенно при неуклонной строгости Чижова и Анкудовича, что въ концѣ года я перешелъ въ историко-филологическій факультетъ. Тогда исправлялъ должность ректора Евдокимъ Филипповичъ Зябловскій; деканомъ факультета былъ Дегуровъ, секретаремъ совѣта Бутырскій. Профессоры по историко-филологическому факультету были: закона Божія—Павскій, тогда ужъ знаменитый, какъ богословъ и филологъ,—онъ объяснялъ прекрасно Ветхій Заветъ; всеобщей исторіи—французъ Дегуровъ, бѣжавшій отъ гильотины и перемѣ-

нившій свою фамилію изъ Degour въ Дегуровъ; онъ поселился въ Россіи давно, былъ сѣдъ, какъ дунь, но ни слова не говорилъ по-русски и, мѣсяца черезъ два, отказался отъ преподаванія всеобщей исторіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что студенты не понимаютъ ни по-французски, ни по-латыни. Его замѣстилъ на кафедрѣ всеобщей исторіи адъютантъ Роговъ, преподававшій русскую или, по тогдашнему выговору, російскую исторію, — человекъ бездарный, въ высшей степени робкій, охотникъ до картежной игры, засыпавшій не разъ на кафедрѣ послѣ безсонно проведенной ночи; впрочемъ, добрякъ. Всеобщую и російскую географію и статистику читалъ исправлявшій должность ректора Зябловскій, суровый, съ неуклюжими приемами, но честный и знавшій свое дѣло. Русскую сло-

вѣстность преподавалъ Толмачевъ, сочинившій въ четырехъ частяхъ «Правила словесности», теперь совершенно забыты; онъ зналъ русскій языкъ, но смотрѣлъ на него фальшиво и писалъ нескладно. Профессоромъ піитики былъ Бутырскій, учившійся въ Геттингенскомъ университетѣ, человекъ бойкій и благонамѣренный. Латинскій и греческій языки изъяснялъ профессоръ Грефе, не знавшій ни слова по-русски, но сильный въ латинскомъ языкѣ. Адъюнктомъ у него былъ Поповъ, знавшій свое дѣло; лектора нѣмецкаго языка я забылъ (кажется, Полнеръ), французскаго былъ Дегуровъ.

Товарищами моими во всѣхъ курсахъ были только двое: Батьяновъ, родомъ грекъ, хитрый и искательный, служившій, впоследствии, переводчикомъ при взятіи Варны, и Загорскій, сынъ извѣстнаго профессора анатоміи, прекрасный юноша, умница, правилъ отмычныхъ и поэтъ въ душѣ. Мы были неразлучными друзьями. Сильнѣйшая чахотка пресѣкла его жизнь при самомъ окончаніи курса: часто на лекціи кровь лила у него изъ носа. Мы ходили съ Васильевского острова каждый день въ Семеновскій полкъ, куда Руничъ вздумалъ перевести университетъ; съ двѣнадцати до двухъ часовъ стояли по Толкучему рынку. Лекціи оканчивались въ 4 и 6 часовъ.

Въ три года я кончилъ курсъ и былъ удостоенъ степени дѣйствительнаго студента; тогда было такое правило, что степень кандидата можно было получить только черезъ годъ, не иначе, какъ по полученіи этой первой степени. Аттестатъ, мнѣ выданный, былъ слѣдующаго содержания: «Николай Устряловъ, поступившій въ число вольнослушающихъ студентовъ императорскаго Санктпетербургскаго университета, въ генварѣ мѣсяцѣ 1821 года, окончилъ полный курсъ ученія, при благонаправномъ поведеніи, съ успѣхами въ наукахъ: въ законѣ Божіемъ очень хорошими, во всеобщей исторіи отлично хорошими, въ руссійской исторіи отлично хорошими, во всеобщей географіи очень хорошими, въ руссійской географіи очень хорошими; въ руссійской статистикѣ отлично хорошими, въ руссій-

ской словесности отлично хорошими, въ піитикѣ отлично хорошими, въ языкахъ: латинскомъ очень хорошими, нѣмецкомъ хорошими, французскомъ хорошими, и, по окончательномъ испытаніи, торжественно признанъ достойнымъ степени дѣйствительнаго студента историко-филологическаго факультета, со всѣми правами и преимуществами, какія предоставлены оной степени существующими узаконеніями. Въ засвидѣтельство того и данъ ему, Устрялову, сей аттестатъ отъ императорскаго Санктпетербургскаго университета, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ большой университетской печати. Санктпетербургъ, мая 5 дня 1824 года. Исправляющій должность ректора университета Евдокимъ Зябловскій, деканъ историко-филологическаго факультета Антонъ Дегуровъ, секретарь совѣта Никита Бутырскій».

Черезъ годъ съ небольшимъ, уже бывъ па службѣ, послѣ довольно труднаго испытанія, я получилъ 15 іюня 1825 года степень кандидата. Мои родители были очень обрадованы, когда я послалъ имъ списокъ съ диплома.

По окончаніи курса въ университетѣ съ степенью дѣйствительнаго студента, я не зналъ, куда преклонить свою голову. Объ ученой службѣ не было и мысли, хотя, помнится, исторія Петра Великаго меня занимала еще въ университетѣ и я понемногу прибрѣталъ книги объ его царствованіи, даже писалъ нѣкоторыя статьи. Наконецъ, жена дяди моего Ивана Родіоновича, Марья Андреевна, женщина бойкая и живая, взялась попытаться, не удастся ли ей помѣстить меня въ канцелярію министра финансовъ. Директоромъ канцеляріи былъ въ то время Яковъ Александровичъ Дружининъ, близкій знакомый жены цензора Тимковскаго, въ которой имѣла доступъ Марья Андреевна. Тимковская, извѣстная своею добротою, взялась устроить дѣло, переговорила съ Дружининымъ и вручила мнѣ къ нему маленькую записочку. 9 іюня 1824 года, девятнадцати лѣтъ, поступилъ я въ канцелярію министра финансовъ, находившуюся у Гагаринской пристани, въ первое отдѣленіе по столу департамента виѣшней тор-

говли, канцелярскимъ чиновникомъ, съ жалованьемъ по 600 рублей ассигнаціями въ годъ. Секретаремъ этого стола былъ Анастасій Евстафьевичъ Жадовскій, только что выпущенный изъ лицея; товарищами моими были Григоровичъ, братъ извѣстнаго протоіерея, давно уже умершій, и Фанъ-деръ-Флитъ, дослужившійся до чина тайнаго совѣтника и званія директора той же канцеляріи.

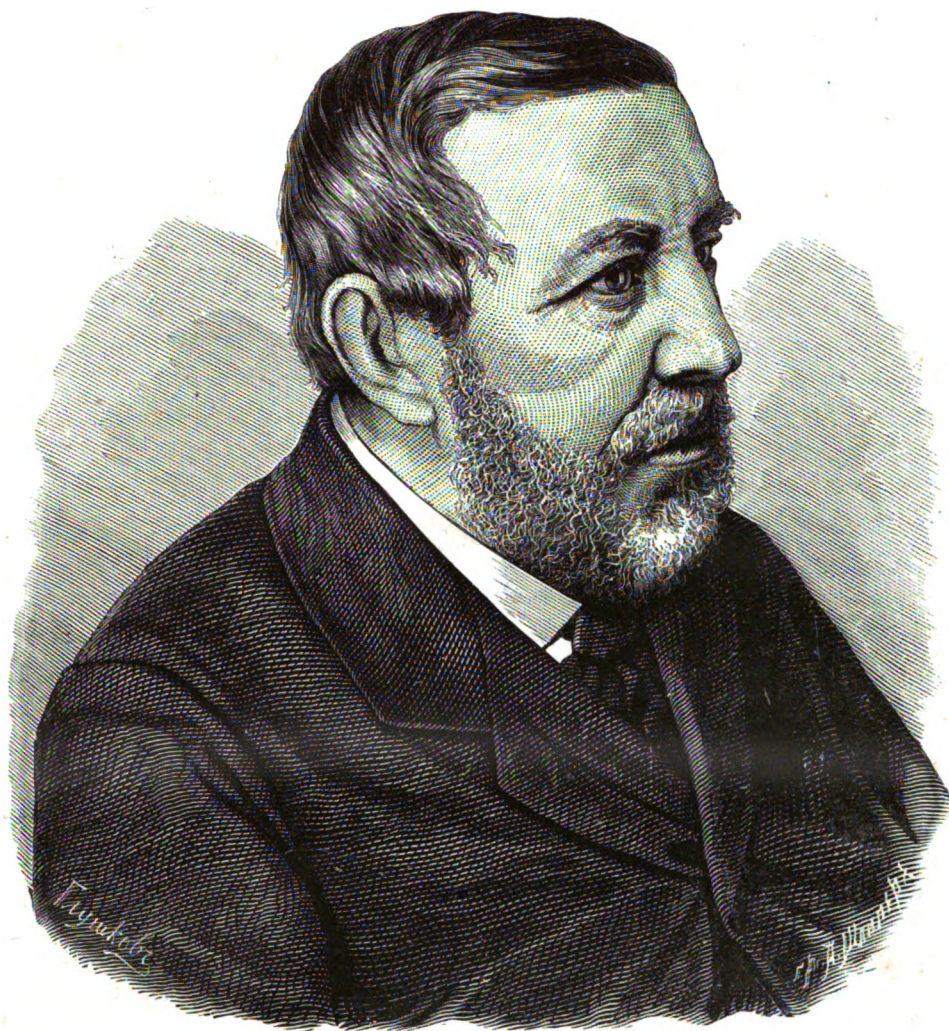
Служба моя была не тяжелая. Одно только тяготило меня — дежурство у министра финансовъ Канкринъ. Надобно было являться въ приемную не позже девяти часовъ утра и оставаться до четырехъ и пяти часовъ; потомъ приходило къ восьми часамъ, когда бывали доклады котораго нибудь департамента, и удаляться домой нерѣдко часу въ первомъ ночи. Дежурить приходилось почти каждую недѣлю, и я не зналъ, какъ благодарить Бога, когда, наконецъ, по ходатайству Жадовскаго, былъ избавленъ отъ дежурства.

Канкринъ я узналъ хорошо: онъ говорилъ по-русски съ нѣмецкимъ акцентомъ; курилъ непрестанно трубку съ короткимъ чубукомъ, принималъ въ приемной каждаго просителя и разспрашивалъ въ случаѣ надобности подробно, занятъ былъ чрезвычайно утромъ и вечеромъ; страдалъ нерѣдко припадками подагры, которая приковывала его къ постели. Являлись къ нему съ докладами, со всѣми начальниками отдѣленій, поутру: директоръ государственнаго казначейства Розенбергъ, старичекъ маленькій, горбатый; департамента мануфактуръ и внутренней торговли Кайсаровъ, прекрасный, благородный человекъ, рано умершій; начальникъ третьяго отдѣленія канцеляріи по кредиту Ѳ. П. Вронченко, бывшій впоследствии министромъ финансовъ, холостякъ, страстный любитель женщинъ, впрочемъ, человекъ умный и дѣльный. Дружининъ бывалъ ежедневно. По вечерамъ: директоръ двухъ департаментовъ — государственныхъ имуществъ и податей и сборовъ — Дубенскій, гордецъ, бывшій съ Канкринимъ не въ ладахъ; вѣншей торговли, — Бибииковъ, еще молодой, безъ руки по самое плечо, бойкій и строгій; горныхъ и соляныхъ

дѣлъ — Карнѣевъ, старикъ, вялый и гордый. Тутъ бывалъ также по департаменту податей и сборовъ исправлявшій должность начальника отдѣленія баронъ М. А. Корфъ, впоследствии председатель одного изъ департаментовъ государственнаго совѣта.

Разумѣется, я ничего не зналъ, о чемъ толковали директоры и начальники отдѣленій въ кабинетѣ министра: мое дѣло было чинить для него перья, подавать приносимые пакеты, докладывать о пріѣзжающихъ значительныхъ особахъ и т. п. Перья я чинилъ такъ неловко, что однажды министръ въ шутку сказалъ, что откажется отъ министерства, потому что нечѣмъ писать.

Въ совѣтѣ министра, по субботамъ, я обыкновенно докладывалъ дѣла по департаменту вѣншей торговли, поступавшія по апелляціямъ. Дѣлъ было очень много: незадолго до моего поступленія въ канцелярію, директоромъ департамента назначенъ былъ Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ, лишившійся руки въ Бородинскомъ сраженіи, неумолимо строгій, но въ высшей степени честный и благородный человекъ, хотя, по тогдашнему времени, безъ большаго образованія: изъ иностранныхъ языковъ онъ зналъ только одинъ французскій языкъ, но за то обладалъ умомъ отъ природы, былъ пылокъ и краснорѣчивъ. Любо было слушать его, когда онъ говорилъ въ совѣтѣ по дѣламъ своего департамента. Онъ принялъ за правило, исполняя волю министра, преслѣдовать неумолимо контрабанду, усилившуюся при его предѣстникѣ Обрѣзковѣ. Не было пощады въ особенности евреямъ на западной границѣ. Чуть товаръ безъ клейма, — онъ подвергался конфискаціи, а съ хозяина взыскивался огромный штрафъ. Жиды обыкновенно жаловались министру, нерѣдко справедливо. Просьба посылалась въ департаментъ; оттуда все дѣло поступало въ совѣтъ, и обыкновенно я докладывалъ его. Въ совѣтѣ, собиравшемся на Гагаринской пристани, гдѣ жилъ министр, потомъ въ главномъ штабѣ, присутствовали директоры департаментовъ: Дубенскій, какъ предсѣдатель, Кар-

Н. Г. Устряловъ.

По фотографіи г. Окуловскаго въ Пятигорскѣ (1867 г.). Рис. Г. Глушковъ; рѣз. на дер. А. Шлиперъ.

«ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ», т. III, 1876. г.

Дозволено цензурою. Спб., 29 ноября 1875 г.

Типографія В. Граціанскаго, Невскій, 46.

нѣвъ, Розенбергъ, Бибиновъ, Кайсаровъ, Вронченко и Дружининъ.

Много было дѣлъ важныхъ. Особенно памятно мнѣ дѣло о конфискаціи товаровъ на кораблѣ Аллеръ. Онъ былъ нагруженъ контрабандою, скрытою въ тайныхъ затворахъ. Еще при Обрѣзовѣ, департаментъ получилъ секретное увѣдомленіе отъ нашего консула въ Даніи, что корабль Аллеръ, съ контрабандою на многія сотни тысячъ рублей, отправился въ Петербургъ. Онъ зашелъ въ Ригу и оттуда въ Петербургъ. Времени прошло много. Въ департаментѣ забыли о кораблѣ. Къ счастью, начальникъ отдѣленія Ассеръ, пробѣгая вѣдомости о пришедшихъ корабляхъ, увидѣлъ въ числѣ ихъ Аллеръ. Онъ сказалъ о томъ Обрѣзову. Немедленно осмотрѣли корабль и нашли въ немъ огромную контрабанду. Судно было конфисковано. Дѣло шло о томъ, кому назначить награду за открытіе контрабанды. Ассеръ приписывалъ себѣ, Обрѣзовъ своимъ распоряженіямъ. Дѣло было внесено, по приказанію министра, въ совѣтъ. Обрѣзовъ, уже сенаторъ, пріѣхалъ въ одну изъ субботъ въ совѣтъ и подробно изложилъ причины, почему онъ полагаетъ, что награда слѣдуетъ ему. По отъѣздѣ его, возникли жаркіе споры. Бибиновъ настаивалъ, что Обрѣзову денежной награды выдавать не слѣдуетъ; иначе директоръ въ каждомъ дѣлѣ будетъ претендовать. Дружининъ былъ на сторонѣ Обрѣзова. Составили въ такомъ смыслѣ журналъ. Министръ, къ которому всѣ журналы шли на конфирмацію, распредѣлилъ сумму, — огромную, за полмилліона, — между многими лицами. Главную часть назначилъ Обрѣзову и Ассеру. Послѣдній былъ недоволенъ и подалъ жалобу государю (Николаю Павловичу). Повелѣно было рассмотреть дѣло въ комитетѣ министровъ. Утверждено рѣшеніе Канкринъ. Ассеру же велѣно объявить выговоръ за дерзкую просьбу. Государь написалъ на журналѣ комитета: «справедливо». Надобно было видѣть Ассера, уже старика, убѣжденнаго сѣдиною, но крѣпкаго и здороваго, когда онъ пришелъ въ канцелярію и я показавъ ему выписку изъ журнала комитета: онъ былъ пораженъ, какъ громомъ.

т. I. 77.

Много было и другихъ интересныхъ дѣлъ, которыя я докладывалъ въ совѣтѣ, читая записки громкимъ, яснымъ голосомъ, и такъ наводился, что заранѣе составлялъ журналъ съ резолюціею: утвердить рѣшеніе департамента или представить министру объ измѣненіи въ пользу просителя. Помню одно дѣло, въ которомъ я считалъ нужнымъ отмѣнить рѣшеніе департамента. Когда я прочелъ записку, Бибиновъ сталъ сильно и горячо защищать свое рѣшеніе. Послѣ многихъ споровъ, Дружининъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ: есть ли журналъ? (Онъ прочелъ его предварительно). Я отвѣчалъ, что журналъ готовъ, но въ противномъ смыслѣ. Требовали прочесть его и, къ великой радости моей, всѣ согласились съ моимъ журналомъ. Бибиновъ подписалъ его.

Дмитрій Гавриловичъ былъ очень мною доволенъ и въ совѣтѣ два раза говорилъ Дружинину, что Ждановскаго надобно было бы произвести въ камеръ-юнкеры, а меня назначить секретаремъ. Дружининъ молчалъ, и я болѣе семи лѣтъ оставался канцелярскимъ чиновникомъ при 600 руб. асс. жалованья, между тѣмъ, какъ товарищи, вмѣстѣ со мною поступившіе на службу, Ждановскій, Протасовъ, были давно уже секретарями. Бибиновъ присылалъ, по крайней мѣрѣ, въ канцелярію мнѣ и Григоровичу ежегодно по 600 руб. къ Рождеству.

Въ канцелярію у Гагаринской пристани я ходилъ съ Васильевскаго острова въ 10-мъ часу и возвращался въ 4. На Дворцовой набережной я не разъ встрѣчалъ императора Александра Павловича, когда онъ, въ хорошую погоду, шелъ пѣшкомъ на Фонтанку, по направленію къ дому Марьи Антоновны Нарышкиной. Онъ ходилъ обыкновенно въ мундирномъ сюртукѣ, съ бѣлою фуражкою и въ ботфортахъ. Нельзя было достаточно налюбоваться, при взглядѣ на него: такъ онъ былъ красивъ и строенъ. Однажды, встрѣтившись съ нимъ, я хотѣлъ сойти съ набережной; но онъ далъ мнѣ знакъ рукою, чтобы я шелъ прямо. Видалъ я его и въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жилъ я одно лѣто на дачѣ съ семействомъ Толмачева: однажды, на балконѣ,

5

когда онъ читалъ какую-то огромную записку, при сильномъ вѣтрѣ, развѣвавшемъ его волосы. Также встрѣчалъ его неоднократно въ Царско-сельскихъ аллеяхъ, одного, съ собачкою и съ хлыстомъ въ рукахъ; видѣлъ его въ Петербургѣ на Иорданѣ: онъ шелъ въ торжественной процессіи; сзади его, великій князь Николай Павловичъ, бывший выше его почти головою...

7 ноября 1824 года, при жестокомъ вѣтрѣ, въ десятомъ часу утра, я вышелъ изъ дома двѣнадцати коллегій, думая отправиться, по обычаю, въ канцелярію; едва подошелъ я къ набережной, какъ вода изъ Невы быстро полилась на улицу и всю ее покрыла. Я едва добѣжалъ до своей лѣстницы и остался дома. Вскорѣ приплыла по улицѣ огромная барка съ сѣномъ и остановилась прямо противъ оконъ. Что было въ городѣ, — неизвѣстно. На другой день, когда спала вода, я пошелъ посмотреть: опустошеніе было страшное! Набережная Невы была буквально усыяна обломками; кое-гдѣ попадались трупы животныхъ; говорили, что въ нѣкоторыхъ улицахъ, ближе къ Гавани, встрѣчались размытые водою гробы.

Ровно чрезъ годъ послѣ наводненія, разнеслась вѣсть о тяжелой болѣзни императора Александра въ Таганрогѣ; вскорѣ послѣ того, въ концѣ ноября 1825 года, насъ уже приводили въ канцелярію къ присягѣ императору Константину. Всѣ ждали приѣзда его изъ Варшавы; потомъ распространился слухъ о его отреченіи.

14 декабря, утромъ, я отправился изъ дома, въ мрачный зимній день, по обычаю, на службу; дорогою ничего не было замѣтно. Пробывъ въ канцеляріи до двухъ часовъ, я возвращался по набережной домой. Необыкновенное движеніе и толпы народа, бѣжавшія къ Адмиралтейскому бульвару, изумили меня и заставили ускорить шаги. Подходя къ бульвару, къ сторонѣ монумента Петра Великаго, я увидѣлъ войско, въ шинеляхъ и фуражкахъ, съ ружьями и примкнутыми штыками. Вдали, около Петровскаго монумента, собралась густая толпа войска въ безпорядкѣ; отсюда слышны были крики: «ура, Константинъ!» Я остановился на бульварѣ,

прямо противъ монумента, выжидая, что будетъ. Часу въ четвертомъ раздалась около монумента ружейные выстрѣлы. Тутъ я пустился бѣжать съ народомъ, прямо черезъ Неву и едва только достигъ льда, какъ грянулъ пушечный громъ. На Невѣ видно было, какъ разсѣянные толпы стремились по Англійской набережной и оттуда къ Морскому корпусу. Что все это значило, никто не могъ сказать. Отбѣдавъ наскоро, я отправился, темнымъ вечеромъ, съ братомъ Федоромъ, черезъ Исаакиевскій мостъ: около монумента стояли вооруженные солдаты вокругъ побитыхъ и раненыхъ и кричали толпившемуся народу: «не подходи, убью!» Мы пошли далѣе по Адмиралтейскому бульвару къ Зимнему дворцу; на пути, у дворца, слышали крики народа: «ура!» и громкій, звучный голосъ новаго императора: «благодарю, теперь поздно, ступайте спать!» Любопытно было взглянуть на зданіе сената на другой день: къ сторонѣ монумента Петра Великаго, оно унижено было картечью.

При новомъ государѣ поступало въ канцелярію министра финансовъ множество докладовъ съ собственноручными резолюціями его величества, всегда карандашемъ, которыя вскорѣ научились покрывать лакомъ, чтобы не сходили. Только повелѣнія «быть по сему» писались чернилами. Помню строгіе выговоры государственному совѣту и комитету министровъ. Остался у меня въ памяти докладъ министра о какой-то женщинѣ, обвиняемой въ преступленіи. Государь написалъ: «отдать въ солдаты». Министръ, въ слѣдующій докладъ, снова передоложилъ дѣло. Государь написалъ вторично: «бабъ въ солдаты не отдають. Сослать на поселеніе».

Между тѣмъ, скука, при безнадёжности на будущее, томила меня въ канцеляріи. Въ свободное время я читалъ тамъ книги; многія бралъ у чиновниковъ; въ особенности понравилось мнѣ сочиненіе Маржерета, которымъ ссудилъ меня столоначальникъ Шеміотъ. Я такъ плѣнился Маржеретомъ, что еще въ канцеляріи перевелъ его на русскій языкъ.

Зимою, въ концѣ 1827 года, въ разгово-

рахъ за обѣдомъ, я узналъ отъ Толмачева, что въ третьей гимназіи, у Пантелеймоновской церкви, назначенъ небывалый до тѣхъ поръ конкурсъ для избранія учителя исторіи. Въ умѣ моемъ блеснула мысль попытаться. Толмачевъ мнѣ не совѣтовалъ, но я рѣшился. Узналъ, что конкурсъ будетъ въ присутствіи новаго товарища министра народнаго просвѣщенія, Дмитрія Николаевича Блудова, и нѣсколькихъ профессоровъ. Конкуррентами, по слухамъ, должны были явиться опытные наставники: изъ Смольнаго монастыря Тимаевъ, изъ кадетскихъ корпусовъ Плаксинъ, Рожковъ и еще кто-то. Я подалъ просьбу директору гимназіи Шнейдеру о причисленіи меня въ конкурренты. Онъ принялъ ее неохотно, можетъ быть, по причинѣ молодости моей: мнѣ было тогда съ небольшимъ 22 года. Что произойдетъ на конкурсѣ—тревожило меня сильно; болѣе всего я опасался, чтобы не заставили меня читать лекцію на латинскомъ языкѣ, потому что назначенъ былъ въ число судей извѣстный латинистъ Грефе; я купилъ огромное сочиненіе Пуффендорфа о шведской исторіи, которая, какъ я узналъ, будетъ темою, и училъ его почти наизусть.

Въ назначенный для конкурса день собрались въ третьей гимназіи, въ залѣ четвертаго класса, судьи: Блудовъ, ректоръ университета Дегуровъ, Грефе, Шнейдеръ и еще какія-то лица. Тимаевъ и Рожковъ отказались отъ конкурса; явился только Плаксинъ. Я читалъ съ каеодры первый о времени Карла XI и началъ царствованія Карла XII. Блудовъ былъ очарованъ моею лекціею и сказалъ окружающимъ: «с'est un professeur en grain». Потомъ взошелъ на ту же каеодру Плаксинъ, читалъ съ гордостью и увѣренностью, какъ опытный педагогъ, но съ такими ошибками въ фактахъ, что я не вытерпѣлъ и тихо просилъ у директора позволенія сдѣлать ему возраженіе. Тотъ также тихонько доложилъ о томъ Блудову. Учениковъ удалили изъ класса, подъ предлогомъ обѣда. Я сидѣлъ съ ними на скамейкѣ; всталъ съ мѣста и спросилъ Плаксина: такъ ли было на самомъ дѣлѣ, какъ онъ передалъ изъ исторіи Карла XII?—рѣчь шла о заключеніи мира

Альтранштадтскаго. Онъ изумился и отвѣтилъ: конечно, такъ. Я объяснилъ его ошибку. Плаксинъ сказалъ, что послѣ этого онъ не намѣренъ продолжать конкурсъ, взялъ шляпу и ушелъ.

23 марта 1828 года, я опредѣленъ старшимъ учителемъ въ третьей Санктпетербургской гимназіи. Жалованье было хорошее—2,250 руб. ассигнаціями въ годъ; но работа была не легкая—22 часа въ недѣлю.

Блудовъ былъ очень доволенъ, познакомившись со мною, и пригласилъ меня къ себѣ съ лестнымъ для меня порученіемъ. Новый государь велѣлъ ему разобрать всѣ бумаги, хранившіяся въ кабинетѣ покойнаго императора Александра Павловича: оказалось множество всякаго рода дѣлъ, самыхъ важныхъ и секретныхъ. Одни изъ нихъ сданы въ государственный архивъ, другіе въ архивы министерствъ. Блудовъ почти кончилъ работу: когда пригласилъ меня къ себѣ, у него оставалось немного. Онъ подробно объяснилъ мнѣ высочайшую волю и далъ рассмотреть три дѣла съ порученіемъ составить по нимъ для государя записки въ его кабинетъ: одно объ архіепископѣ Арсеніи, названномъ, по волѣ Екатерины II, Андреемъ-врачемъ, огромное, въ нѣсколько сотъ листовъ; другое о принцессѣ Таракановой, содержавшейся въ Петропавловской крѣпости; третье, съ десятию печатями на конвертѣ, о заговорѣ офицеровъ гвардіи въ Москвѣ, въ началѣ царствованія Екатерины II, противъ князя Орлова, котораго они хотѣли убить, по случаю распространившагося слуха о намѣреніи императрицы вступить съ нимъ въ бракъ. Изъ этихъ дѣлъ достоверно, что Арсеній умеръ въ Ревелѣ подъ стражею, а принцесса Тараканова погибла въ Петропавловской крѣпости въ 1777 году, во время наводненія. Я работалъ у Блудова съ жестокою болью въ глазахъ, такъ что ходилъ въ глазную лечебницу на Фонтанкѣ, гдѣ поставили мнѣ за уши мушку и дали примочку. Я расстался съ Блудовымъ до «Исторіи царствованія Петра Великаго».

Блудовъ былъ человекъ, прежде всего, необычайно умный; кромѣ того, онъ обладалъ тою природною русскою сноровкой и смѣтливостью, какія, во многихъ случаяхъ, цѣнятся дороже

ума. Наружность его не заключала въ себѣ ничего особеннаго: онъ былъ небольшого роста, кругленькій, съ добродушнымъ выраженіемъ лица. Говорилъ онъ прекрасно, хотя нѣсколько скоро; былъ образованъ и, въ особенности, начитанъ, какъ немногіе изъ русскихъ, современныхъ ему, государственныхъ дѣятелей.

Учителемъ всеобщей и русской исторіи состоялъ я при третьей гимназіи около четырехъ лѣтъ, до 7 марта 1832 года, преподавая по 22 часа въ недѣлю. Съ директоромъ Шнейдеромъ, человекомъ сухимъ и бездушнымъ, былъ я не

въ ладахъ, даже въ ссорѣ. Онъ жаловался на меня министру, князю Ливену, по доносу инспектора, съ которымъ разговаривая однажды, я выразился о Шнейдерѣ, дѣйствительно, грубо. Министръ призывалъ меня къ себѣ и жестоко разбранилъ. Дѣло было очень непріятное. Вообще исторію я тяготился, хотя воспитанники занимались прилежно, меня любили и годичные экзамены сдавались блистательно. Отъ службы въ канцеляріи министра финансовъ я уволился по просьбѣ своей 1 октября 1831 года.

III.

Болѣзнь отца. — Поѣздка въ Орелъ. — Определеніе лекторомъ въ С.-Петербургскій университетъ. — Печатаніе перевода Маржерета. — Затрудненія съ цензурою. — Средства къ изданію. — Успѣхъ книги. — Карамзинъ. — Сербиновичъ. — Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. — С. С. Уваровъ. — Протестъ Московскаго митрополита Филарета. — Хлопоты и расстройство здоровья. — Сказанія князя Курбскаго. — К. М. Бороздинъ. — О. И. Сенковский. — Награда.

Батюшка, оставившій управленіе имѣніемъ при новомъ владѣльцѣ, князѣ Алексѣѣ Куракинѣ, жилъ въ Орлѣ у зятя своего Бузова, купилъ въ Кромскомъ уѣздѣ небольшое имѣніе, деревню Обыденки, выстроилъ тамъ домъ и думалъ привести его въ порядокъ. Въ концѣ 1829 года, онъ возвратился изъ имѣнія больной, и матушка, извѣщая о его тяжкой болѣзни, звала меня съ братомъ въ Орелъ. Холодъ былъ жестокий; надобно было ѣхать болѣе тысячи верстъ на перекладныхъ. Мы купили себѣ волчьи шубы непокрытыя, теплые сапоги, шапки, рукавицы, и отправились въ путь. До Москвы поѣздка была еще сносна: мы нашли мѣсто въ дилижансѣ; за Москвою ѣхали двое сутокъ, день и ночь, въ открытыхъ саняхъ и потерпѣли не мало. Мы добрались до Орла въ началѣ января 1830 года. Батюшку застали мы еще въ живыхъ, но въ трудномъ положеніи. Онъ дышалъ весьма тяжело; насъ узналъ, обрадовался нашему пріѣзду; послѣ видимо уклонялся отъ нашего присутствія. Дни черезъ три, 9 января 1830 года, онъ скончался на 59 году. Что было причиной его жестокой болѣзни, мы узнать не могли. Деревушка Обыденки досталась нашей сестрѣ Аннѣ; послѣ смерти сестры, ея наслѣдникамъ, Бузовымъ.

По возвращеніи изъ Орла, я былъ опредѣ-

ленъ въ университетъ лекторомъ русскаго языка безъ жалованья. Вотъ что писалъ мнѣ ректоръ университета Дегуровъ отъ 15 марта 1830 года: «По представленію историко-филологическаго факультета, основанному на донесеніи ординарнаго профессора Толмачева, совѣтъ, въ собраніи своемъ 3 сего марта, опредѣлилъ: поручить вамъ преподаваніе російскаго языка студентамъ С.-Петербургскаго университета. Въ слѣдствіе чего, прошу васъ, милостивый государь мой, принять на себя исполненіе сей должности съ свойственнымъ вамъ усердіемъ и тѣмъ оправдать сдѣланное вамъ довѣріе совѣтомъ». Для меня важно было поступить въ университетъ, хотя дѣло было трудное.

Я рѣшился напечатать свой переводъ Маржерета и представилъ предсѣдателю цензурнаго комитета, попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, К. М. Бороздину, «Состояніе Россійской державы». Цензоромъ просилъ назначить профессора университета, очень ко мнѣ благоволившаго, человека образованнаго, слушавшаго лекціи въ Гёттингенѣ у Бутервека и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, Никиту Ивановича Бутырскаго. Сверхъ всякаго ожиданія, онъ нашелъ въ сочиненіи Маржерета многое, чего нельзя было дозволить къ напечатанію по-русски. Главное неудобное мѣсто

было о мощахъ царевича Димитрія. Бутырскій пригласилъ меня къ себѣ и совѣтовалъ: все, что, по мнѣнію его, было противно нашей церкви, исключить. Я не согласился. Рукопись поступила въ цензурный комитетъ, гдѣ, послѣ многихъ колебаній, рѣшено представить все дѣло министру. Онъ внесъ рукопись мою въ комитетъ министровъ и тамъ было рѣшено: всѣ подобныя сочиненія, современныя до конца царствованія Петра Великаго, печатать безъ всякой перемѣны и исключеній, только съ необходимыми примѣчаніями. На этомъ основаніи разрѣшенъ и мой переводъ безъ всякихъ измѣненій.

Денегъ на напечатаніе не было; я обратился съ просьбою къ казначею канцеляріи министра финансовъ, Логинову, человѣку неподатливому, о выдачѣ мнѣ, въ счетъ жалованья, за три мѣсяца впередъ, 150 руб. асс. Сверхъ всякого чаянія, узнавъ о намѣреніи моемъ напечатать книгу, онъ охотно согласился на мою просьбу. Такимъ образомъ, я купилъ бумаги на 600 экз. Братъ мой, Федоръ Герасимовичъ, служившій помощникомъ столоначальника въ дежурствѣ корпуса Путей Сообщенія, нашелъ тамъ типографію, согласившуюся ждать уплаты денегъ по мѣрѣ распродажи книги. Весь расходъ на изданіе перевода Маржерета, въ количествѣ шести сотъ экземпляровъ, простирался до 500 рублей ассигнаціями.

Въ октябрѣ 1830 года, Маржеретъ былъ изданъ. Я далъ на комиссію десять экземпляровъ въ книжный магазинъ Плавильщикова у Синяго моста, представилъ, по совѣту Толмачева, экземпляръ въ золотомъ обрѣзѣ адъютанту великаго князя Михаила Павловича, полковнику Анненкову (бывшему, впоследствии, Киевскимъ генералъ-губернаторомъ), для поднесенія великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, и послалъ экземпляръ Булгарину, издателю «Сѣверной Пчелы», имѣвшей тогда сильный вѣсъ въ литературѣ. Успѣхъ книги превзошелъ мои ожиданія и надежды: Плавильщиковъ неперестанно присылалъ за новымидесятью экземплярами на чистыя деньги, по пяти рублей ассигнаціями, съ уступкою 20%. Булгаринъ

въ «Сѣверной Пчелѣ» отозвался наилучшимъ образомъ и поздравилъ неизвѣстнаго ему автора Н. У. съ блестящимъ успѣхомъ; великая княгиня Елена Павловна, чрезъ секретаря своего, 4 ноября 1830 года, «приняла книгу съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ сочиненіе весьма любопытное и важное для російской исторіи», и назначила переводчику подарокъ, — небольшой брилліантовый перстень. Все изданіе Маржерета разошлось въ девять мѣсяцевъ и продано 580 экземпляровъ за 2,250 рублей асс.

Я былъ въ восторгѣ. Многіе искали моего знакомства; въ числѣ ихъ былъ Сербиновичъ, тогда незначительный цензоръ, занимавшійся дѣлами въ домѣ Карамзина, умершаго въ 1826 году. Между прочимъ, Карамзина удалось мнѣ видѣть два раза: въ первый разъ я слышалъ мастерское чтеніе его въ торжественномъ собраніи Російской академіи; тамъ онъ читалъ эпизодъ изъ десятаго тома своей исторіи о убійствѣ царевича Димитрія; въ другой разъ видѣлъ я его въ Царскосельскомъ саду, когда онъ ѣхалъ въ шарабанѣ со многими придворными дамами и кавалерами. Сербиновичъ сообщилъ мнѣ въ рукописи изъ библіотеки Карамзина: сочиненіе Мартина Бера въ русскомъ переводѣ, очень нескладномъ; къ счастью, множество главныхъ мѣстъ приведены были въ текстѣ на нѣмецкомъ языкѣ; сверхъ того, попались два или три замѣчанія Карамзина, дневникъ Пазерле на нѣмецкомъ языкѣ, очень дурно переписанный, дневникъ Москѣвича на польскомъ языкѣ и два дневника польскихъ пословъ. Впоследствии Сербиновичъ вытребовалъ отъ меня за сообщеніе этихъ рукописей нѣсколько сотъ рублей. Всѣ онѣ переведены мною по-русски. Я выучился польскому языку у католическаго патера Стацевича, который часто меня посѣщалъ, присоединилъ переводъ съ латинскаго языка извѣстій де-Ту о Самозванцѣ. Знаменитый Уткинъ выгравировалъ мнѣ два портрета Лжедимитрія, по рисунку Солнцева съ медали, и Марины Мнишекъ. Первые три тома «Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ» были отпечатаны въ 1831—1832 гг. въ числѣ 1200 экземпляровъ.

Когда готовы были первые три тома, я пришелъ въ книжный магазинъ Александра Филипповича Смирдина, только что открытый въ великолѣпномъ помѣщеніи, въ двухъ этажахъ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Казанскаго собора. Смирдинъ охотно заплатилъ мнѣ за первые три тома впередъ. Я явился съ двумя экземплярами въ золотомъ обрѣзѣ къ князю Ливену и просилъ поднести ихъ государю императору и государынѣ императрицѣ. Ливенъ принялъ меня съ холодною благосклонностью; онъ былъ человекъ старый и гернгутеръ. 4 января 1832 г. онъ прислалъ мнѣ подарокъ отъ императора, а 12 мая отъ императрицы.

Президентъ академіи наукъ, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, лично со мною незнакомый, внесъ отъ своего имени «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ» въ Демидовскій конкурсъ, и я получилъ, 17 апрѣля 1832 года, поощрительную Демидовскую премію. Я отправился къ Уварову съ благодарностью и тогда мы сблизились. Онъ любилъ и уважалъ меня. При этомъ случаѣ сказывалъ мнѣ Уваровъ, что Московскій митрополитъ Филаретъ очень недоволенъ изданіемъ лѣтописей Мартина Бера (за отзывы его о жолахъ царевича Димитрія) и даже представилъ въ министерство письменный протестъ; но Уваровъ, тогда уже управлявшій министерствомъ народного просвѣщенія, отклонилъ попытку Филарета.

Между тѣмъ, 22 часа въ недѣлю въ гимназіи (до 7 марта 1832 г.), часовъ по 16 въ университетѣ, гдѣ, кромѣ русскаго языка, я преподавалъ съ 15 августа 1831 года, по смерти Рогова, умершаго отъ холеры, русскую исторію и всеобщую среднюю, 12 часовъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ офицерскомъ и гардемаринскомъ классахъ, куда приглашенъ я былъ директоромъ корпуса Крузенштерномъ, тяжкіе хлопоты по исправленію ветхаго дома, купленнаго матушкою моею на четырехъ братьевъ за 40 тысячъ ассигнаціями въ Малой Мѣщанской у Тонкачевой,—все это такъ разстроило мое здоровье, что я началъ харкать кровью. Тѣмъ не менѣе, меня постоянно занимала наука и,

въ началѣ 1833 года, я напечаталъ «Сказанія князя Курбскаго», въ двухъ томахъ.

Былъ въ небольшой библіотекѣ моей экземпляръ сочиненій князя Курбскаго, подаренный мнѣ однимъ знакомымъ малороссомъ, не полный, подновленный въ слоги и вообще малоцѣнный. Впослѣдствіи, попечитель учебнаго округа, К. М. Бороздинъ, съ которымъ я сблизился, далъ мнѣ на время «Ковчегъ Русской Правды», списанный съ экземпляра, принадлежавшаго извѣстному антикварію-промышленнику Сулокадзи. Ковчегъ заключалъ въ себѣ всѣ сочиненія Курбскаго, но, очевидно, былъ ошибоченъ отъ неискusstва переписчика; онъ оставилъ многіе пробѣлы, не разобравъ манускрипта, съ котораго списывалъ. Тѣмъ не менѣе, я отдалъ его переписать: вышелъ огромный фоліантъ. Потомъ у президента Академіи художествъ и директора императорской публичной библіотеки, А. Н. Оленина, очень благоволившаго ко мнѣ, я увидѣлъ экземпляръ, подновленный въ слоги и написанный для императрицы Екатерины II, которая читала его, какъ видно изъ двухъ собственноручныхъ замѣчаній ея на почтовой бумагѣ, вклеенной въ этотъ экземпляръ. Въ Руминцевскомъ музеѣ я нашелъ еще неполный экземпляръ. Всѣ они, очевидно, были списаны не ранѣе прошедшаго столѣтія. Я искалъ древнѣйшаго, лучшаго. Въ каталогѣ Синодальной въ Москвѣ библіотеки, по указанію П. М. Строева, я увидѣлъ, что тамъ хранится списокъ сочиненій Курбскаго, безъ всякаго замѣчанія; но какъ рукописи этой библіотеки извѣстны были мнѣ своимъ достоинствомъ, то я, чрезъ С. С. Уварова, обратился къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода С. Д. Нечаеву съ просьбою вытребовать въ Петербургъ изъ Москвы синодальный или патриаршій списокъ. Онъ исполнилъ мое желаніе и велѣлъ положить списокъ въ комиссіи духовныхъ училищъ за Аничкинымъ мостомъ, для моего употребленія. Я отправился въ комиссію и, по предварительномъ обзорѣ, нашелъ, что списокъ принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, къ началу XVII вѣка, если не къ концу XVI; главное же—очень исправенъ, и многія недо-

разумѣнія другихъ списковъ разрѣшились окончательно. Я принялся сличать его слово въ слово, буква въ букву, съ полнѣйшимъ изъ бывшихъ у меня списковъ, «Ковчегомъ Русской Правды», и всѣ отмѣны или неправильности показали въ подстрочныхъ выпискахъ.

Работалъ я въ комиссіи нѣсколько недѣль ежедневно. Кончивъ исправленія, я подвелъ варианты изъ другихъ списковъ и написалъ примѣчанія. К. М. Бороздинъ сообщилъ мнѣ драгоценный Синодикъ царя Іоанна, очевидно, подлинный, съ замасленными краями и закапанный воскомъ; сверхъ того, Выходную книгу Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, куда самъ ѣздилъ въ 1809 году для ученыхъ изысканій. Онъ поощрялъ мое намѣреніе приготовить хорошій списокъ; но крѣпко сомнѣвался въ возможности напечатать: Курбскій имѣлъ такую славу, что и говорили объ немъ осторожно, съ оглядкою; а издать его въ то время считалось дѣломъ слишкомъ отважнымъ. Я, однакожъ, рѣшился: отдалъ рукопись цензору О. И. Сенковскому. Черезъ недѣлю, именно 23 сентября 1832 года, захожу въ цензурный комитетъ и, къ величайшей радости моей, мнѣ отдадутъ рукопись, одобренную къ печатанію, безъ малѣйшихъ перемѣнъ. Не знаю, что именно придало Сенковскому смѣлости пропустить мою книгу; впрочемъ, онъ уже и тогда считался человекомъ смѣлымъ и даже либеральнымъ. Впоследствии, мнѣ пришлось съ нимъ познакомиться, хотя не особенно коротко. Онъ любилъ бить на эффектъ, обладалъ блестящимъ даромъ слова, необычайнымъ остроуміемъ и казался во всемъ разочарованнымъ. Самая наружность его имѣла въ себѣ нѣчто оригинальное; лице его было жестоко изрыто оспою, а черные глаза блистали, какъ угли.

Печаталъ я «Сказанія князя Курбскаго» въ лучшей типографіи того времени, въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, въ двухъ томахъ. Портретъ Іоанна Грознаго найденъ мною у Оленина въ рукописномъ сборникѣ 1672 года, принадлежавшемъ публичной библіотекѣ; портреты съ Іоанна IV нарисованы превосходно, особенно отличался портретъ царя Алексѣя Михайловича. Сказанія князя Курб-

скаго въ двухъ томахъ (сперва одинъ) напечатаны въ началѣ 1833 года, въ числѣ 1500 экземпляровъ. Изданіе обошлось въ семь тысячъ рублей ассигнаціями.

По отпечатаніи первой части въ февралѣ 1833 года (вторая часть задержалась выходомъ въ свѣтъ отъ лопнувшего камня съ картою), я отправился въ тотъ же день, какъ получилъ отъ переплетчика экземпляръ, вечеромъ на Невскій проспектъ къ Смирдину. Онъ посмотрѣлъ экземпляръ и тотчасъ согласился на мое предложеніе купить все изданіе за пятнадцать тысячъ рублей ассигнаціями.

Князь Ливень, которому я представилъ два экземпляра для поднесенія ихъ государю и государынѣ, сказалъ: «охота тебѣ тратить деньги на книги!» Впрочемъ, взялъ книгу и послалъ ее императорской фамиліи. Вскорѣ я получилъ по брилліантовому перстню, сперва отъ императрицы, потомъ отъ императора. Но самую лестною и неожиданною наградою былъ орденъ Анны 3-й степени, исходатайствованный новымъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ, при поднесеніи государю второй части Курбскаго (28 іюня 1833 года), «за полезные труды по части отечественной исторіи». Еще ничего не зная о пожалованіи меня кавалеромъ, я прихожу однажды, кажется, за жалованьемъ, къ инспектору Морского корпуса, полковнику Горковенко, своему директору департамента народнаго просвѣщенія, князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, и отъ него, въ разговорахъ о томъ, о семъ, къ величайшей радости моей, узнаю, что мнѣ пожалованъ орденъ. Прямо изъ Морского корпуса я поскакалъ на Черную рѣчку, гдѣ лѣтомъ жилъ Уваровъ на своей прекрасной дачѣ; увидѣлъ его: онъ поздравилъ меня съ орденомъ и сказалъ, что пришлетъ его немедленно, какъ только получитъ изъ капицула. На возвратномъ пути домой, — мы жили тогда у Пяти Угловъ, близъ Чернышева переулка, — я купилъ орденъ и явился къ своимъ, матушкѣ, братьямъ и сестрѣ, кавалеромъ.

Курбскій былъ представленъ мною въ Академію Наукъ на Дежидовскій конкурсъ и доставилъ мнѣ въ 1834 году поощрительную премію.

Первая часть Курбскаго разошлась быстро: мѣсяца черезъ три или четыре не осталось ни одного экземпляра. Вторая часть, остановившаяся за картою, за которую, однако, покупатели первой платили деньги, вышла нѣсколькими мѣсяцами позже, и, странное дѣло! лежала въ магазинахъ Смирдина безъ движенія. Это тѣмъ болѣе странно, что во второй части находится переписка Курбскаго съ царемъ Іоанномъ, вмѣстѣ съ его синодиками. Смирдинъ мнѣ сказывалъ, что нѣсколько экземпляровъ, за которые заплачены были деньги, возвращены были ему назадъ. Такъ не созрѣла еще публика для серьезныхъ сочиненій. Другимъ образомъ я никакъ не могу объяснить себѣ этого факта. Въ равнодушіи публики мнѣ пришлось скорѣе еще болѣе убѣдиться.

Черезъ девять лѣтъ послѣ перваго изданія, въ 1842 году, я издалъ Курбскаго вторично, въ одномъ большомъ томѣ съ новыми свѣдѣніями о жизни его въ Литвѣ, найденными мною въ Литовской метрикѣ при сенатѣ, куда я, нарочно съ этою цѣлью, ходилъ нѣсколько недѣль, перебирая массы дѣлъ, и нашелъ свѣдѣнія любопытныя. Второе изданіе стоило мнѣ 4,430 рублей въ числѣ 1200 экземпляровъ, такъ что за каждый пришлось заплатить 3 р. 70 коп. Оно расходилось такъ тихо, что въ два года продано мною менѣе 150 экземпляровъ и я радъ былъ, сбывъ тысячу экземпляровъ книгопродавцу Масленникову на Щукинъ дворъ по 2 р. 50 коп. асс. Всего выручено мною было 3765 рублей. Еслибы государь не пожаловалъ мнѣ перстня за это изданіе въ 800 руб. ассиг., я остался бы въ убыткѣ. Вторичное изданіе Курбскаго сгорѣло во время страшнаго пожара на Апраксинамъ дворѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Вслѣдъ за изданіемъ князя Курбскаго, Общество Исторіи и Древностей въ Москвѣ, «за полезные труды и основательныя занятія отечественною исторіею», избрало меня въ дѣйствительные члены; директоръ педагогическаго института Θ. И. Миддендорфъ пригласилъ меня къ преподаванію русской исторіи; начальство военной академіи избрало меня исправляющимъ

должность адъюнкта по русской словесности; только въ университетѣ я уже четыре года служилъ безъ жалованья, съ званіемъ лектора, преподавая русскую и среднюю исторію. Я рѣшился объясниться.

Попечителемъ Санктпетербургскаго учебнаго округа былъ князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, другъ Уварова, назначенный вмѣсто Бороздина, которымъ государь остался очень недоволенъ при посѣщеніи одной гимназіи. Впрочемъ, онъ былъ пожалованъ при увольненіи въ сенаторы. Я пришелъ къ князю Дондукову-Корсакову, объяснилъ ему, какъ поступилъ я въ университетъ, въ какомъ нахожусь положеніи, не получая около четырехъ лѣтъ ни копѣйки жалованья, и просилъ его сказать: нуженъ ли я университету или нѣтъ? Принявъ меня очень любезно, онъ съ изумленіемъ выслушалъ мои слова и обѣщалъ доложить министру. Черезъ нѣсколько дней, я былъ опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ русской исторіи. Университетъ былъ переведенъ на старое мѣсто, на Васильевскій островъ, въ домъ двѣнадцати коллегій. Я читалъ увлекательно для слушателей. Главный интересъ моихъ лекцій состоялъ въ новомъ взглядѣ на русскую исторію: я разбиралъ удѣльное время по группамъ и первый обратилъ особенное вниманіе на судьбу западной Руси или Литовское княжество. Уваровъ былъ очень доволенъ: однажды, во время экзамена, онъ пріѣхалъ съ членами государственнаго совѣта, княземъ Васильчиковымъ и графомъ Левашовымъ. И тотъ, и другой отнеслись ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ. Я сидѣлъ подлѣ князя Васильчикова, который много со мной разговаривалъ.

Черезъ полгода послѣ утвержденія меня въ званіи экстраординарнаго профессора, 15 іюня 1834 года, двадцати девяти лѣтъ отъ роду, я сдѣлалъ предложеніе прекрасной, умной, доброй и образованной дѣвицы, Наталіи Яковлевны, дочери умершаго давно штабъ-лекаря Якова Ивановича Касовскаго и Александры Андреевны изъ фамиліи Лукиныхъ. Она родилась въ 1812 году въ Олонцѣ, куда беременная мать ея удалилась при извѣстіи о взытін

Наполеонъ Москвы: опасались, что онъ придетъ и къ Петербургу. Я зналъ ее давно; сблизился съ нею весною 1834 года, когда она съ матерью, двумя братьями и двумя сестрами, жила въ своемъ домѣ, въ Мастерской улицѣ, въ Большой Коломнѣ. Предложеніе я сдѣлалъ въ Старой Деревнѣ, гдѣ была ихъ дача. Свадьбу сыграли въ нашемъ домѣ, въ Малой Мѣщанской. Я былъ счастливъ, но недолго. Сначала, чрезъ полгода, умерла матушка; потомъ, 31 июня 1836 года, жена моя разрѣшилась отъ бремени сыномъ благополучно; но въ первые дни испугалась отъ унававшего мѣднаго подсвѣчника, который уронила въ спальнѣ ея горничная: молочно бросилось, сдѣлалась грудница и цѣлые одиннадцать мѣсяцевъ она, бѣдная страдальца, мучилась жестокою болѣзнью. Она соборовалась и скончалась въ полной памяти 20 июня 1837 года. Все это время, почти годъ, было самое тяжелое въ моей жизни.

Наслаждаясь блаженствомъ съ моею незабвенною женою, я при жизни ея получилъ ученую степень доктора философіи, былъ принятъ въ Академію Наукъ адъюнктомъ, издалъ первую часть «Русской исторіи» и возведенъ въ ординарные профессора.

Лица, служившія при университетахъ и не имѣвшія степени доктора, должны были, для полученія званія ординарнаго профессора, по распоряженію Уварова, въ теченіи одного года, представить и публично защитить диссертацию по избранному ими предмету. Я былъ только кандидатомъ; послѣ держалъ экзаменъ на степень магистра и два засѣданія окончилъ благополучно. Оставалось только третье и защищеніе диссертации. Это было, когда я служилъ еще въ канцеляріи министра финансовъ. Дѣло было мною оставлено. Теперь, когда необходимо было получить степень доктора для ординарной профессуры, я написалъ разсужденіе о Системѣ прагматической исторіи, гдѣ изложилъ свой взглядъ на главныя условія русской исторіи и защищалъ его при многочисленной публикѣ въ университетѣ. Въ концѣ 1836 года, я былъ утвержденъ докторомъ философіи.

Свою диссертацию я предварительно напечаталъ. I. 77.

таль и съ курьеромъ департамента народнаго просвѣщенія разослалъ ко многимъ ученымъ лицамъ. Одинъ экземпляръ былъ адресованъ на имя академика Круга. Онъ жилъ въ 7 линіи Васильевского острова въ домѣ Академіи Наукъ, одинокій, отшельникомъ; человекъ онъ былъ старый и рано ложился спать. Курьеръ привезъ ему мою диссертацию ночью. Круга встревожили, разбудили, такъ что и сонъ его прошелъ. Этому обстоятельству надобно приписать то, что онъ обратилъ вниманіе на мое сочиненіе; иначе, можетъ быть, и не взглянулъ бы на него. Диссертация моя ему понравилась и 13 января 1837 года онъ представилъ меня въ адъюнкты Академіи по русской исторіи. Черезъ нѣсколько дней я узналъ о томъ въ правленіи университета, гдѣ профессоръ греческой словесности и академикъ Грефе сказалъ мнѣ по секрету, что я избранъ Академіею Наукъ въ адъюнкты и представленъ на высочайшее утвержденіе. Слова его въ высшей степени меня обрадовали: мѣсто почетное, съ хорошимъ жалованьемъ и квартирою, а службы никакой. Я немедленно отправился къ академику Кругу, отъ котораго все дѣло зависѣло. Онъ былъ очень старъ, непрестанно занимался, очень основательно зналъ древнѣйшую русскую исторію, жилъ въ Россіи давно, но ни слова не могъ сказать по-русски, говорилъ только по-нѣмецки, при всемъ томъ, лѣтописи понималъ такъ, какъ немногіе, и Карамзинъ нерѣдко обращался къ нему за совѣтомъ для перваго тома своей исторіи, въ чемъ удостовѣряетъ собственноручное письмо къ нему Карамзина на французскомъ языкѣ. найденное мною впоследствии, по смерти Круга, при разборѣ его бумагъ. Объясняться съ нимъ по-нѣмецки было для меня довольно трудно; впрочемъ, какъ умѣлъ, я благодарилъ его за лестную честь. Онъ былъ очень внимателенъ ко мнѣ. Послѣ я узналъ, что прежде меня было представлено имъ въ адъюнкты Академіи одно лицо, не захотѣвшее разстаться съ Москвою. Представленіе обо мнѣ было утверждено государемъ чрезъ комитетъ министровъ, и я началъ засѣдать въ Академіи. Кругъ кончилъ жизнь въ 1844 году самымъ

печальнымъ образомъ: проходя въ Морской корпусъ къ другу своему, бывшему директору, Крузенштерну, онъ былъ у воротъ одного дома

сшибленъ съ ногъ и весь израненъ парю лошадей, бросившихся со двора. Онъ долго былъ боленъ и не перенесъ своей болѣзни.

(Продолженіе будетъ).

УНИЧТОЖЕНІЕ ДИССЕРТАЦІИ Н. И. КОСТОМАРОВА

въ 1842 году.

Начало учено-литературной дѣятельности Н. И. Костомарова—писателя, которому суждено было играть впослѣдствіи такую видную роль въ нашей литературѣ, ознаменовано событіемъ, служившимъ въ свое время предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ въ мѣстномъ обществѣ. Н. И. Костомаровъ получилъ окончательное образованіе въ Харьковскомъ университетѣ и тамъ же защищалъ диссертациі на степень магистра историческихъ наукъ. Даровитому автору пришлось представить не одну, а двѣ диссертациі на одну и ту же ученую степень. О судьбѣ первой диссертациі ходили загадочные слухи: утверждали, будто бы она сожжена, и притомъ не по распоряженію цензурной или полицейской власти, а по требованію одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, знаменитаго проповѣдника Иннокентія, занимавшаго тогда епископскую кафедру въ Харьковѣ. Слухи эти въ отношеніи къ Иннокентію оказываются невѣрными, но фактъ уничтоженія диссертациі, одобренной факультетомъ и совѣтомъ, не подлежитъ сомнѣнію. По важности подобнаго факта для университетской жизни вообще, считаемъ не лишнимъ передать его на основаніи вполне достоверныхъ источниковъ.

Въ исходѣ 1840 года кандидатъ Харьковского университета Костомаровъ подвергался въ томъ же университетѣ испытанію на степень магистра историческихъ наукъ. Испытаніе прои сходило въ такъ называвшемся тогда первымъ

отдѣленіи философскаго факультета, соответствующемъ теперешнему историко-филологическому факультету, въ присутствіи профессоровъ: Артемовскаго - Гулака, Лунина, Протопопова, Валицкаго, Якимова, Сокальскаго и Рославскаго-Петровскаго.

Прежде, нежели приступимъ къ изложенію катастрофы, скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ названныхъ нами лицъ и — главное — приведемъ мѣста изъ ихъ сочиненій, рисующія болѣе или менѣе ярко тогдашнее состояніе университетской науки и мѣстной литературы, которое необходимо имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки опальной книги Костомарова.

Профессоръ русской исторіи П. П. Артемовскій-Гулакъ былъ большимъ почитателемъ Карамзина и непримиримымъ врагомъ Полеваго. Съ благоговѣніемъ относясь къ исторіи государства русскаго, Артемовскій-Гулакъ проницательно отзывался о промахахъ исторіи русскаго народа и непопулярной притязательности ея автора. Дѣятельность свою въ Харьковскомъ университетѣ Артемовскій-Гулакъ началъ преподаваніемъ польскаго языка. Въ числѣ учениковъ его былъ и знаменитый славистъ нашъ И. И. Срезневскій, посвятившій свое изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи славянъ первымъ своимъ наставникамъ въ изученіи славянства—Петру Петровичу Артемовскому-Гулаку и Вячеславу Вячеславичу Ганкѣ. Артемовскій-Гулакъ извѣстенъ былъ въ литературѣ не своими трудами по русской исторіи, а своими малорусскими

произведениями, считавшимися въ свое время образцовыми. Его переложения Горация на мало-российскій ладъ вѣрно схватываютъ основную мысль римскаго поэта и передаютъ ее въ юмористическомъ видѣ. Ода Горация:

Tu ne quaesieris, scire ne fas, quem mihi, quem tibi
Finem Di dederint, Leucopoë; nec Babylonios
Tentaris numeros...

передана такимъ образомъ:

Пархоне, не мудруй; ворожки не пытай,
Якъ довгий вѣкъ прокоротаешь:
Що выкувала вже воуля—пожывай,
А бильше... шкода, що й бажаешь!
Хочь всихъ ты упыривъ збери и знахоривъ,
Хочь покумайся ты съ ведьмами,
Никто не скаже намъ, такъ якъ бы ты хотивъ,
Що доля завтра зробить съ нами!
Чы доведедця ще подушне заплачуть?
Чы до сваги вже розплатився?
На що, при що тобі надъ цымъ чупривъ грить?
Дурный, дурный, а въ школѣ вчився...
Терпы! за долею, куды попине, хмылься,
Якъ хмыльця одъ втру гнѣла.
Чы будешъ жыть, чы вмерешъ, Пархоне, не журись,
Журись объ тѣмъ, чы е горилка....

Профессора русской словесности В. А. Якимова постигла крайне печальная судьба въ нашей литературѣ: и оригинальныя его произведения и переводы встрѣчаемы были весьма несочувственно. Съ настойчивымъ, упорнымъ трудомъ Якимовъ изучалъ Шекспира и рѣшился перевести его на русскій языкъ, съ буквальною точностью, сохраняя всѣ особенности слога и способа выраженія подлинника, удерживая всѣ частицы, и т. п. Задача рѣшительно невозможная. Переводъ вышелъ во многихъ мѣстахъ неуклюжимъ, и переводчикъ не достигъ своей цѣли—усвоить русской литературѣ произведенія знаменитаго англійскаго драматурга. Тѣмъ не менѣе, самая мысль избрать для перевода такого писателя, какъ Шекспиръ, заслуживаетъ вниманія по отношенію къ тогдашнему состоянію нашей литературы. Нельзя также не отдать справедливости трудолюбію Якимова, который, не смотря на крайне неблагоприятныя условія своего воспитанія и жизненной обстановки въ годы молодости, основательно изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и, между прочимъ, англійскій.

Якимовъ принадлежалъ къ риторамъ стар

школы, писалъ разсужденія, и въ стихахъ и въ прозѣ, о краснорѣчіи въ смыслѣ подлежательномъ и предметномъ, о красотахъ и изобиліи русскаго языка и тому подобныхъ предметахъ. Его рѣчь въ стихахъ, подъ названіемъ: «Даръ слова», произнесенная въ торжественномъ собраніи Харьковскаго университета въ 1831 году, показываетъ, какое понятіе авторъ имѣлъ о поэзіи. Желая какъ можно нагляднѣе и картиннѣе выразить гибкость, силу и разнообразіе русскаго языка, онъ говоритъ:

О слово русское, славянское, родное,
Ганскредо—эллино—высокое—святое,
Великолѣпное, прекрасное, простое,
Сильное, быстрое, плавное, ясное,
Звучное, стройное, сладко-согласное,
Забавное, шутливое,
Веселое, игривое,
Нѣжное, мягкое, гибкое, важное,
Пріятное, богатое, свободное, отважное...
Живи и восхищай насъ всѣхъ собой!
Мы чувствуемъ тебя и сердцемъ и душой!
Тобой мы видимъ, слышимъ, осязаемъ,
Тобой мы обоняемъ и вкушаемъ—
Мы слиты, сроднены съ тобой;
Намъ каждый звукъ понятенъ твой:
Рѣзвись—ль ты когда, играешь,
Иль нѣжись и воздыхаешь;
Стонаешь, сѣтуешь, грустишь,
Жужжишь, хрипишь, свистишь, хрустишь,
Журчишь, шурпишь, урчишь, клокочешь;
Иль улыбаешься, хочешь;—
Стоишь въ раздумьѣ и молчишь...

Станнымъ можетъ показаться, что подобныя вирши читались съ университетской кафедры; но еще удивительнѣе то, что они выслушаны были съ большимъ удовольствіемъ, и оказалась потребность напечатать ихъ. Таковы были литературные вкусы тѣхъ, немногочисленныхъ впрочемъ, цѣнителей и судей, мнѣніемъ которыхъ особенно дорожилъ авторъ. Онъ говоритъ:

«Стихотвореніе сіе, по назначенію начальства, я имѣлъ честь произнести въ торжественномъ собраніи императорскаго Харьковскаго университета 30 августа 1831 года, и, вслѣдствіе того, оно напечатано въ университетскомъ актѣ. Но какъ начальству университета и почтеннѣйшей Харьковской публикѣ угодно было принять и самое стихотвореніе и произнесеніе оного съ отличо благосклоннымъ вниманіемъ, торжественно изъясненнымъ мнѣ въ самыхъ лестныхъ привѣтствіяхъ почетнѣйшихъ изъ присутствовавшихъ особъ обо-его пола; то, въ засвидѣтельствованіе глубочайшей признательности начальству и публикѣ и въ вос-

помянутое о семъ незабвенномъ для меня днѣ, я позволилъ себѣ смѣлость напечатать оное особенною книжечкой. Удовлетворяя чрезъ сіе обязанности человека, вмѣняющаго себѣ въ истинную честь выгодное о немъ мнѣніе образованнаго общества, я вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяю и просьбамъ многихъ почтеннѣйшихъ особъ, желавшихъ имѣть мое стихотвореніе».

Докторская диссертация Якимова: «О краснорѣчии въ Россіи до Ломоносова» отличается и безпѣвностью содержанія и наивностью критическихъ приемовъ автора. Онъ говоритъ, что сдѣлалъ только то, что позволяли мѣстные средства. Къ сожалѣнію, они были въ то время чрезвычайно скудны: авторъ не видѣлъ даже такихъ произведеній, какъ «Обѣдъ душевный» Симеона Полоцкаго, и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, — говоритъ онъ — что весьма любопытно и полезно было бы для насъ познакомиться съ тѣми проповѣдниками (XVII столѣтія, образовавшимися «подъ вліяніемъ стиля латинскаго»), которые прежде другихъ вышли на поприще и потому въ своихъ твореніяхъ яснѣе выразили духъ и формы школы. Но мы искренно признаемся, что не имѣли возможности найти и изучать ихъ произведенія. Почему и довольствуемся приведеніемъ о нихъ мнѣнія мужа, который, сколько намъ извѣстно, одинъ писалъ у насъ ученымъ образомъ объ этомъ предметѣ».

И приводитъ нѣсколько строкъ изъ статьи Каченовскаго: «Взглядъ на успѣхи російскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія».

Скудость источниковъ не помѣшала, однако, автору сдѣлать такого рода рѣшительные выводы»:

Краснорѣчіе находилось въ Россіи на высокой степени совершенства еще до Ломоносова.

Исторія русской литературы не представляет ничего важнѣе ораторскихъ произведеній.

Избранный нами способъ изученія произведеній отечественной словесности есть самый лучший, ибо онъ самый полезнѣйшій.

Нѣкоторыя изъ положеній имѣютъ видъ поговорокъ и школьныхъ афоризмовъ, какъ, напримѣръ:

На слогъ образца нѣтъ и быть не можетъ.

Nemo potest esse orator nisi vir bonus.

Пріятнымъ исключеніемъ изъ ряда общихъ мѣстъ являются два слѣдующія положенія:

Теоретическое изученіе словесности должно соединять съ историческимъ.

Одно изъ самыхъ важныхъ пособій для исторіи

нашей словесности составляютъ періодическія изданія.

Предлагаемые авторомъ разборы образцовыхъ произведеній отечественнаго краснорѣчія состоятъ изъ бессодержательныхъ фразъ, отдѣляемыхъ одна отъ другой восклицательными знаками и многоточіемъ, и риторическихъ обращеній къ читателю. Разборъ рѣчи Теофана Прокоповича надъ гробомъ Петра Великаго ведется въ такомъ тонѣ:

«Чего вы ожидаете теперь отъ Теофана? что, какъ, сколько скажетъ онъ вамъ, предстоящимъ гробу безсмертнаго генія Россіи? Но мы прежде спросимъ васъ: довольно ли живо ваше воображеніе, чтобы невидимое могло сдѣлаться для васъ видимымъ, чтобы въ состояніи были мысленно нарисовать себѣ гробъ великаго Петра и рыдающее надъ нимъ ваше отечество... Представьте же себѣ, что вдругъ, по стогнамъ первопрестольнаго Петра града раздалась роковая вѣсть: Петра не стало!... Нѣсколько часовъ, дней, и Россія отдаетъ послѣдній долгъ—Петру Великому!... Кто будетъ несчастнымъ ораторомъ этого дня? Тотъ самый, кто былъ витіей жизни безсмертнаго... Ужасное положеніе оратора!... Постигаєте ли вы хотя нѣсколько глубины его скорби? Это не плачь сына надъ гробомъ отца, ни вопль матери надъ гробомъ сына... Это—рыданіе генія надъ прахомъ генія!... «Что се есть? до чего мы дожили, о россияне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаетъ!» Мы не виноваты, если вы не останавливаетесь и, безъ слезъ, спокойно читаете далѣе... Остановитесь, подумайте, почувствуйте!» и т. д.

Профессоръ статистики А. П. Рославскій-Петровскій принадлежалъ къ числу даровитѣйшихъ представителей науки въ Харьковскомъ университетѣ. Руководство къ статистикѣ, составленное Рославскимъ Петровскимъ, было выдающимся явленіемъ въ тогдашней научной литературѣ. Журналы отзывались о книгѣ Рославскаго-Петровскаго съ большими похвалами, и видѣли въ ней яркіе слѣды пребыванія автора въ центрѣ нѣмецкой учености, въ Берлинѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ никогда не бывалъ. Въ лекціяхъ Рославскаго-Петровскаго было много живого. Онъ касался вопросовъ о свободной волѣ человека; о томъ, подчинены ли человѣческія дѣйствія такимъ же законамъ, какія обнаруживаются въ жизни природы; знакомилъ слушателей съ сочиненіями Кетле и другихъ ученыхъ; указывалъ предусмотрѣнныя наукой социальныя движенія и перевороты, и т. п. Опре-

дѣлая значеніе статистики, какъ науки, Рославскій-Петровскій говоритъ:

«Всѣ науки, какъ ни кажутся отдѣльными другъ отъ друга и какъ ни различны предметы ихъ занятій, дружно стремятся къ одной цѣли, суть отрасли одного и того же знанія, которое имѣетъ задачею провести предъ мысленнымъ взоромъ нашимъ неизмѣримую область созданнаго. Умноженіе наукъ важно въ томъ отношеніи, что оно, увеличивая точки соприкосновенія нашего съ міромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширяетъ предѣлы знанія, съ которымъ неразрывно связано подчиненіе природы владычеству разума... Предоставляя статистикѣ изслѣдованіе законовъ государственной жизни и ея элементовъ, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые кругъ ея ограничиваютъ познаніемъ настоящаго состоянія государствъ. Почерпая свои выводы изъ области опыта и возводя наблюденія на степень идей, она, очевидно, должна имѣть предѣлы гораздо обширнѣйшіе, простирается не только на настоящее, но и на прошедшее, однимъ словомъ, обнимать всѣ состоянія, или правильнѣе, всѣ фазы государственнаго бытія. Я сказалъ: фазы, ибо слово: состоянія, означая сумму явленій, представляемыхъ предметомъ въ извѣстное время, не можетъ быть цѣлю науки, которая, не останавливаясь на измѣняемомъ, ищетъ неизмѣняемаго, непреложнаго, вѣчнаго... Однихъ наблюденій недостаточно; необходимо сводить собранные факты къ одному общему центру, обдумывать ихъ причины, соображать слѣдствія и, такимъ образомъ, дойти, наконецъ, до знанія законовъ, которые могли бы указать намъ правила, какъ дѣйствовать въ жизни. Фактъ всегда останется фактомъ, то есть, чѣмъ-то непостояннымъ и измѣнчивымъ; только идея наводитъ на правило. Это, можетъ быть, представится намъ яснѣе, если мы прибѣгнемъ къ аналогіи наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ природы вещественной, которая во многихъ отношеніяхъ открываетъ любопытныя точки для сравненія съ міромъ нравственнымъ. Пока вниманіе человѣка останавливалось на однихъ окружающихъ его феноменахъ, пока онъ не возвысился до знанія ихъ законовъ, до тѣхъ поръ каждый шагъ его къ цѣли былъ шатокъ, невѣренъ; съ робостію повсюду онъ обращалъ свои взоры; онъ уподоблялся неопытному хозяину, который жилъ прежде въ бѣдной хижинѣ, а потомъ, получивъ въ наслѣдство богатый домъ, долго не можетъ свыкнуться съ своею новою сферою и котораго на каждомъ шагѣ затрудняетъ множество предметовъ, назначенныхъ для удобствъ образованной и утонченной жизни. Но разумъ взялъ свое. Человѣкъ открылъ законы естества, и его отношенія къ окружающему міру переѣнились. Природа, нѣкогда столь страшная, покорно простерлась у ногъ своего повелителя, и грозныя силы ея основали пьедесталь, на которомъ онъ

воздвигъ престолъ своего могущества. Тоже и въ мірѣ нравственномъ. Придетъ время, когда и онъ будетъ имѣть своихъ Франклиновъ, Ваттовъ, когда объяснятся причины всѣхъ явленій, когда откроются законы, управляющіе событіями, по видимому, самыми неопредѣленными, случайными, и новая, лучшая, совершеннѣйшая жизнь будетъ наградою этого великаго подвига, вполне достойнаго разумныхъ существъ. Оскорбительная послыща: «жить, какъ набѣжить» не будетъ болѣе возмущать нашего слуха, и человѣкъ по справедливости назовется владыкою своихъ дѣйствій».

Истымъ питомцемъ нѣмецкихъ университетовъ, по свойству и направленію своего преподаванія, былъ профессоръ всеобщей исторіи М. М. Лунинъ. Вмѣсто общаго курса своего предмета Лунинъ читалъ курсъ спеціальныя, обнимающій ту или другую эпоху, и въ изложеніи входилъ въ самыя мелкія подробности. Слушатели изумлялись обширной начитанности профессора, указывая, между прочимъ, на то, что для лекцій по исторіи Греціи онъ внимательно перечиталъ всего Пиндара и другихъ поэтовъ, дѣлая на поляхъ свои замѣчанія. Особенно цѣнилась въ свое время статья его: «Взглядъ на исторіографію древнѣйшихъ народовъ Востока», составленная по французскимъ, англійскимъ и преимущественно нѣмецкимъ пособіямъ. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ неизбѣжный въ тѣ времена Гегель съ его «Философіею исторіи» и др. Приводимъ изъ нея нѣсколько строкъ, знакомящихъ со взглядомъ и изложеніемъ автора:

«Къ главнѣйшимъ причинамъ, преломлявшимъ искони на Востокѣ объективный міръ историческихъ данныхъ въ субъективности дѣписателя, въ воспроизведеніи оныхъ въ писанной исторіи, можно причислить слѣдующія:

1) Міръ Востока покоится на началѣ нравственности, на практическомъ, внѣшнемъ понятіи добра и зла, отнюдь же не на высшемъ сознаніи правъ и обязанностей человѣка и согласованіи своихъ дѣйствій съ этимъ сознаніемъ, — это первая ступень къ ограниченію произвола и страстей человѣка. Государственныя формы покоятся или на началѣ семейства, какъ, на примѣръ, Китай и кочующіе народы высокой Азіи (патріархальныя государства); или на началѣ жречества, какъ, на примѣръ, Индія, древняя Персія, Египетъ (еократическія государства); или на обихѣ, какъ у большей части семитскихъ колѣнъ. Въ Китаѣ исторія искони находилась въ рукахъ самаго правительства; во всѣхъ еократическихъ государ-

ствахъ она была монополіею жреца, а вслѣдствіе того, исторія всегда находилась въ неразрывной связи съ религіею, съ догматами вѣрованія, съ его обрядами, однимъ словомъ, съ тѣмъ, что сильной кастѣ служителей боговъ угодно было выдавать за то, между тѣмъ, какъ вся прочая нація коснѣла въ невѣжествѣ, и, находясь совершенно во власти хитрыхъ жрецовъ и лишенная всякаго сознанія, она имѣла только отрицательное вліяніе на лѣтописи своего отечества.

2) Каждый народъ Востока имѣетъ только одну книгу, въ которую онъ вѣруетъ, какъ въ единственный источникъ всѣхъ человѣческихъ познаній, законовъ и нравственности, а единственною истолковательницею оной была тамъ каста богослужителей. Китайцы имѣютъ свои пять книгъ, Индія свои Веды, Персія свою Зендъ-Авесту, арабы свой Коранъ и т. д. Оттого—однообразіе цивилизаціи Востока.

3) Мы должны искать третью общую причину въ самомъ происхожденіи восточныхъ государствъ. Всѣ восточныя монархіи основаны на завоеваніи, и, такъ сказать, живутъ и держатся духомъ завоеванія. Ихъ появленіе подобно внезапному разрушительному урагану; ихъ жизнь и процвѣтаніе кратковременны; ихъ паденіе быстро. Въ этой-то внезапности и быстротѣ, въ этомъ однообразіи политическихъ переворотовъ заключается смерть исторіи. Разность между бытописателями Востока и истинными историками Запада проявляется въ томъ, что въ твореніяхъ первыхъ выступаетъ рѣзко наружу индивидуальность самого писателя или того племени и народа, къ которому онъ принадлежитъ; у западныхъ писателей эта личная и дробная индивидуальность исчезаетъ, и мѣсто ея занимаетъ элементъ общности, элементъ критики. Другой недостатокъ восточныхъ бытописателей—отсутствіе того, что обыкновенно называютъ прагматизмомъ, то есть, связи между причинами и дѣйствіями» и т. д.

Приведенныя нами мѣста изъ произведеній Харьковскихъ ученыхъ даютъ понятіе, какъ о той средѣ, въ которой воспитался и началъ свою литературную дѣятельность Н. И. Костомаровъ, такъ и о тѣхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходили научныя работы. Съ одной стороны — бѣдность источниковъ для изученія родной старины, для знакомства съ историческою жизнью русскаго народа и его литературою; съ другой стороны — богатство иностранныхъ пособій, представляющихъ неисчерпаемые матеріалы для всякаго, кто не особенно дорожитъ источниками, ограничиваясь скромною ролью передатчика чужихъ мнѣній и взглядовъ. Блестящія дарованія Рос-

лавскаго-Петровскаго выразились въ его умѣнн освѣтить факты, соединить ихъ въ одно стройное цѣлое и внести значительную долю самостоятельности въ изложеніе разнообразныхъ матеріаловъ, добытыхъ иностранными учеными. Какъ бы ни были самостоятельны въ своихъ изслѣдованіяхъ выдающіеся изъ Харьковскихъ ученыхъ того времени—профессора Рославскій-Петровскій и Лунинъ, во всякомъ случаѣ, обширное поле для таланта Рославскаго-Петровскаго и для замѣчательнаго трудолюбія и учености Лунина открывалось въ изданіяхъ памятниковъ и въ многочисленныхъ научныхъ трудахъ, появлявшихся въ различныхъ странахъ Европы. Далеко не такъ благоприятно было положеніе труженика науки, посвящавшаго себя, на берегахъ Нечери и Лопани, изученію русской исторіи и русской словесности. Отсутствіе источниковъ, какъ и отсутствіе дѣйствительно ученыхъ пособій, давало себя чувствовать на каждомъ шагѣ. Пробѣлы въ фактическихъ свѣдѣніяхъ являлись часто по необходимости, а вслѣдствіе этого необходимы были и невѣрности въ выводахъ и приговорахъ.

Н. И. Костомаровъ приступилъ къ изученію отечественной исторіи въ ту пору, когда въ нашей литературѣ начинало обнаруживаться стремленіе излагать не только исторію Русскаго государства, но и исторію русскаго народа. Попытка Полеваго была первою въ своемъ родѣ и произвела впечатлѣніе въ мыслящей части русскаго общества. Пушкинъ находилъ, что авторъ «Исторіи русскаго народа» съ энтузіазмомъ неофита слѣдовалъ приемамъ новой школы французскихъ историковъ, образовавшейся подъ вліяніемъ романовъ Вальтеръ-Скотта. Но каково бы ни было выполненіе непосильной задачи—написать исторію русскаго народа, основная мысль Полеваго заключала въ себѣ жизненное начало. Оно выражалось, болѣе или менѣе ясно, и въ послѣдующихъ трудахъ по русской исторіи, отчасти также и въ трудахъ по русской словесности. Съ измѣненіемъ понятія объ исторіи, вообще измѣнялось понятіе и объ исторіи литературы. По опредѣленію профессора Максимовича, «именемъ словесности» означаетъ

совокупность памятниковъ, въ которыхъ выразились душа и жизнь народа посредствомъ языка, изустно или письменно».

Между воззрѣніями и литературною дѣятельностью Максимовича и Костомарова есть внутренняя связь, вытекающая изъ отношенія ихъ къ памятникамъ устной народной словесности. Максимовичъ пользовался ими для объясненія литературныхъ произведеній; Костомаровъ признавалъ ихъ существенно важнымъ матеріаломъ для историческихъ изслѣдованій. Для своей магистерской диссертации Н. И. Костомаровъ избралъ историческое событіе, имѣющее безспорное значеніе въ жизни народа и не прошедшее безслѣдно и для народной поэзіи.

На подобный выборъ предмета наводила, такъ сказать, сама жизнь. Происходившее въ то время воссоединеніе уніатовъ невольно вызвало въ мыслящихъ людяхъ сужденія о совершавшемся событіи, и, для вѣрной оцѣнки настоящаго, весьма естественно было обращаться къ историческому прошедшему, къ тому, что было пережито народомъ въ тѣ печальныя времена, когда вводилась и распространялась Унія. Что изслѣдованіе объ Уніи съ точки зрѣнія исторической не представлялось мѣстной интеллигенціи почему-либо неудобнымъ, видно изъ того, что ближайшіе ученые судьи Костомарова, за весьма немногими исключеніями, относились сочувственно къ его сочиненію. И не только выборъ предмета былъ одобренъ въ факультетскомъ собраніи, безъ чего диссертация и не могла бы появиться въ печати; но и во время устныхъ испытаній предлагаемы были вопросы, находящіеся въ непосредственной связи съ содержаніемъ диссертации. По словамъ г. Костомарова, противъ его диссертации подали голоса только два профессора историко-филологическаго факультета: П. П. Артемовскій-Гулакъ и профессоръ философіи М. Н. Протопоповъ.

Вопросы, предлагаемые при испытаніяхъ на высшія ученые степени, имѣютъ свою долю значенія для характеристики научной жизни университетовъ. Поэтому приводимъ вопросы, предложенные г. Костомарову по тѣмъ

наукамъ, изъ которыхъ онъ подвергался экзамену, на основаніи существовавшего тогда положенія объ ученыхъ степеняхъ. Экзаменъ происходилъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1840 года.

По всеобщей исторіи предложено профессоромъ Лунинымъ одиннадцать вопросовъ: девять изъ нихъ рѣшены г. Костомаровымъ устно, а два—письменно.

- 1) Объ источникахъ греческой исторіи и новѣйшихъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ.
- 2) О древнѣйшихъ народахъ, изъ коихъ образовался народъ греческій.
- 3) О началѣ, дальнѣйшемъ развитіи и постепенномъ образованіи Аѳинъ.
- 4) О племенахъ эллинскаго народа: іонянахъ, эолянахъ, дорянахъ и ахеянахъ.
- 5) Объ источникахъ римской исторіи и обзоръ римской исторіи.
- 6) Объ источникахъ для французской исторіи и обзоръ исторіи Франціи.
- 7) Объ источникахъ для англійской исторіи и обзоръ исторіи Англій.
- 8) Исторія Италіи со времени XV вѣка.
- 9) Царствованіе Людовика XIV.

Письменные отвѣты даны г. Костомаровымъ на слѣдующіе вопросы по всеобщей исторіи:

- 1) Изобразить всѣ важнѣйшія послѣдствія, которыя произвело норманнское завоеваніе на политическія и общественныя отношенія Англій, равнымъ образомъ, какъ на языкъ и литературу англичанъ; и какіе писатели изобразили эпоху норманнскаго завоеванія.
- 2) Изобразить политическія и религіозныя отношенія римской имперіи со временъ Августа до Константина Великаго; и какіе источники служатъ для насъ главными пособіями для познанія этой эпохи.

По русской исторіи предложены профессоромъ Артемовскимъ-Гулакомъ слѣдующіе вопросы:

- 1) О доказательствахъ достовѣрности лѣтописи Несторовой.
- 2) Объ относительной важности польскихъ историковъ для русской исторіи.
- 3) Характеристика перваго отдѣла.
- 4) Существовала ли въ Россіи феодальная

система, и можно ли находить сходство между нею и удѣльной системой.

5) О причинахъ паденія кievскаго княженія.

6) О началѣ, успѣхахъ и слѣдствіяхъ Уніи.

7) Исторія Сѣверной войны.

8) Царствованіе Елизаветы Петровны.

Изъ политической экономіи предложены профессоромъ Сокальскимъ вопросы:

1) Объ объемѣ, какой даютъ политической экономіи разные писатели.

2) О цѣнности и о различіи цѣнности отъ пользы.

3) О трудѣ и раздѣленіи труда, — у разныхъ политико-экономическихъ писателей.

4) О собственности.

5) О потребленіи.

Изъ статистики предложены адъюнктомъ Рославскимъ-Петровскимъ вопросы:

1) Объ источникахъ статистики съ критическою оцѣнкою каждаго изъ нихъ.

2) О системѣ статистики.

3) О законахъ движенія народонаселенія.

4) О современномъ состояніи финансовъ во Франціи.

5) О народной образованности въ Европѣ сравнительно.

По единогласномъ одобреніи членами факультета устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ г. Костомарова, ему разрѣшено было представить диссертацию. Диссертация эта напечатана въ Харьковѣ, въ 1841—1842 году, подъ заглавіемъ: «О причинахъ и характерѣ Уніи въ западной Россіи, сочиненіе кандидата 1-го отдѣленія философскаго факультета Николая Костомарова. Написано для полученія степени магистра историческихъ наукъ». На оборотѣ заглавнаго листа: «По опредѣленію 1-го отдѣленія философскаго факультета, состоявшемуся 22 ноября сего 1841 года, вслѣдствіе большинства одобрительныхъ мнѣній, напечатать. 29 ноября 1841 года. Деканъ отдѣленія статскій совѣтникъ и кавалеръ Петръ Артемовскій-Гулакъ».

Эпиграфомъ для своей диссертации г. Костомаровъ избралъ малороссійскую народную пѣс-

ню, живо и мѣтко выражающую впечатлѣніе, которое производила Унія, прошедшая черною полосой въ жизни русскаго народа. Всѣ толковали о вѣрѣ да о вѣрѣ, и никто не вспомнилъ о любви:

О Боже мій несконченный!

Дивитися горе,

Шо тепера на снѣгъ свѣтъ

Вѣра вѣру боре.

О Боже мій несконченный!

Шо ся теперъ стало?

Усе вѣра, усе вѣра,

А милости мало.

Особенности взгляда и главные выводы или «положенія» автора состояли въ слѣдующемъ:

— Западная Русь, вначалѣ имѣвшая свою религіозную и національную самостоятельность, теряла ее по мѣрѣ упадка внутреннихъ силъ и единства.

— Православіе сближалось съ католицизмомъ, по мѣрѣ того, какъ сближалась Русь съ Польшею, по обстоятельствамъ. Унія, или религіозное соединеніе, совершилась во время политическаго соединенія Руси съ Польшею.

— Задача Уніи была чисто политическою; потребность ея для народа была отрицательною.

— Народъ русскій былъ безсиленъ устоять въ православіи и національности. Унія пробудила въ немъ чувство того и другого.

— Притѣсненія, оказываемыя благочестивымъ со стороны униатовъ и католиковъ, поддерживались безсиліемъ правительства.

— Народъ русскій въ Малороссіи, бывъ сперва единымъ съ народомъ русскимъ въ Литвѣ, отдѣлялся отъ него и перерождался.

— Козаки были виновниками перерожденія Малороссіи и спасителями православія и народности.

— Хмѣльницкій заключилъ Зборовскій миръ противъ народныхъ требованій; ему должно приписываютъ освобожденіе своего отечества.

— Московскій миръ вполнину только рѣшилъ задачу Уніи и въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніи.

— Отторженіе Малороссіи отъ Польши приготовило окончательное паденіе сего государства.

— Унія прекратилась только тогда, когда прекратилась зависимость западной Руси отъ

Польша и образовалась истинная Всероссийская имперія.

— Последствія Уніи были совершенно противны ея положительному назначенію; дѣло шло о томъ, чтобъ соединить крѣпко Русь съ Польшею; утвердить силу королевства, истребить на Руси православіе,—а вышло то, что Русь совершенно освободилась отъ польскаго ига, Польша погибла, православіе избавилось отъ враговъ и процвѣло во всемъ блескѣ.

«Когда исторія—говоритъ Н. И. Костомаровъ—представляетъ намъ борьбу противныхъ идей, движущихъ враждебныя массы одного и того же народа, важность такой борьбы опредѣляется по мѣрѣ того, какъ весь народъ приметъ въ ней участіе, идея ея приведетъ въ движеніе всѣ силы страны и станетъ народною идеею. Но чтобъ опредѣлить характеръ такой эпохи, мы непремѣнно должны вникнуть въ событія того времени, когда начала, одушевлявшія эту борьбу, развиваются, и готовятся ея дѣйствователи. Разительная и очевидная важность существованія Уніи для исторіи нашего отечества начинается не тогда, когда она возникла подъ честолюбивыми замыслами епископовъ, но съ того времени, когда содѣлалась политическою задачею, когда въ лагеряхъ казацкихъ предводителей рѣшено было отторгнуть западную Русь отъ Польши, а въ московскомъ кабинетѣ—соединить ее съ Московіею. Но эту эпоху готовили слишкомъ два столѣтія: въ нихъ постепенно вспыхивали искры, пона, наконецъ, задулся пожаръ, рѣшившій судьбу столькихъ земель и народовъ. И потому, чтобы объяснить характеръ Уніи, надлежитъ розыскать, что предуготовило ее, какіе дѣйствователи готовились выступить на бурное поприще, и съ какими силами; надлежитъ найти причины великой борьбы двухъ вѣроисповѣданій, борьбы за свободу совѣсти, отличительной черты XVI и XVII вѣковъ, отразившейся у насъ, но особеннымъ образомъ, вытекшимъ изъ прежнихъ понятій народа и его исторической жизни; причины борьбы двухъ народовъ единого племени, но разной жизни, которые оба должны уничто-

т. I. 77.

житься, чтобы составить единый, великій народъ».

Излагая въ бѣгломъ очеркѣ причины Уніи, отдаленныя и ближайшія, авторъ останавливается на отношеніяхъ Руси къ Литвѣ, изображая ихъ такими чертами: «Для Гедимина вѣры не было; онъ дѣйствовалъ изъ видовъ политики: такъ точно приучалъ дѣйствовать и дѣтей своихъ. Всякій изъ его потомковъ могъ принять католицизмъ, и тогда русскому православію угрожала опасность. Литовскіе князья поступали съ побѣжденными ласково и кротко, и тѣмъ было хуже: никогда рабство не бываетъ такъ прочно, какъ тогда, когда его не чувствуютъ. Такимъ образомъ Русь ближе и ближе подвигалась по колеѣ обстоятельствъ къ той эпохѣ, когда рѣшительное столкновеніе съ католицизмомъ стало для нея избѣжно. Въ 1386 году совершилось событіе, коимъ надолго опредѣлилась судьба ея. Язычникъ Ягайло женился на польской наслѣдницѣ; и Литва и Польша соединились подъ скипетромъ единого государя. Во всѣхъ странахъ новокрещенные монархи являлись ревностными защитниками принятой религіи, приверженнымъ къ ней до фанатизма, съ такою же ненавистью къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, какъ и къ язычеству, котораго держались сами. Такъ Кловисъ, крестившись, сталъ непримиримымъ врагомъ аріанскихъ королевствъ: Бургундіи и Визиготіи; такъ англосаксонскіе государи Гептархіи, обращенные ревностію св. Августина, гнали еретиковъ бретоновъ. Такъ и Ягайло, принявъ съ рукою Гедвиги и корону польскую и вѣнецъ небесный, сталъ жестокимъ врагомъ не только всего нехристіанскаго, но всего некаатолическаго. Въ душу грубую не проникаютъ христіанскія истины: для нея вся религія существуетъ въ обрядахъ; и всегда, къ сожалѣнію для народа христіанскаго, другая христіанская секта была болѣе предметомъ ненависти, чѣмъ самое язычество или вѣра, вовсе противная Христову закону: совершенно чуждое не такъ насъ поражаетъ, какъ свое, одѣтое въ другую форму. Принявъ христіанскую вѣру католическаго закона, Ягайло восхотѣлъ насадить ее въ

7

своей наследственной странѣ и далѣ, при вступленіи на престолѣ, обѣтъ обратитъ Литву въ христіанство. Но, за исключеніемъ Жмуди, которая за бѣлыя суконныя свитки принимала безъ сопротивленія новую вѣру, вся такъ называемая Литва, т. е. западная Русь была давнымъ давно страна христіанская, исповѣдывала греческую вѣру, и обратитъ ее можно было развѣ только въ католицизмъ. Ягайло, обязавшись обращать Литву въ христіанство, нѣкоторымъ образомъ, возложилъ на себя обѣтъ обращать въ католицизмъ русскихъ, а коль скоро увидѣлъ себя полнымъ обладателемъ Полоцка, Витебска, Сѣверіи, Кіева и Червоной Руси, сталъ приводить въ исполненіе свой обѣтъ: права гражданскія были стѣснены, должности передавались католикамъ, брачныя союзы между исповѣдывавшими разныя вѣры запрещены, многихъ насильно обращали въ католичество, несмотря на то, что даже братья короля исповѣдывали православіе. Жители Кіева, Чернигова и Бѣлоруссіи, уже съ полвѣка признававшіе власть литовскихъ князей и не чувствовавшіе своего ига, ибо намѣстники исповѣдывали греческую вѣру, фамиліи княжескія оставались и не роптали, народъ не былъ утѣсняемъ, — теперь съ ужасомъ увидѣли себя подъ игомъ иновѣрца, въ соединеніи съ народомъ, издавна непріязненнымъ. Судьба Червоной Руси еще болѣе страшна ихъ: родилось отвращеніе къ Ягайлу, усилилась старинная нелюбовь къ Польшѣ, возникла мысль объ отдѣленіи Руси отъ польскаго владычества. Неблагодарное поведение правительства и обстоятельства усилили эту нелюбовь и открыли путь вѣчной ненависти, которая никогда не кончилась. Мысль объ отдѣленіи литовской Руси возрастала и хотя не скоро исполнилась, но за то никогда не угасала и т. д.»

Возстаніе Малороссіи, имѣющее важное историческое значеніе, авторъ признаетъ дѣломъ народа, событіемъ, вытекающимъ изъ народной жизни: «Наступилъ незабвенный 1648 годъ. Малороссія стала театромъ непримиримой брани народовъ. Человѣкъ, посланный Провидѣніемъ въ то время, когда уже сѣмена рѣшительнаго

переворота созрѣли, когда единственною одушевляющею идеею народною стало освобожденіе отъ чужеземнаго ига, вель отъ юга несмѣтныя полчища гонимыхъ христіанъ и невѣрныхъ; города и села пылали; народъ ожесточился: полякамъ надобно было оставить Украину. Разсматривая сію брань малороссіянъ съ поляками, мы непремѣнно должны обратитъ вниманіе на характеръ оной и главную идею. Эта великая борьба за свободу совѣсти, за независимость страны, не была мятежемъ для пріобрѣтенія выгодныхъ правъ, не была возмущеніемъ утѣсненной массы въ родѣ попытки, — это было ополченіе рѣшительное, предпринятое навѣрное; война, которая ничѣмъ другимъ не могла кончиться, какъ вѣчнымъ разьединеніемъ народовъ; брань, послѣ которой нельзя уже было надѣяться на примиреніе. Бываютъ мятежи, поднятые шайкою мечтательныхъ головъ, недовольныхъ бродягъ, прихотливыхъ богачей, поднятые во имя народа въ противность его требованіямъ: такіе мятежи кончаются сами собою и не имѣютъ никакихъ послѣдствій, кромѣ потери нѣсколькихъ головъ, конфискацій нѣсколькихъ имѣній. Бываютъ возмущенія страны, которая, бывъ брошена подъ чуждое правленіе, старается удержатъ старинныя права свои: такіе возмущенія кончаются часто примиреніемъ, если благоразумное правительство сознаетъ справедливость ихъ требованій, или же необходимою покорностію, если права эти несообразны съ духомъ времени. Но бываютъ возстанія народа, потерявшаго не только права гражданскія, но и человѣческія; возстанія въ ту эпоху, когда всякое терпѣніе исчезаетъ, когда тираннія не одного правительства, а цѣлаго народа надъ другимъ переходитъ границы: такіе возстанія не кончаются примиреніемъ, а совершеннымъ отдѣленіемъ, часто паденіемъ одного изъ народовъ. Въ мятежахъ всѣхъ предъидущихъ родовъ для успѣха нужно великаго человѣка, нужно приготовить средства: здѣсь не для чего искать ихъ — они явятся сами; не нужно воззваній — всякій чувствуетъ свое бѣдствіе, всякій готовъ на смерть, потому что для всякаго уже надобна жизнь; не нужно даже готового войска: стари-

ки и женщины становятся въ ряды мятежныхъ полчищъ. Таковы были брани нидерландцевъ съ испанцами, брани шведовъ съ датчанами при Густавѣ Вазѣ, брани грековъ съ турками въ наше столѣтіе. Такова была брань малороссіянъ съ поляками. Не Хмѣльницкій поднялъ ее; не ему принадлежитъ честь освобожденія родины, честь славнаго окончанія первой войны:—онъ былъ только избранникомъ народа своего, орудіемъ потребностей своего времени, своей страны. Этотъ человекъ, котораго имя такъ пышно гремитъ въ исторіи нашей, не имѣлъ даже ума Сагайдачнаго, ибо первый дѣйствовалъ непрерывно, неизмѣнно, а Хмѣльницкій измѣнялся, не доводилъ до конца дѣла и оканчивалъ его вопреки народному желанію. Присоединеніе Малороссіи къ Московіи можно еще, и то не строго разбирая, назвать дѣломъ Хмѣльницкаго, но освобожденіе отъ Польши—никогда. Не Хмѣльницкій былъ дѣйствующимъ лицомъ, а народъ; не Хмѣльницкій воззвалъ народъ къ возстанію, а народная потребность вывела Хмѣльницкаго изъ бездѣйствія. Успѣхи малороссіянъ въ сраженіяхъ не столько надобно приписать мужеству и искусству казакаго предводителя, сколько всеобщей единодушной рѣшимости, готовности каждаго на смерть, оцѣпенѣнію, какое овладѣло поляками въ минуту угрожающей со всѣхъ сторонъ опасности. Подвигаясь съ огромнымъ своимъ полчищемъ отъ степей Бористена въ польскую Украину, Хмѣльницкій вездѣ находилъ помощь; вездѣ слышалъ о возстаніяхъ; вездѣ по городамъ рѣзали старость, кастелянновъ, истребляли гарнизоны, по деревнямъ топили жидовъ и униатовъ. Въ то время, когда болѣе правильное ополченіе разбивало польскія войска, предводимыя Потоцкими и Конецпольскими, отчаянные герои православія собирали шайки и пролагали страшнымъ образомъ дорогу гетману. Имена ихъ, неважныя и даже часто неизвѣстныя въ исторіи, живутъ до сихъ поръ въ народныхъ пѣснопѣніяхъ; и бандуристы Украины, болѣе славятъ Морозенка, Лисенка, Перебийниса, нежели Хмѣльницкаго и его сподвижниковъ, знаменитыхъ въ исторіи и мало извѣ-

стныхъ народу. Не доказательство ли это, что возстаніе 1648 года было дѣломъ народа: память народная умѣетъ дорожить славой предковъ» и т. п.

Диссертация Костомарова, одобренная большинствомъ членовъ факультета, представлена въ совѣтъ, и назначено было публичное ея защищеніе. Но это назначеніе отмѣнено, а вскорѣ послѣ того уничтожена и самая диссертация. Кѣмъ же и почему уничтоженъ одобренный ученою корпораціею первый научный трудъ одного изъ даровитѣйшихъ питомцевъ Харьковскаго университета тридцатыхъ годовъ. Весьма упорно держался слухъ, что истиннымъ виновникомъ сожженія (какъ увѣряли многіе) книги Костомарова былъ Харьковскій епископъ Иннокентій, оскорбленный будто бы выходками Костомарова противъ духовенства. Но подобное обвиненіе противорѣчитъ тому понятію, которое сложилось объ Иннокентіи въ мыслящей части тогдашняго общества. Въ литературѣ встрѣчались такіе отзывы объ Иннокентіи: «другъ человечества, который горячо желалъ ему вездѣ законнаго преуспѣянія, который въ минуту сомнѣній и колебаній возвышалъ одинъ свой голосъ за угнетенныхъ славянъ на Востокѣ, и осмѣлился предрѣчь имъ свободу» и т. п. Съ перваго появленія своего въ Харьковѣ, Иннокентій заявилъ себя человекомъ, уважающимъ науку и ея представителей, отнюдь не желавшимъ тормозить мѣстную литературную дѣятельность. Обладая блестящимъ ораторскимъ талантомъ, Иннокентій привлекалъ множество слушателей, православныхъ и иновѣрцевъ, своими живыми, умными, говорящими душѣ проповѣдями. Въ первой рѣчи своей, обращенной къ Харьковской паствѣ, Иннокентій съ большимъ сочувствіемъ упомянулъ объ университетѣ, какъ о разсадникѣ образованности, составляющемъ лучшую славу города. Въ частныхъ бесѣдахъ съ профессорами университета Иннокентій любилъ говорить объ отношеніяхъ религіи къ наукѣ и о необходимости всесторонняго научнаго образованія для лицъ, посвящающихъ себя служенію религіи. Богатому охотно дають въ займы—говорить пословица, и Иннокентію, какъ лицу выдаю-

щелся по силѣ своего ума и богатству дарованій, мѣстные слухи приписывали много такого, чего, быть можетъ, въ дѣйствительности не было; но большею частью приписывались такіе вещи, въ которыхъ видѣнъ умъ, находчивость, независимый образъ мыслей и рѣшимость его высказывать, насколько возможно было при тогдашнемъ порядкѣ вещей. За невозможностью сказать прямо, Иннокентій говорилъ образно, дѣлая намеки болѣе или менѣе прозрачные. Рассказывали, напримѣръ, что когда Иннокентій долженъ былъ, вслѣдствіе давленія извнѣ, доказывать вредъ коллегіальнаго начала въ управленіи, онъ построилъ свои доказательства главнымъ образомъ на томъ, что въ аду господствуетъ политѣйшій абсолютизмъ, и грозный властитель ада по справедливости считается заклятымъ врагомъ всякаго проблеска свободы между подвластными ему духами. Рассказывали также, что кто-то изъ вліятельныхъ лицъ изъяснилъ сожалѣніе, что знаменитый ораторъ, въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ своихъ, выражаетъ коммунистическія идеи, благовидно обставляя ихъ библейскими текстами. На это Иннокентій отвѣчалъ: «я проповѣдую, христіанство, а не коммунизмъ, и между нами та разница, что христіанство говоритъ: что мое, то твое, а коммунизмъ—наоборотъ: что твое, то мое» и т. д.

Когда задержана была диссертация Костомарова, въ городѣ стали толковать, что это сдѣлано въ угоду Иннокентію. Костомаровъ обратился къ декану факультета. Деканомъ перваго отдѣленія философскаго факультета былъ на ту пору профессоръ греческой словесности А. О. Валицкій, человѣкъ благородный и энергическій. Валицкій предложилъ Костомарову отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Иннокентію для разъясненія дѣла. Иннокентій принялъ ихъ весьма привѣтливо и съ полною откровенностью высказалъ свой взглядъ на сочиненіе Костомарова. Вовсе не требуя уничтоженія диссертации, Иннокентій находилъ ее неудовлетворительною въ научномъ отношеніи и, въ интересахъ самого автора, совѣтовалъ глубже вникнуть въ предметъ, критически изучить необходимые источники и, такимъ образомъ, выво-

дамъ своимъ придать твердую, научную основу. Онъ доказывалъ положительную невозможность написать ученое послѣдованіе объ Уніи, оставаясь въ Харьковѣ и ограничиваясь одними печатными матеріалами. Масса нетронутого матеріала—говорилъ онъ—хранится въ рукописяхъ синодальнаго архива въ Петербургѣ, и общалъ Костомарову открыть доступъ къ архивнымъ рукописямъ (что было сопряжено тогда съ большими трудностями), если Костомаровъ найдетъ возможность провести нѣкоторое время въ Петербургѣ для продолженія своихъ научныхъ работъ. Въ словахъ Иннокентія не было и тѣни недоброжелательства или нетерпимости; онъ говорилъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, вполне понимающій требованія науки и указывающій на эти требованія единственно ради науки, а отнюдь не съ какими либо другими, посторонними цѣлями. Всѣ эти подробности о переговорахъ съ Иннокентіемъ мы слышали отъ самого Н. И. Костомарова.

Иннокентій не только не жегъ диссертациі г. Костомарова, но и не писалъ о ней въ Петербургъ высшему начальству. Ни въ архивѣ св. синода, ни въ дѣлахъ канцеляріи обер-прокурора св. синода, ни въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія нѣтъ никакихъ слѣдовъ переписки Иннокентія по этому поводу.

Диссертация уничтожена не по настоянію Иннокентія. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ помощнику попечителя Харьковскаго учебнаго округа Н. А. Цертелеву, а окончательная развязка—главѣ министерства народнаго просвѣщенія. Видную роль игралъ здѣсь и профессоръ русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ и академикъ Н. Г. Устряловъ. Его отзывъ, какъ отзывъ специалиста, имѣлъ большое значеніе въ глазахъ ученаго министра С. С. Уварова, дорожившаго убѣжденіями и указаніями людей науки и относившагося къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. Причины неблагоприятнаго исхода дѣла заключались отчасти въ боязни, что диссертация Костомарова будетъ имѣть обширный кругъ читателей, и слѣдовательно можетъ возбудить много тол-

ковъ; отчасти—въ подмѣченномъ у автора сходствѣ съ направлениемъ Отечественныхъ Записокъ, а также и въ другихъ соображеніяхъ, подробно изложенныхъ въ предлагаемыхъ документахъ.

Управлявшій Харьковскимъ учебнымъ округомъ помощникъ попечителя князь Цертелевъ представилъ товарищу министра народного просвѣщенія князю П. А. Ширинскому-Шихматову экземпляръ диссертации Костомарова при отношеніи, отъ 4 апрѣля 1842 года, слѣдующаго содержанія:

«Совѣтъ императорскаго Харьковского университета препроводилъ ко мнѣ экземпляръ разсужденія объ Уніи, написаннаго кандидатомъ Костомаровымъ для полученія степени магистра историческихъ наукъ.

Судя по современнымъ событіямъ, я полагаю, что разсужденіе Костомарова можетъ обратить на себя вниманіе не только ученыхъ и духовенства, но и вообще читающей публики нашей; а какъ нѣкоторыя мѣста этого сочиненія показались мнѣ слишкомъ рѣзкими и вмѣстѣ неосновательными, то я и предложилъ совѣту университета публичное защищеніе диссертации г. Костомарова отложить впредь до особеннаго моего по сему предмету распоряженія. Довода объ этомъ до свѣдѣнія вашего сіятельства и препровождаю при семъ экземпляръ упомянутаго сочиненія съ отмѣткою тѣхъ выраженій, которыя показались мнѣ или сомнительными или неприличными, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, почтить меня увѣдомленіемъ: можетъ ли разсужденіе Костомарова быть допущено къ публичному защищенію въ настоящемъ его видѣ?

Къ сему неизлишнимъ считаю присовокупить: а) что прилагаемая диссертация, при разсмотрѣніи оной въ 1-мъ отдѣленіи философическаго факультета, признана удовлетворительною и одобрена къ напечатанію не всѣми членами отдѣленія, но большинствомъ голосовъ; в) что диссертация этой напечатано всего 100 экземпляровъ, изъ коихъ не болѣе 50 роздалъ г. Костомаровъ преподавателямъ университета и, наконецъ, с) что хотя диссертация эта въ ученое ея значеніе имѣетъ многіе недостатки и погрѣшности, но по духу своему, кажется, не представляетъ ничего противнаго вѣдамъ правительства и ученію православной церкви, и если я остановилъ публичное защищеніе этой диссертации, то единственно изъ осторожности, опасаясь, чтобы нѣкоторыя необдуманно употребленныя сочинителемъ выраженія не оскорбили нашего духовенства и не дали повода къ невыгоднымъ, хотя бы то и несправедливымъ, толкамъ».

Министръ народного просвѣщенія С. С. Уваровъ поручилъ академику Устрялову разсмо-

трѣть диссертацию Костомарова. Исполнивши возложенное на него порученіе, академикъ Устряловъ высказалъ свой взглядъ въ слѣдующемъ письмѣ на имя князя П. А. Ширинскаго-Шихматова:

«Во исполненіе воли господина министра народного просвѣщенія, объявленной мнѣ предписаніемъ вашего сіятельства отъ 24 числа минувшаго апрѣля, разсмотрѣвъ диссертацию кандидата Костомарова (при семъ возвращаемую), О причинахъ и характерѣ Уніи въ западной Россіи, имѣю честь представить, что диссертация сія принадлежитъ къ разряду тѣхъ произведеній современной литературы, въ которыхъ молодые, малоопытные писатели, увлекаясь примѣромъ полупочуенныхъ софистовъ, заботятся не о подтвержденіи или лучшемъ развитіи давно признанныхъ истинъ (по ихъ мнѣнію, устарѣвшихъ), а о новости воззрѣнія на предметъ, стараются блеснуть остроуміемъ, или особеннымъ взглядомъ, дозволяютъ себѣ странныя парадоксы и впадаютъ въ непостижимыя противорѣчія. Такъ пишутся многія статьи «Отечественныхъ Записокъ»; въ томъ же духѣ писалъ и Костомаровъ.

Непреложныя свидѣтельства историческія удостоверяютъ, что Унія была преступнымъ ковомъ весьма немногихъ лицъ, руководимыхъ своекорыстными разсчетами, что единственною цѣлью виновниковъ ея было избавиться отъ вліянія Царьградскаго патріарха, что вслѣдствіе сего, признавая надъ собою власть папы, вмѣсто власти патріаршей, они удержали главные догматы и обряды православной церкви, что при всемъ томъ русскій народъ въ Литовскомъ княжествѣ встрѣтилъ Унію съ живѣйшимъ негодованіемъ и только упорныя усилія польскаго правительства дали ей возможность утвердиться въ западной Россіи. Вопреки сему, авторъ диссертации принимаетъ за основную идею, что «Унія была, по выраженію его, не видимымъ признаніемъ первенства папы, съ удержаніемъ всей греческой вѣры, но рѣшительнымъ соединеніемъ съ католическою,—простымъ принятіемъ римско-католической вѣры (стр. 62). Въ то же время признаетъ ее потребностію и необходимостію народною! (Стр. 58 и 62). Этотъ странный выводъ онъ извлекаетъ изъ неправильнаго воззрѣнія на политическое и религіозное состояніе западной Руси предъ началомъ Уніи. По мнѣнію его, ничѣмъ, однакожъ, не доказанному, при постепенномъ сближеніи русскихъ съ поляками въ политическомъ смыслѣ, сближалась православная вѣра съ римско-католическою (стр. 52), и чѣмъ необходимѣе казалось соединеніе Литвы съ Польшею, тѣмъ необходимѣе становилось соединеніе вѣры и введеніе Уніи (стр. 35). Авторъ какъ будто забылъ цѣлый рядъ событій отъ Ягелла до Сигизмунда Августа, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ,

что православные обитатели Литовского княжества постоянно напрягали все свои силы к спасению своей национальности и своей веры, что, вследствие сего, несколько раз они разрывали узы, связывавшие их с поляками при Ягеллах, и только тогда согласились соединиться с Польшею, когда национальные права их, политические и религиозные, были обеспечены при Сигизмунде Августе самым торжественным и положительным образом. Если бы автор, вместо Нарушевича, Солиныяка и других писателей позднейших, вникнул в более достоверные и беспристрастные свидетельства современников, то он увидел бы, с каким усилением и неослабным упорством русский народ в Литовском княжестве спасал веру праотцов. Об этом свидетельствует даже Поссевин, в письмах своих к Римскому папе. Да и последующие события, по введении Унии, в особенности в Малороссии, удостоверяют, что сближение с Римом вовсе не было потребностью русского народа.

При неосновательном воззрении на причины Унии, автор столь же неправильно смотрит и на характер ее. Он говорит, что «Униею совершилось возрождение югозападной Руси, укрепление Московии, что на ней почиет наше величие и благосостояние, что она показала нам дорогу на чреду европейских держав» (стр. 68); что главной задачей ее было освобождение западной Руси от польского правления и присоединение оной к другой половине (69). Здесь автор противоречит не только истине, но и самому себе: если Уния, по словам его, была принятием католицизма и потребностью народа, то она должна была сближать западную Русь с Польшею и отдалять ее от Московии, что действительно и случилось в XVII столетии. Воссоединение же западной Руси с восточною было следствием не Унии, а мудрой политики наших государей. Как переход к католицизму, Уния не возрождала, а губила русскую народность в Литовском княжестве. И если оно, быв прежде государством самостоятельным, обратилось в польскую провинцию, то главною истинною виною тому была Уния. Еще неосновательна мысль автора, будто на Унии почиет наше величие и благосостояние: мысль эта так нелѣпа, что она не заслуживает и возражения.

Диссертация Костомарова представляет, сверх того, много опрометчивых суждений в подробностях: нѣтъ сомнѣнія, что православное духовенство в Литовском княжестве, находясь под верховною властью государя иновѣрнаго, тѣснимое и оскорбляемое, иногда уступало тягостнымъ обстоятельствамъ времени и изъ среды его являлись люди слабодушные; но проступки немногихъ лицъ не давали автору права, по однимъ гаданиямъ, обвинять всего сословія (стр. 41), которое, напротивъ того, заслужило признательность

потомства подвигами благочестія и самоотверженія. Столь же несправедливыми упреками осыпаетъ онъ восточныхъ іерарховъ, называя ихъ неоднократно взяточниками (стр. 56—58) и увѣряя, будто «власть патриаршаго престола, потерявъ свое значеніе, ограничивалась исправляніемъ поданій (31)». Кроме того, можно ли назвать Конфедерацию дворянства, православнаго и протестантскаго (стр. 81), святымъ ополченіемъ двухъ чистыхъ вѣтвей христіанской религіи? Г. Костомаровъ такъ любитъ парадоксы и такъ упорно идетъ наперекоръ истинѣ, что даже Хмѣльницкаго не хочетъ признать избавителемъ Малороссіи отъ ига польскаго (стр. 101).

Отзывъ Устрялова былъ препровожденъ въ Харьковъ начальнику округа: Въ предписаніи министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова управляющему Харьковскимъ учебнымъ округомъ отъ 24 апрѣля 1842 года, по поводу дѣла о диссертации Костомарова, говорится:

«Разсмотрѣвъ внимательно это дѣло, я нахожу,—

1) что самый предметъ означенной диссертации, какъ по современности событій, относящихся къ уничтоженію у насъ Унии, такъ по многосложности и запутанности возникающихъ изъ учрежденія и распространенія ее вопросовъ, прикосновенныхъ къ состоянію православной церкви и духовенству нашему, не подлежалъ одобренію, и

2) что многія мѣста диссертации, по неосновательности своей и недостатку яснаго критическаго взгляда на происшествія, изложенныя притомъ не всегда согласно съ историческою истиною, отнюдь не должны были быть пропущены къ напечатанію.

Вслѣдствіе сего, поручаю вамъ, милостивый государь, членамъ перваго отдѣленія философскаго факультета, признавшимъ диссертацию Костомарова удовлетворительною и одобрившимъ оную къ напечатанію, поставить на видъ несообразности такого съ ихъ стороны распоряженія, съ подтвержденіемъ быть впредь въ подобныхъ случаяхъ осмотрительнѣе; самую же диссертацию, по приказанію сочинителю испросить обратно розданные имъ преподавателямъ университета и нѣкоторымъ своимъ знакомымъ экземпляры, истребить, съ предоставленіемъ написать ему на степень магистра новую диссертацию и защищать ее публично на основаніи существующихъ правилъ».

Такое распоряженіе повлекло за собою во-первыхъ то, что диссертация Костомарова объ Унии сдѣлалась библиографическою рѣдкостью, во-вторыхъ то, что даровитый авторъ предпринялъ новую работу, обратившись къ памятникамъ стной народной словесности. Черезъ годъ съ

небольшимъ послѣ уничтоженія первой диссертации, Н. И. Костомаровъ представилъ другую, подъ заглавіемъ: «Объ историческомъ значеніи

русской народной поэзіи», по защищеніи которой онъ удостоенъ степени магистра историческихъ наукъ.

М. Сухомлиновъ.

ЕВРОПА И РОССИЯ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ.

А. С. Хомякова. Записки о всемірной исторіи. Ч. I. М. 1871 г. Ч. II, 1873 г. (Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, т. III и IV).

Россия и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германо-романскому. Н. Я. Данилевскаго. С.П.Б. 1871 г.

на прочла—пора страстнаго порыванія русскихъ людей на выручку къ сербамъ, возставшимъ за славянскую независимость, пора всенароднаго трепетнаго расхватыванія телеграммъ съ вѣстями о ходѣ неравной борьбы, о новыхъ турецкихъ жестокостяхъ, новыхъ многочисленныхъ жертвахъ, принесенныхъ русскими добровольцами, но за то порой и о новыхъ, богатырски неимоверныхъ, черногорскихъ побѣдахъ! Она прошла—та пора, когда рука такъ охотно опускалась въ карманъ при видѣ каждой новой сборной кружки, потому что хотѣлось, по крайней мѣрѣ, не уставать давать деньги, когда другіе не уставали подставлять голову. Она прошла—та пора, когда становилось такъ трудно отдаться своимъ обычнымъ житейскимъ занятіямъ, потому что такъ постоянно и сильно щемило сердце и совѣсть невозможнымъ становился покой, но когда ощущался за то такой могучій подъѣмъ во всемъ вашемъ существѣ отъ живого участія въ великомъ общенародномъ движеніи! Наступила иная пора—пора отдыха отъ всѣхъ этихъ могущественныхъ ощущеній, пора такъ называемаго

Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII в.в. Историко-литературные и культурные очерки В. И. Ламанскаго. Славянскій сборникъ, ч. I, С.П.Б. 1875 г.)

Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ. В. В. Макушева. (Славянскій сборникъ. Ч. III. С.П.Б. 1876 г.)

иными вытрезвленія, прихода въ себя, близко граничащаго съ благополучнымъ возвращеніемъ въ такъ хорошо знакомую область житейской мелкоты и пошлости. Жаръ, которымъ оставались мы одержимы цѣлыхъ четыре мѣсяца, благоразумно постарались въ насъ поунять. Началось съ распусканья вѣстей о томъ, что наши добровольцы тамъ пьянствуютъ, безобразничаютъ, такъ что сербамъ приходится краснѣть за нихъ передъ цивилизованной Европой. Но вѣдь нашимъ же добровольцамъ въ изобиліи доставалось, говоря эпическимъ языкомъ, и то кровавое вино, отъ котораго столько изъ нихъ полегло уже не въ Бѣлградскихъ кафанахъ, а на поляхъ подъ Алексинацемъ и Делиградомъ. Что-жъ? Они полегли, поясняли намъ, оттого, что ихъ выдали головою сербы, вовсе и не просившіе ихъ выручать себя изъ небывалой, къ тому же, бѣды, и преспокойно себѣ разбѣгавшіеся отъ турокъ, поголовно прятавшіеся въ кукурузѣ. А все оттого, что они совѣмъ и не имѣли желанія воевать, а подбила ихъ горсть сербскихъ книжниковъ, въ свою очередь, подбитая еще меньшею

горстью русских газетных говорунгов, да приѣзжимъ русскимъ генераломъ, въ пылу разгравшагося честолюбія посулившимъ сербамъ Константинополь... *)

Занявшись разоблаченьемъ такъ называемой правды ради скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго вытрезвленія, мы не побрезгали никакими и ничьими услугами, тогда какъ, въ данномъ случаѣ, и дѣйствительно правдивыя данныя могли бы до поры до времени пристроиться въ какія нибудь кабинетныя записки въ качествѣ матеріала для будущаго историка. Нѣтъ, мы сейчасъ же и все безъ разбора понесли въ печать, движимые, будто бы, жалостью къ нашимъ, сложившимъ голову за этихъ неблагодарныхъ сербовъ, а также и къ самимъ сербамъ, которымъ охотники до войны помѣшали мирно сидѣть въ своей кукурузѣ и на свободѣ пользоваться ея урожаемъ. Точно будто бы ненарушимость такого сидѣнія и вкушенія была бы совершенно въ порядкѣ вещей въ то время, когда тѣ же сербы, но еще находящіеся подъ турецкимъ игомъ, ввязались за оружіе для его сверженія. Точно будто бы верхи и нравственности и мудрости—наслаждаться покоемъ и благоденствіемъ, когда тутъ же подъ бокомъ истекають кровью и голодаютъ родные братья!

Между тѣмъ, не въ порядкѣ вещей тутъ именно то, что сербы княжества, выдѣленные лѣтъ сорокъ тому назадъ изъ общей массы своихъ соплеменниковъ и доведенные, при платежѣ умѣренной дани туркамъ, до весьма удовлетворительнаго благосостоянія, въ значительной мѣрѣ утратили сознание связи съ остальными сербами, продолжавшими и продолжающими томиться подъ турецкимъ игомъ. Не будь этого, и сербы княжества не нуждались бы въ понукательствахъ своей оmlадины и не роптали бы теперь на нее за свои разрушенныя села, а готовы были бы на опустошеніе хоть всего княжества, только бы купить этимъ въ будущемъ свободу и благоденствіе для всѣхъ

сербовъ. Но вѣдь, кромѣ ихъ всѣхъ, есть еще черногорцы—вполнѣ независимые, благодаря своимъ горамъ и своей горской храбрости, но за то живущіе всегда въпроголодь; есть еще болгары, эти немовѣрно выносливые кормильцы своихъ угнетателей, еще такъ недавно учинившихъ въ рядахъ ихъ такую, даже и въ Турціи неслыханную, рѣзню. Въ порядкѣ ли вещей то, что сербъ, такъ привязанный къ своей кучѣ, не умѣлъ перенестись мыслію къ убогую кучу черногорца и никогда неогражденную отъ насилія кучу болгарина, а потому и не видѣлъ разумнаго смысла въ настоящей войнѣ?

Въ порядкѣ ли вещей то, что и самая оmlадина, возбуждая эту войну, руководилась, какъ увѣряють, мечтою о государствѣ Великосербскомъ, а не просто и прежде всего заботой объ общей свободѣ, безъ всякихъ поползновеній къ какому либо первенству, къ поднятію старыхъ междоусобныхъ счетовъ съ черногорцами и съ болгарамъ?

Но ежели все это такъ, если въ дѣйствительности славянская борьба оказалась гораздо ниже идеальныхъ отъ нея ожиданій, то должно ли, вслѣдствіе этого, простыть наше участіе къ ней, т. е., къ тѣмъ, все еще продолжающимся страданіямъ, ради которыхъ она началась? Или, наоборотъ, при видѣ не только страданій, но и нравственной немощи тѣхъ, которые, раньше своихъ собратій освободившись отъ гнета, далеко не освободились еще отъ слѣдовъ, оставленныхъ имъ не на тѣлѣ, а въ самой глубинѣ души,—мы тѣмъ лишь ревностию должны бы задаться заботой объ окончательномъ сверженіи гнета со всѣхъ—не только славянъ, но и вообще христіанъ, со всей раи? Да, восточный вопросъ не можетъ быть сданъ въ архивъ, хотя бы даже сербы, все же державшіеся три мѣсяца, оплошали, наконецъ, до того, что, не смотря на присутствіе русскихъ, пропустили бы турокъ даже въ Бѣлградъ. Рассказываютъ, что наши Донцы, по приѣздѣ въ столицу

*) Обращаю вниманіе читателей на статью А. Д. Градовскаго: «Черняевскій вопросъ», въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Не менѣе поучительна въ «Гражданинѣ» статья англійскаго волонтера въ Сербіи Макъ Ивера: «Впечатлѣнія сербской войны» (издано и отдѣльно въ пользу

славянъ). Макъ Иверу, конечно, знакомы были и русское пьянство и сербская трусость, и что же? онъ сочувствуетъ сербамъ, чуть не благоговѣетъ передъ русскими и самымъ безпристрастнымъ образомъ негодуетъ на однихъ англичанъ.

княжества, были привѣтствуемы официальными торжественными рѣчами. Они, будто бы, отвѣчали весьма нелюбезно—подъ впечатлѣніемъ многого, не понравившагося имъ въ Сербіи. Но, выбравшись въ власть, они тотчасъ же полетѣли на поле битвы и многіе полегли на немъ. Мы же здѣсь, въ Петербургѣ, только бранимся, а не подвизаемся.

Въ пору, подобную наступившей теперь, невольно ищешь опоры, чтобы не растеряться, не опуститься. И вотъ переносишься мыслію къ тѣмъ, кто выдержалъ не менѣе, конечно, тяжелый, хотя и иначе тяжелый, искусъ нашей войны пятидесятихъ годовъ съ соединенной за турокъ Европой, выдержалъ, привѣтствовавъ начало войны призывомъ: «вставайте, оковы распались!», а при печальномъ ея исходѣ окончательно убѣдившись въ томъ, что

... быть орудіемъ Бога

Земнымъ созданіемъ тяжело,

а особенно тяжело тогда, когда на повѣрку выходитъ, что на призванныхъ къ рѣшенію великихъ задачъ историческихъ

... такъ много

Грѣховъ тяжелыхъ налегло.

Невольно переносишься мыслію къ тѣмъ, кто служилъ намъ первымъ путеводнымъ свѣточемъ къ самосознанію славянскому, чьи слова мы такъ часто теперь повторяемъ, по большей части даже не зная, а иногда не желая знать, что это—и хъ слова, что почва для насъ подготовлена ими. И вотъ впередъ выдвигается многосторонняя, величаявая личность А. С. Хомякова, этого отставного штабъ-ротмистра, бывшаго и поэтомъ, и публицистомъ, и историкомъ, и, по словамъ покойнаго Ю. О. Самарина, «учителемъ церкви», но скромно схороненнаго въ Москвѣ небольшимъ кружкомъ своихъ послѣдователей и до сихъ поръ недождавшагося выхода въ свѣтъ остальныхъ томовъ полнаго собранія своихъ многочисленныхъ сочиненій, такъ какъ и изданные четыре тома далеко еще не распроданы и очень мало оцѣнены критикой. Изъ нихъ почти вовсе незамѣченными прошли третій и четвертый томы, заключающіе въ себѣ неоконченныя записки о всемірной исторіи, недоведенныя, къ сожалѣнію,

т. I. 77.

и до крестовыхъ походовъ. Но такова же болѣе или менѣе участь и новѣйшихъ послѣдователей Хомякова, напримѣръ, Н. Я. Данилевскаго, котораго капитальная книга «Россія и Европа» теперь только вышла, такъ сказать, изъ-подъ спуда, т. е., стала сколько нибудь читаться. Любопытно будетъ въ настоящее время сопоставить послѣдователя съ учителемъ, — любопытно и, вѣстѣ съ тѣмъ, наставительно.

«Записки» Хомякова—записки, дѣйствительно, о всемірной исторіи. Всѣмъ народностямъ отведено тутъ мѣсто, и при обзорѣ каждой эпохи, взглядъ историка обтекаетъ, можно сказать, весь міръ. Тутъ, стало быть, нѣтъ ничего похожего на замашку слышать бѣніе пульса исторической жизни собственно въ европейскомъ мірѣ. Въ этомъ отношеніи, Н. Я. Данилевскій, горячо возстающій противъ отождествленія общечеловѣческаго съ европейскимъ, оказывается прямымъ послѣдователемъ Хомякова. У послѣдняго не трудно отыскать и тотъ склонъ мысли, которымъ г. Данилевскій былъ доведенъ до столь рѣзко выяснивавшегося у него взгляда, что Россія сама по себѣ составляетъ какъ бы особую часть свѣта. Но Хомяковъ былъ готовъ придавать—не одной Россіи, а всему славянству—способность получить значеніе всеенское, въ самомъ непринудительномъ, ненасильственномъ смыслѣ. Нравственную природу славянъ понималъ онъ такъ широко, потому что она представлялась ему неспособною къ узкой народной исключительности. «Народы земледѣльческіе (къ какимъ, по Хомякову, искони относились славяне) ближе, по его замѣчанію, къ общечеловѣческимъ началамъ. Нанихъ не дѣйствовало гордое волшебство побѣды; они... не привыкли считать себя выше своихъ братьевъ, другихъ людей. Отъ этого они воспримчивѣе ко всему чуждому. Имъ недоступно чувство аристократическаго презрѣнія къ другимъ племенамъ, но все человѣческое находятъ въ нихъ созвучіе и сочувствіе.... Мы будемъ, какъ всегда и были, демократами между прочихъ націй Европы: мы будемъ представителями чисто-человѣческаго начала, благословляющаго всякое

8

племя на жизнь вольную и развитие самобытное. Законы могут создать у нас на время родовое дворянство, может быть, и родовое боярство, могут учредить у нас маиоратство и право семейного первородства; ложное направление народности въ литературѣ можетъ раздувать въ насъ слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства нашего передъ нашею братьею, сыновьями той же великой семьи¹⁾.

Все это возможно. Но не возможно въ насъ вселить то чувство, тотъ ладъ и строй души, изъ котораго развиваются маиоратство и аристократія, и родовое чванство, и презрѣніе къ людямъ и народамъ. Это невозможно, этого не будетъ. Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви и правды и добра не призракъ, а сила живая и неумирающая, зародышъ будущей жизни міровой—не германецъ, аристократъ и завоеватель, а славянинъ, труженикъ и разночинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію²⁾.

Опоркою для подобнаго взгляда, между прочимъ, служила Хомякову и народная поэзія. «Идеалъ славянина, говоритъ онъ, былъ не вѣтязъ бездомный и неугомонный, слуга собственной силы и собственной воли, а сила покорная и кроткая, сила служебная, проявленная въ разумной защитѣ беззащитной слабости противъ беззаконнаго своеволія. Отъ старой нашей поэзіи дошли до насъ только слабые отголоски: но даже въ этихъ бѣдныхъ отрывкахъ величественное лицо Ильи Муромца представляетъ типъ болѣе человѣческій и болѣе совершенный, чѣмъ всѣ герои другихъ народныхъ поэзій отъ Ахилла до нашихъ временъ»³⁾. Взглядъ Хомякова, какъ извѣстно, подкрѣпился позднѣйшими открытіями, а сравнительный методъ, во всей подробности примѣненный къ нашему эпосу въ моей книгѣ о немъ, до такой очевидности подтвердилъ славянофильскую оцѣнку нашего ге-

роя, что въ настоящее время она признается вѣрною даже западными писателями⁴⁾. Я же вполне довольствуюсь такимъ проѣрочнымъ значеніемъ моего труда и нахожу вообще, что намъ, во многихъ отношеніяхъ, приходится просто соглашаться съ Хомяковымъ, а что попытки поправить его и К. Аксакова въ основныхъ положеніяхъ должны будутъ оказываться неудачными.

Такъ оно вышло, кажется мнѣ, съ Н. Я. Данилевскимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его замѣчательнаго труда о Россіи и Европѣ. «Ученіе славянофиловъ, говоритъ онъ, было не чуждо оттѣнка гуманитарности.... Если оно напирало на необходимость самобытнаго національнаго развитія, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянскихъ началъ, а также видя успѣвшую уже высказаться, въ теченіи долговременнаго развитія, односторонность и непримиримое противорѣчіе началъ европейскихъ, считало, будто бы славянамъ суждено разрѣшить общечеловѣческую задачу, чего не могли сдѣлать ихъ предшественники. Такой задачи, однако же, вовсе и не существуетъ...⁵⁾. Между тѣмъ, у славянофиловъ она оказывалась совершенно положительною и опредѣленною, заключааясь въ приведеніи не только общественныхъ, но и международныхъ отношеній къ началамъ христіанской нравственности. Г. Данилевскому захотѣлось подорвать эту, какъ ему показалось, ненужную гуманитарность славянофиловъ,—и вотъ онъ усмотрѣлъ тутъ какое-то смѣшеніе понятій. «Требованіе нравственнаго образа дѣйствій, говоритъ онъ, есть ничто иное, какъ требованіе самопожертвованія... Но единственное основаніе для самопожертвованія есть безсмертіе, вѣчность внутренней сущности человѣка, ибо для того, чтобы строгій законъ нравственности, или самопожертвованія не былъ нелѣпостью, заключающею въ себѣ внутреннее противорѣчіе, очевидно необходимо, чтобы онъ вытекалъ изъ внутренней природы того, кто долженъ на его основаніи дѣйствовать... Ногосударство и народъ суть явленія преходящія,

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ мнѣ.

²⁾ Зап., I, стр. 106—107.

³⁾ Тамъ же, стр. 493.

⁴⁾ Карриеромъ въ Германіи и Рамбо во Франціи.

⁵⁾ Россія и Европа, стр. 120.

существующія только во времени, и, следовательно, только на требованіи этого ихъ временнаго существованія могутъ основываться законы ихъ дѣятельности, т. е., политики.... Око за око, зубъ за зубъ, строгое право, Бентамовскій принципъ утилитарности, то есть, здраво понятой пользы, — вотъ законъ внѣшней политики, законъ отношеній государства къ государству. Тутъ нѣтъ мѣста закону любви и самопожертвованія»⁶⁾. Такая поправка въ ученіи славянофиловъ является, несомнѣнно, его кореннымъ искаженіемъ. Хомяковъ, какъ извѣстно, усматривалъ воплощеніе начала грубо понимаемой пользы, утилитаризма, въ древнемъ міродержавномъ Римѣ. «Начало всѣхъ его дѣйствій, говоритъ Хомяковъ, былъ расчетъ выгодъ государственныхъ. Это былъ мужъ зрѣлый, безродный эгоистъ, въ толпѣ племенъ-младенцевъ. Такова тайна его торжествъ». Но величіе этихъ торжествъ не заставляло Хомякова имъ поклоняться. «Глупыя головы, говоритъ онъ, искали Рима въ Россіи. Сущая нелѣпость. После христіанства нѣтъ уже возможнаго Рима; но онъ безспорно отзывается въ жизни Англіи болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы»⁷⁾. Да, и преклоняющіеся передъ нимъ, считающіе его идею вѣчною, должны преклоняться и передъ воплощеніемъ ея въ современной Англіи, т. е., преклоняться и предъ политикою англичанъ въ восточномъ вопросѣ.

Мнѣніе Н. Я. Данилевскаго, что политика имѣетъ право быть независимою отъ нравственнаго закона, высказано имъ по вопросу о нашихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Тотъ же вопросъ вызвалъ, какъ извѣстно, у Карамзина, и вызвалъ точно также безъ всякой надобности, подобную же анти-христіанскую доктрину. «Вы думаете, писалъ онъ императору Александру I, возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя, какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ.... Она выше земли и міра.... Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Хри-

ста Спасителя; такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ и какъ иначе быть не можетъ»⁸⁾. Полагаю, что было бы совершенно излишнимъ опять пояснять, что возстановить Польшу въ ея цѣлости значило бы возстановить ее со всѣми ея захватами, т. е., обратно ей возвратить и то, что мы только вернули себѣ назадъ, что искони было наше, отдать ей опять нашъ народъ подъ вещественный и духовный гнетъ. Карамзину, стало быть, не представлялось ни малѣйшей надобности въ выпроваживаніи христіанства изъ политическихъ отношеній. Ученіе, проведенное тутъ Карамзинымъ, нимало не вытекало изъ стоянія за народныя интересы, которое вовсе не нуждается непремѣнно въ устраненіи человѣческихъ интересовъ, въ эгоистическомъ оскорбленіи правды и справедливости. Ученіе, высказанное Карамзинымъ, вовсе не вытекало логически изъ его и нашего положенія, а досталось ему уже совершенно готовымъ, и онъ лишь схватился за него второпяхъ, безъ достаточной осмотрительности. Это ученіе — только возведенный въ систему старый культурный предразсудокъ (а такихъ предразсудковъ существуетъ не мало), возникшій и созрѣвшій, къ тому же, не на нашей исторической почвѣ и состоящій въ томъ, что христіанство — какое-то личное дѣло, или, вѣрнѣе сказать, сдѣлака каждаго съ Богомъ, остающаяся въ сторонѣ отъ земныхъ нашихъ отношеній и интересовъ. Карамзину тутъ пришлось, какъ и многимъ приходится, желая и думая быть совершенно народнымъ въ своихъ стремленіяхъ, очутиться подъ угломъ зрѣнія вполнѣ не народнымъ. Но къ этому углу зрѣнія привела его анти-христіанская философія вскормившаго его своимъ хлѣбомъ духовнымъ XVIII ст. Корифеи этой философіи нерѣдко оказывались на дѣлѣ вполнѣ христіанами. Если гуманизмъ XVIII столѣтія пребывалъ еще внѣ христіанства въ томъ смыслѣ, что въ его «царство Божіе» пускались только культурные люди, а масса

⁶⁾ Россія и Европа, стр. 32.

⁷⁾ Зап. Хомякова, I, 79.

⁸⁾ Незданные сочиненія Н. М. Карамзина, Спб. 1862 г., стр. 3.

оставалась обреченною своего рода «тьмѣ крѣпкой»;—то христианство уже совершенно ясно сказалося въ гуманномъ ратованіи XVIII ст. противъ религіозной нетерпимости, въ горячемъ отстаиваніи его корифеями жертвъ фанатизма. Въ этомъ смыслѣ именно XVIII ст. и распахнуло, наконецъ, ворота тому началу христианской любви, которое столько вѣковъ оставалось, такъ сказать, не у дѣлѣ, благодаря святой инквизиціи и процессамъ колдуновъ и вѣдьмъ, унаследованнымъ, какъ извѣстно, отъ католичества и самимъ протестантствомъ. Дѣло въ томъ, что новому вину христианства пришлось уместиться въ такой старый мѣхъ, какъ преданія Рима языческаго, и что мѣхъ этотъ оказался все таки очень крѣпкимъ, не прорывавшимся въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, но постоянно портившимъ влитое въ него вино. Выработанное древнимъ Римомъ начало государственной вѣры сообщилось и Риму новому, наслѣдовавшему отъ языческой старины и преданія мірового господства. Отсюда-то формальная обязательность единой вѣры, отсюда и стремленіе къ распространенію этой вѣры во всѣ концы міра на остріѣ завоевательнаго, всеокрушающаго меча. Это прекрасно выставлено въ блистательномъ вступленіи В.И. Ламанскаго въ его трудъ о «Видныхъ славянскихъ дѣятеляхъ». «Съ быстрымъ распространеніемъ христианства, говорится тутъ, въ различныхъ краяхъ Римской имперіи, въ III—IV в., особенно съ обращеніемъ императоровъ и ихъ окружающихъ, естественно должно было произойти, съ нѣкоторыми благотворными переиначеніями въ общественной жизни, и довольно значительное пониженіе въ общемъ пониманіи христианства, его основныхъ задачъ и требованій.... Всѣ эти сотни тысячъ, милліоны людей различныхъ племенъ и народностей..., которые съ половины IV в. называютъ себя христианами, вообще говоря, гораздо менѣе измѣняютъ свои понятія и привычки, сообразно христианскому ученію, чѣмъ вносятъ въ его пониманіе и осуществленіе свои прежнія идеи, вѣрованія и привычки... Всѣ они такъ свыклись съ вѣрою народною или государственною, что и на новую вѣру христианскую они перенесли большую часть своихъ

прежнихъ понятій о законности всякихъ мѣръ принужденія и насилія по отношенію къ упорствующимъ иновѣрцамъ, какъ мятежникамъ противъ религіи государственной» (стр. 79—80). Нашъ авторъ налегаетъ при этомъ на то, что несправедливо было бы сваливать всю вину на однихъ императоровъ, «которые, и ставши христианами, не могли забыть о власти, нѣкогда принадлежавшей имъ, какъ преемникамъ Роптифехъ'a Maximus'a, и отказаться отъ прежнихъ своихъ правъ на внимательство въ дѣла совѣсти своихъ подданныхъ». Императорамъ, по замѣчанію автора, даже приходилось иногда «умѣрять излишнюю ревность официальныхъ блюстителей вѣры», вполне усвоившихъ себя, какъ видно изъ этого, римскія понятія о государственной вѣрѣ (стр. 81). Въ качествѣ представителя прежней, теперь отринутой государствомъ вѣры, языческій риторъ Либаній является защитникомъ свободы и терпимости, но при этомъ указываетъ представителямъ официального христианства на противорѣчіе ихъ образа дѣйствій съ сущностью ихъ собственной вѣры, «восхваляющей убѣжденіе и порицающей принужденіе». Такимъ образомъ, случайно, какъ у заинтересованнаго въ терпимости, у язычника обнаружилось при этомъ болѣе христианское направленіе, «чѣмъ въ нѣкоторыхъ возрѣвнѣхъ блаженнаго Августина, допускавшаго пользу принужденія и тѣлесныхъ наказаній противъ еретиковъ, или блаженнаго Иеронима, утверждавшаго, что для ради благочестія позволительна всякая жестокость, или папы Льва Великаго, одобрявшаго смертную казнь за ересь» (стр. 83). Отъ вытекавшаго прямо изъ преданій до-христианскаго Рима «неяснаго различенія области свободнаго духа отъ области права и сферы принудительной», блаженный Августинъ «незамѣтно пришелъ къ своему знаменитому *coge, compelle intrare in ecclesiam**»). Излишняя страстность и практичность направленія Иеронима (практичность, напомнимъ я, опять въ древне-римскомъ духѣ) привела его къ менѣе извѣстному и столь же гибельному изреченію: *non est crudelitas pro Deo pie-*

*) Побуждай, принуждай вступить въ церковь.

tas*)). А между тѣмъ, «Августинъ и Іеронимъ на цѣлыя вѣка пріобрѣли для христіанской мысли на Западѣ значеніе непререкаемыхъ авторитетовъ. Грубость и вещественность духовныхъ понятій, наложенныхъ на западную церковь германскими завоевателями, произведенный главнѣйше ими упадокъ образованія... содѣйствовали распространенію и утвержденію въ западномъ христіанствѣ начала принужденія и насилія, высшее освященіе которому съ радостью находили въ такихъ великихъ свѣтилахъ, какъ Іеронимъ и особенно Августинъ» (стр. 86—87).

Затронутый въ этихъ послѣднихъ словахъ В. И. Ламанскаго, завоевательный германизмъ является, въ свою очередь, также нечистымъ сосудомъ для воспріятія христіанской идеи, хотя онъ и былъ уже не старымъ сосудомъ, подобно римскому государственному, а новымъ, вызвавшимъ такое сочувствіе въ отчаявшемся за свой Римъ Тацитѣ. Характеръ этой древне-германской стихіи, привлекавшей римскаго историка свѣжестью своихъ непочатыхъ силъ, всего лучше выражается нѣмецкимъ же словомъ *Gewaltsamkeit*, которое у Н. Я. Данилевскаго переведено — насильственность, а истолковывается, «какъ чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности». Руководимый имъ человекъ «ставитъ свой образъ мыслей, свой интересъ такъ высоко, что всякій иной образъ мыслей, всякій иной интересъ необходимо долженъ ему уступить, волею или неволею, какъ неравноправный ему»^{*)}. Несравненно рѣзче характеризуетъ это качество нѣмецъ Менцель**). Цинизмъ его откровенности рѣшительно сродни новѣйшимъ рѣчамъ Дизраэли-Биконсфильда.

«Отважное стремленіе къ свободѣ, говоритъ Менцель, едва ли въ какомъ либо другомъ народѣ съ такою силою пробудившееся сознание ея, равнымъ образомъ, бранный напоръ и боевая нужда, гордое увлеченіе побѣдой, особенное удовольствіе поступать неправо, (*Lust Unrect zu thun*) стали у древ-

нихъ германцевъ въ рѣзкое противорѣчіе съ нравственнымъ чувствомъ.

«О какой-либо самоотверженной преданности отдѣльнаго недѣлимаго общему и цѣлому или объ одушевленной борьбѣ за добро противъ зла не могло быть и рѣчи у нашихъ предковъ. Они бы сочли это неприложимымъ къ жизни. Господствовавшій у нихъ духъ личности былъ для этого слишкомъ строптивъ и властителей. — Въ томъ, чтобы постоянно имѣть объ руки не связанными, заключалось для нихъ главное, и это стремленіе къ свободѣ ради свободы было въ нихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ какая-либо нравственная щекотливость... Въ богѣ Одинѣ чтили германцы не что иное, какъ то, что называютъ въ настоящее время житейскимъ смысломъ (*praxis*)... Но чтобы уразумѣть всю исключительность такого понятія, надо отложить попеченіе о какихъ-либо нравственныхъ требованіяхъ... Древніе германцы и норманны имѣли въ виду не что-либо иное, какъ изобилующую успѣхомъ, безусловно дѣйствительную и состоятельную жизненную опытность. Они были довольно честны, чтобы сознаваться и утверждать, что такъ называемый нравственный міръ управляется вовсе не нравственностью, а просто духомъ житейскаго опыта, а, какъ язычники, они были еще неспособны примирять, въ смыслѣ ученія христіанскаго, глубокое противорѣчіе между тѣмъ, что дѣйствительно совершается, и тѣмъ, что должно бы быть. Они сразу взяли да и присудили нравственность и добродѣтель къ пребыванію въ меньшинствѣ.

«Древніе германцы были завоеватели, одержимые духомъ войны и какъ-бы до упоенія увлекшіеся стремленіемъ къ побѣдѣ, а потому и немилосердые — ужасъ для всѣхъ окрестныхъ народовъ.

«Въ мужской половинѣ германскаго міра и теперь еще сохранилось немало этой языческой, чисто Одиновской жесткости, соединяемой со скрытою злоумышленностью (*Verschlagenheit*). Въ англо-норманнскомъ нравѣ черта эта оказывается наименѣе ослабленною и сгладившеюся; впрочемъ, не только въ практической

*) Ревность по Богѣ не есть жестокость.

*) Россія и Европа, стр. 187—188.

**) Тотъ самый, къ которому относилась знаменитая статья Вѣлинскаго: «Менцель — критикъ Гете».

Англии и северной Америки, но и между нами подобного рода нравъ встрѣчается еще очень нерѣдко». (Menzel's Odin, VIII—XI. Stuttgart, 1855).

Приводя слова Менцеля въ моей диссертациі о русскомъ эпосѣ—въ концѣ главы, посвященной сравнительнымъ даннымъ изъ эпоса германскаго, я предложилъ слѣдующій вопросъ: «не этими ли сторонами германства, не этою ли его допотопною Lust Unrecht zu thun, объясняются и грубо себялюбивыя отношенія—по преимуществу Англии—къ восточнымъ славянамъ, и тѣ воззрѣнія вообще на славянство германскаго міра, которыя выражены въ извѣстныхъ стихахъ Тютчева:

Для нихъ—законъ и равноправность,
Для насъ—насилъе и обманъ...
И закрѣпила стародавность,
Ихъ, какъ наслѣдіе славянъ.

Не та же ли самая Lust Unrecht zu thun держалась такъ долго въ закоснѣломъ плантаторствѣ американцевъ, на помощь которому призваны были и религія, и наука, и ядъ, и кинжалъ?»⁹⁾ Но какъ же мнѣ досталось за все это на моемъ диспутѣ, и досталось съ такой стороны, что невольно думалось: «своя своихъ не познаша».

Если Менцель указываетъ намъ и въ теперешнемъ мірѣ германскомъ отпечатокъ «языческой, чисто-Одиновской жестокости», то неужели не выходитъ изъ этого, что христіанское сѣмя нашло въ германизмѣ весьма каменистую почву?

Христіанство, говорятъ намъ, представляетъ высшее развитіе личности, и въ этомъ смыслѣ германизмъ служилъ для него подготовительною ступенію. Но вѣдь христіанство признаетъ личность въ каждомъ, оно равномѣрно развиваетъ ее во всѣхъ, проповѣдуя самоограниченіе, доводящее до самоотверженія. Неужели же благодарную почву для такого ученія представляетъ быть, породившій кровавые идеалы насильничества и мести? Вотъ, наприимѣръ, эпические образы короля Эрманариха и его вѣрнаго, какъ онъ полагаетъ, Зибиха. Король въ состояніи считать его вѣрнымъ, добрымъ своимъ любимцемъ, восполь-

зовавшись его женою. Но Зибихъ только затаилъ въ себѣ чувство мести, чтобы привести ее въ исполненіе самымъ сатанински-разсчитаннымъ образомъ. Онъ вымещаетъ вину короля на его сыновьяхъ, которыхъ изводитъ одного за другимъ посредствомъ различныхъ опасныхъ порученій, возлагаемыхъ на нихъ самимъ отцомъ—по совѣту Зибиха. Этого мало: послѣдняго, еще уцѣлѣвшаго сына Эрманариха онъ губитъ рукою самого отца, взводя на молодого человѣка напраслину, что онъ оскорбилъ дочь Зибиха. Расчетъ оказывается вѣрнымъ. Самъ оскорбитель жены своего любимца, Эрманарихъ не позволитъ своему сыну безнаказанно отнестись точно также къ Зибиховой дочери. Онъ никогда не позволитъ другому оскорбить своего добраго Зибиха, т. е., въ лицѣ его оскорбить себя, короля Эрманариха,—и вотъ онъ собственноручно убиваетъ своего дерзкаго сына. Но Зибихъ находитъ случай столь же предательски извести и ни въ чемъ опять неповинныхъ юныхъ племянниковъ короля, вѣстѣсь которыми, какъ и съ прежними жертвами Зибиха, погибаетъ не мало имъ подвластныхъ людей. Но въ живыхъ остается еще знаменитый въ германскомъ эпосѣ родственникъ Эрманариха—Дитрихъ. «Посмотри, наговариваетъ на него Эрманариху хитрый Зибихъ,—съ тѣхъ поръ, какъ онъ королемъ, онъ успѣлъ уже увеличить свое королевство». Этимъ указывается на него, какъ на опаснѣйшаго сосѣда; его усиливающеся могущество выставляется, какъ достаточная причина вражды къ нему, какъ какое-то оскорбленіе съ его стороны! Приводя все это въ моемъ сравнительномъ изслѣдованіи о русскомъ эпосѣ, я тогда же замѣтилъ: «Мы такъ склонны еще сомнѣваться въ томъ, чтобы какое нибудь сказанье, повѣрье или обрядъ могли дѣйствительно переживать вѣка и иногда доходить до нашего времени почти въ томъ же видѣ, въ какомъ сложились они въ старину отдаленнѣйшую. А эта политическая предусмотрительность Зибиха, развѣ не уцѣлѣла она живьемъ, какъ правило между-государственной мудрости, которыхъ все

⁹⁾ Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса, стр. 157—158.

еще руководствуются образованнѣйшія государства? Развѣ и до сихъ поръ вся политика нашей Европы не основывается на томъ, чтобы не дать возникнуть по сосѣдству съ собой какому нибудь новому народному и государственному могуществу? Развѣ народы не разыгрываютъ и теперь роль податливыхъ Эрманариховъ, а считающая себя свободною печать не подслушивается имъ вѣчно бьющимъ въ набатъ наущничаньемъ рѣшительно въ родѣ Зибиха—что вотъ тутъ угрожаетъ окончательное объединеніе Италіи, тамъ черезъ чуръ уже быстро усилилась Пруссія, а тамъ вотъ, того и гляди, захотятъ, наконецъ, сплотиться разрозненные славяне и надъ гнѣющимъ турецкимъ трупомъ зацвѣтетъ молодая, свободная жизнь!»¹⁰⁾

Но возвратимся къ эпосу. Дитрихъ, у котораго Эрманарихъ, по совѣту Зибиха, потребовалъ дани, умѣетъ постоять за себя, — и вноситъ опустошеніе въ собственныя области Эрманариха, при чемъ воины Дитриха приговариваютъ: «мы должны выместить на Эрманарихѣ нашу обиду, чтобы долго потомъ обливались слезами женщины».

Тотъ же Дитрихъ, какъ извѣстно, влеченъ и въ другой эпическій кругъ—о Нибелунгахъ. Онъ становится однимъ изъ участниковъ страшной Кримгильдиной мести. Въ чисто языческой Старой Эддѣ этотъ ужасающій женскій типъ, подъ именемъ Гудруны, выступаетъ съ местию за братьевъ второму мужу, котораго она угощаетъ кушаньемъ изъ мяса своихъ собственныхъ дѣтей отъ него, а затѣмъ сжигаетъ его со всѣмъ множествомъ его служилыхъ людей. Въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, при обстановкѣ уже христіанской, тоже лице, только подъ другимъ именемъ, отомщаетъ роднымъ своимъ братьямъ за перваго, вѣжно любимаго мужа (старыя узы крови смѣнились уже узамъ свободной любви); но эта женская месть, не представляя лишь угощенія дѣтскимъ мясомъ, не останавливается, однако, и тутъ передъ гибелью собственнаго ребенка для разжиганія мести въ его отцѣ, второмъ мужѣ, и завершается бойней несравненно даже боль-

шихъ размѣровъ, чѣмъ въ Эддѣ, при чемъ кровь неповинныхъ людей проливается настоящей рѣкой, такъ что участвующіе въ этой бойнѣ пьютъ ее для утоленія своей жажды! Таковъ уже измѣненный, уже причастный христіанской вѣщности, видъ сказанія, выразившаго во всемъ идеальномъ блескѣ понимаемое по древне-германски начало личности.

Нѣтъ, на той почвѣ, которая производила подобные идеалы, трудно было привиться христіански-понимаемому началу личности—признаванію правъ ея въ каждомъ, даже въ самомъ врагѣ. Если что и могло приходиться по праву жесткой древне-германской натуры, то это ветхозавѣтный законъ возмездія: «око за око и зубъ за зубъ». И не замѣчательно ли, что Ветхій Заветъ, къ которому такую особенную наклонность питали даже гораздо позже суровые англійскіе пуритане, приходился подуть и знаменитому англичанину еще болѣе поздней поры, лорду Байрону? Подъ впечатлѣніемъ его сочиненій, явилась у Тэна слѣдующая характеристика поэзіи Альбіона: «Происхожденія и характера чисто сѣвернаго, съ корнями въ Эддѣ и цвѣтомъ въ Шекспирѣ, рожденная во время оно подъ немилостивымъ небомъ, на берегу бурнаго моря, созданіе племени слишкомъ развившаго волю (*oeuvre d'une race trop volontaire*), слишкомъ мужественнаго (*forte*) и мрачнаго, разрѣшившись образами отчаянія и героизма, она кончила тѣмъ, что распростерла (у Байрона) черный покровъ надъ всею живою природою, вызвавъ ужасный сонъ объ истребленіи вселенной»¹¹⁾. Къ такому исходу пришла поэзія у гениальнаго поэта въ сущности вовсе не мировой, а личной скорби, потому что онъ довелъ до послѣднихъ предѣловъ то національное англійское начало, которое, въ свою очередь, было только крайнимъ развитіемъ начала общегерманскаго. «Я, непобѣдимое я, довѣющее самому себѣ» — вотъ какъ опредѣляетъ это начало Тэнъ, на основаніи его воплощенія въ Байронѣ. Но, въ сущности, это я вовсе себѣ не довѣетъ, оно привело великаго Байрона къ ощущенію страшной пусто-

¹⁰⁾ Сравнительно-критическія наблюденія, стр. 104. Писано въ 1870 г.

¹¹⁾ Taine, Histoire de la littérature Anglaise, II, p. 375 (2-me éd).

ты отъ постоянного пребыванія съ глаза на глаза съ самимъ собою, а наконецъ и къ чувству ненависти къ самому себѣ. И что же? этотъ самый «поэтъ личности», по сокращенному опредѣленію Тэна, еще осьмилѣтнимъ мальчикомъ, какъ видно изъ его дневника, приводимаго у Мура, страстно перечитывалъ Ветхій Заветъ и сохранялъ къ нему и потомъ то же пристрастіе, тогда какъ читать Евангеліе всегда составляло для него тяжелый трудъ. Когда мнѣ пришлось указать на эту черту, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ моихъ публичныхъ лекцій о Байронѣ, у меня невольно вырвалось: «и осьмнадцать вѣковъ христіанства какъ будто бы даромъ прошли для Байрона!»

Но что же сказать теперь, при видѣ всего того, что продолжаетъ творить его родина, въ которой цивилизація, по замѣчанію того же Тэна, «развила единственно энергію воли и практическія наклонности?» За это, т. е. за послѣднее, самъ Байронъ обозвалъ своихъ соотечественниковъ «гордыми торгашами»¹²⁾; въ послѣдствіи же, какъ извѣстно, дошелъ до того, что отъ поэтическаго омерзения къ этому торгашеству, омерзения, которое слилось въ немъ съ пробудившеюся, наконецъ, отъ неудовлетворенности своимъ я, потребностью самопожертвованія, пошелъ сражаться за грековъ, возставшихъ противъ священной для англичанъ Турціи. И что же? Президентомъ комитета для сооруженія памятника Байрону состоитъ тотъ самый Дизраэли-Биконсфилдъ, котораго открытое, нисколько даже не прикрывающееся, туркофильство въ политикѣ далеко не искуплено все еще не довольно прочною оппозиціею ему прежнихъ митинговъ негодованія и теперешней національной конференціи¹³⁾. Какъ же не спросить послѣ всего этого: «такъ и цѣлые почти девятнадцать вѣковъ христіанства даромъ прошли для Англіи, даромъ прошли, наконецъ, и для потакающей ей Европы?»

А крестовые походы? Можетъ ли Россія и весь славянскій міръ выставить что либо равносильное этому могучему подъему христіанскаго одушевленія, охватившаго на столь долгое вре-

мя всю западную Европу? Да, крестовые походы были несомнѣнно величавымъ явленіемъ въ жизни всего феодальнаго міра, явленіемъ, объясняемымъ тѣмъ, что основныя начала феодализма перенесены были и въ религіозную сферу. Феодализмъ является сложнымъ механизмомъ, посредствомъ котораго достигалось развитіе личностей въ широкихъ размѣрахъ, своеобразная градація ихъ, по мѣрѣ и степени крупности, такимъ образомъ, что каждый за доставшуюся ему долю подчиненности вознаграждался такою поземельною мздою, которая давала ему возможность, посредствомъ раздачи ея по частямъ, подчинять себѣ рядъ другихъ лицъ, въ свою очередь, тѣмъ же путемъ, имѣвшихъ возможность вознаградить себя за подчиненность однимъ господствомъ надъ другими. Только внизу, у подножія этой лѣстницы, по ступенямъ которой размѣщались малые, средніе и большіе владыки, находился вполнѣ безправный народъ, въ которомъ почти вовсе не признавалась личность, такъ какъ признаніе ея въ немъ неминуемо должно бы было убавить степень развитія личности въ тѣхъ, что размѣстились по ступенямъ лѣстницы. За этотъ безправный народъ по временамъ лишь поднимало болѣе или менѣе сильный голосъ христіанское духовенство, указывавшее на того, кому подчинены были и большіе владыки, не находившіе наибольшаго на землѣ, кромѣ духовнаго главы, папы, почитавшагося на мѣстѣ никомъ небеснаго сюзерена, самого Господа, щедрого раздавателя леновъ въ небесномъ царствіи.

Да, по понятію феодальнаго міра, царь небесный являлся именно такимъ верховнымъ сюзереномъ, во имя котораго духовенству иногда удавалось, выставляя его, съ точки зрѣнія уже дѣйствительно христіанской, покровителемъ слабыхъ и угнетенныхъ, выговаривать что нибудь въ ихъ пользу у сильныхъ, — при помощи расчета этихъ послѣднихъ на то, что это имъ вознаграждается сторицею. Какъ далека такая вынужденная благотворительность отъ настроенія истин-

¹²⁾ Дизраэли, какъ президенту этого комитета, посвящена не такъ давно вышедшая нѣмецкая книжка: Lord Byron. Eine Autobiographie nach Tage Büchern und Briefen von E. Engel, Berlin, 1876.

¹³⁾ Донъ-Жуанъ, п. X. Naughty Shop keepers.

ныхъ христіанъ, про которыхъ говорилъ великій отецъ восточной церкви, Григорій Богословъ: «они любятъ общеніе съ добромъ ради самого добра, а не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ» (слова эти приведены у В. И. Ламанскаго на стр. 66). Но, кромѣ благотворительности, удовлетворявшей какъ бы какой-то странной прихоти небеснаго сюзерена, существовало, съ точки зрѣнія феодальной, другое, болѣе легкое для его вассаловъ, средство ему угодить. Стоило только ратовать за распространеніе на землѣ его царства, добывать ему новыхъ подданныхъ, сгоняя ихъ мечомъ и огнемъ къ купели. Въ знаменитой «Роландовой пѣснѣ» такимъ способомъ сразу принимаютъ крещеніе свыше ста тысячъ сарацинъ и становятся, по увѣренію пѣсни, настоящими христіанами. Не даромъ послѣ этого утверждаетъ Гастонъ Пари, что дѣйствующія лица этой пѣсни—«феодалы и только едва-едва люди (*des barons, à peine des hommes*)», что они «не знаютъ никакихъ отношеній, кромѣ тѣхъ, какія зародились изъ феодальныхъ учрежденій», что, наконецъ, во всей пѣснѣ «глубина чувствъ равносильна только ихъ узости»¹⁴⁾.

Вѣрность земному сюзерену требовала иной разъ пожертвованія самыми естественными отношеніями и чувствами. Феодальный эпосъ не даромъ выставляетъ въ идеальномъ свѣтѣ старика Гемона, который изъ вассальной вѣрности Карлу Великому предпринимаетъ войну противъ собственнаго сына, также вассала Карлова, но возставшаго противъ него, хотя и за правое дѣло. Тотъ же эпосъ выставляетъ требующимъ столь же противуестественныхъ жертвъ отъ своихъ вассаловъ и самого сюзерена небеснаго. Такъ, въ поэмѣ о Вильгельмѣ Оранскомъ молодой, только что принявшій крещеніе, сарацинъ Реноаръ, вступивъ въ бой со своимъ некрещенымъ отцомъ Дераме и убивъ двухъ родныхъ своихъ братьевъ, поспѣвшихъ ему на выручку, готовъ сдѣлать тоже съ самимъ отцомъ, если онъ не увѣруетъ въ славнаго короля

Иисуса (*si il ne croit le digne roi Ihesu*)¹⁵⁾. Съ невѣрными же вообще герои феодальнаго эпоса способны поступать звѣрски — до людоедства. Такъ, въ пѣснѣ о Готфридѣ Бульонскомъ упоминается особый крестоносный отрядъ въ 20,000, для котораго «мясо турка или персіянина было пріятнѣе пощѣлуя любезной», а потому онъ и поѣлъ подъ стѣнами Антиохіи цѣлыя тысячи нехристей. «И такія отвратительности, — замѣчаетъ Беккеръ, — рассказываются даже безъ малѣйшаго порицающаго замѣчанія, въ поэмѣ, которая немногимъ моложе событія (т. е. 1-го крестоваго похода) и имѣетъ въ виду быть историческою»¹⁶⁾. Таковы идеалы — но дѣйствительность не далеко отстала отъ нихъ: стоитъ только вспомнить ту благочестивую бойню, которую на самомъ дѣлѣ учинили крестоносцы по вступленіи въ Святой градъ. Все это дѣлалось, разумѣется, ради выслуги у небеснаго сюзерена, ради вѣрнѣйшаго полученія отъ него райскихъ леновъ!

Такое міросозерцаніе, какъ замѣтилъ я еще въ моей книгѣ о русскомъ эпосѣ, «могло возникнуть только изъ союза германскаго начала феодализма съ романскимъ началомъ приниманія церкви за государство и невидимаго главы ея за государя (при намѣстникѣ этого послѣдняго, главѣ видимомъ)» (стр. 151).

Но какъ ни глубоки были корни, пущенные феодализмомъ въ жизни западной Европы, подъ него подкопалась мало-по-малу монархическая власть въ союзѣ съ общинною жизнію, сохранившеюся въ городахъ. Въ свою очередь и папство своими крайностями породило мятежный протестантизмъ, изъ котораго, при помощи возродившейся классической древности, съ ея свѣтскою мудростью, мало-по-малу выработался рационализмъ — господство чистаго, предоставленнаго самому себѣ, разума. Послѣ всего этого не только перестали усматривать на небѣ сюзерена, но пошатнулась и самая вѣра въ загробный міръ и въ ожидающее тамъ возмездіе. Такимъ образомъ, не стало того, что единственно ополчало

¹⁴⁾ Gaston Paris, *Histoire poétique de Charlemagne*. Paris 1865, p. 18. Мѣсто это приведено подробно въ моей книгѣ о русскомъ эпосѣ, на стр. 155.

т. I. 77.

¹⁵⁾ См. въ моей книгѣ, стр. 151.

¹⁶⁾ Сравнит. наблюденія, стр., 151—153.

на брань съ невѣрными, такъ какъ вѣдь настоящаго христіанскаго побужденія къ тому—состраданія къ жертвамъ ихъ деспотизма—въ сущности вовсе и не было. Между тѣмъ, вмѣсто чистаго разума самозванно подсовывался житейскій разсудокъ, своею матеріалистическою проповѣдью личной выгоды вполне отвѣчавшій тому крайнему развитію личности, которое издавна коренилось въ западно-европейской жизни. Становилось ни мало не предосудительнымъ прямо вступать въ союзъ съ угнетателями восточныхъ христіанъ, если подобный союзъ представлялся выгоднымъ. Особаго рода гуманность философіи XVIII столѣтія, въ которой сказалось, до известной степени, освободившееся отъ средне-вѣковыхъ путей христіанство (не смотря на то, что само оно, вмѣстѣ съ этими путями, сдавалось въ архивъ этой философіей),—гуманность XVIII ст., въ сущности, была далека отъ христіанской широты пониманія. Она не распространялась, какъ уже видѣли мы, на тѣхъ, кто не вкусилъ отъ спасающихъ плодовъ культуры, а потому она и не могла возбудить участія къ христіанскимъ народностямъ на Востокѣ, такъ какъ онѣ были далеки отъ этихъ плодовъ. Къ тому же и выдвинутое XVIII в., къ чести его, начало религиозной терпимости было понято въ данномъ случаѣ ложно и содѣйствовало тому, чтобы союзъ христіанской Европы съ мусульманскимъ міромъ окончательно пересталъ представляться зазорнымъ. Если въ своей перепискѣ съ Екатериной II Вольтеръ постоянно становится на ея сторону, третируя, можно сказать, *en sa partie* султана, то это, конечно, не столько ради ему подвластной раи, невѣжественной и забытой, сколько ради желанія славы просвѣщенной монархини, этому философу на престолѣ, котораго Вольтеръ, какъ папа рационализма, готовъ былъ увѣнчать вѣнцомъ мірового владычества ¹⁷⁾.

Земля русская не участвовала въ кресто-

выхъ походахъ. Она только посылала ко гробу Господню толпы своихъ простодушныхъ па-ломниковъ. Ея лѣтописцы, по доносившимся до нихъ слухамъ о крестовосахъ—слухамъ, конечно, полнымъ идеализаціею—называли ихъ «мучениками святыми». Когда дошелъ до насъ слухъ—уже вовсе не идеальный—о томъ, какъ крестовосная рать разразилась, вмѣсто невѣрныхъ, надъ православнымъ Царегородомъ, наша лѣтопись склонна была видѣть въ этомъ только злоупотребленіе, утверждая, что «не такъ приказалъ имъ царь Нѣмецкій и папа Римскій» ¹⁸⁾. Съ именемъ крестовосцевъ, очевидно, соединилось для нашихъ предковъ значеніе освободителей, а не разорителей. Испытанія, вскорѣ доставшіяся на долю Руси отъ «поганой татарщины», послужили отводомъ ея сокрушительной силы отъ всей остальной Европы, которая, однакоже, сама расправившись не хуже татаръ въ Царегородѣ, и не думала приходить къ намъ на выручку. Напротивъ, она высылала и на насъ, даже въ самое тяжкое время татарщины, свои крестовосныя рати съ сѣвера—для насильственнаго обращенія насъ въ подданство папѣ. Мы отстоялись сами отъ «братьевъ Христова воинства», а тамъ, наконецъ, и отъ ордынской силы. Оборона отъ нея должна была неминуемо окончиться наступленіемъ. Но и всѣ наши наступательныя дѣйствія постоянно возникали изъ первоначальной обороны. Съ паденіемъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови подъ ударами турокъ, долгъ помогать этимъ братьямъ тѣмъ настойчивѣе представлялся намъ, чѣмъ крѣпче мы становились сами. Но и тутъ опять неминуемо изъ обороны пришлось перейти въ наступленіе. Въ роли этой прежде всего выступило казачество Запорожское, союза съ которымъ стали искать и на Западѣ—на случай, еслибы подобный союзъ могъ представиться выгоднымъ. Замѣчательно, что когда съ подобною цѣлью въ сношенія съ казаками вступила Венеція (не двинувшаяся, од-

¹⁷⁾ «Я желалъ бы, писалъ Вольтеръ, видѣть турокъ столь далеко загнанными, чтобы они никогда не могли возвратиться... Правда, что это не сходствуетъ съ моими правилами о дозволеніи каждому вѣровать по своей волѣ, но всѣ люди попадаютъ въ противорѣчія; къ тому же ваше величество кружите мнѣ голову». А въ другомъ письмѣ: «Я не отваживаюсь входить въ разбирательство между греческою и латинскою и мусульманскою

церквами, а занимаюсь въ моемъ уединеніи одною только вашею славой. (Переписка Екатерины съ Вольтеромъ. Спб. 1802 г. I, стр. 127, 186). Противъ турокъ вооружало Вольтера и то, что сторону ихъ держалъ нунцій папы римскаго, этого злѣйшаго врага Вольтера (тамъ же, стр. 47).

¹⁸⁾ См. въ моемъ «Истор. Обзор. Р. Слов., стр. 285, 406.

нако, на турокъ, такъ какъ этого не потребовали ея личные интересы), то она посмотрѣла на нихъ, по привычкѣ, какъ на обыкновенныхъ наемниковъ, но они отвѣчали, что «жалованья за свою службу они не просятъ, а желаютъ только пособія для войны съ невѣрными (на оружіе и военные припасы) во славу Божию за честь казацкаго имени»¹⁹⁾.

Въ письмахъ Жуковского попадаетъ своеобразный взглядъ на возможность рѣшенія современной Россіей задачи крестовыхъ походовъ. «Оставаясь, — говоритъ онъ, — и Сирія и Палестина во власти турковъ; но мѣсто, гдѣ совершилось спасеніе человечества, мѣсто, освященное земною жизнью и искупительною смертію Спасителя, не должно оставаться во власти враговъ его...». «Все остальное пусть будетъ упрочено туркамъ, какъ ихъ законное достояніе»²⁰⁾. Взглядъ этотъ носитъ на себѣ отпечатокъ того романтизма, которымъ былъ вскормленъ Жуковский. Какъ ни дорогъ, на взглядъ русскаго народа, гробъ Христовъ, но дороже еще самъ Христосъ, продолжающій страдать въ лицѣ тѣхъ, которые и по наше время изнываютъ подъ мусульманскимъ игомъ. Потому-то у простаго русскаго человѣка никогда бы не повернулся языкъ, чтобъ сказать: «все остальное пусть будетъ упрочено туркамъ, какъ ихъ законное достояніе». Русскій человѣкъ никогда не признавалъ и не станетъ никогда признавать, наперекоръ всей Европѣ, законность подобнаго достоянія. Въ основѣ его государственной жизни участвовало лишь въ слабой степени, въ видѣ прививки, по выраженію Н. Я. Данилевскаго, то начало завоеванія, на которомъ создалась всецѣло государственная жизнь западной Европы²¹⁾. Ко всемъ своимъ наступательнымъ дѣйствіямъ, какъ мы уже видѣли, народъ русскій переходилъ отъ первоначальныхъ дѣйствій оборонительныхъ, и никогда его совѣсть не помирится съ признаніемъ права меча. То «остальное», которое, по словамъ Жуковского, «пускай себѣ остается за турками», — оно-то и было

настоящею цѣлью всѣхъ движеній противъ нихъ русскаго народа. Это «остальное» и есть то живое добро, которое такъ недавно еще вырѣзывалось, сжигалось и насиловалось турками, отчего всею своею громадою содрогнулся, какъ одинъ человѣкъ, только русскій народъ, не владѣя ни правомъ митинговъ, ни другими удобствами давно уже совершеннолѣтней Европы. Но въ тѣхъ же письмахъ Жуковского понята совершенно вѣрно другая сторона восточнаго вопроса, смѣло указанъ и осужденъ, осужденъ совершенно по-русски, соединяющійся съ нимъ соблазнъ. «Эта Византія, — говоритъ онъ, — роковой городъ... Она влекла къ себѣ и нашихъ воинственныхъ предковъ; но походы Олега и Игоря были только славные разбои. Святославъ имѣлъ болѣе успѣха, но онъ влюбился въ завоеванную имъ страну, позабылъ свою Россію и дорого заплатилъ за это...». «Въ Царьградѣ, который, по своему чудесному положенію между двухъ знаменитыхъ морей, по всѣмъ окружающимъ его очарованіямъ природы, искусства и воспоминаній историческихъ (намъ НВ чуждыхъ), имѣетъ полное право быть столицею великой имперіи, православные русскіе цари исчезли бы для Россіи за стѣнами султанскаго серая, вновь обращеннаго во дворецъ Византійскихъ властителей. Нѣтъ, избави Богъ насъ отъ превращенія Русскаго царства въ имперію Византійскую...». «Въ наше время стало ясно, что могущество истинное не въ огромности государствъ, а въ ихъ внутреннемъ благоденствіи заключается»²²⁾. Ко всему этому у Жуковского присоединяется еще слѣдующее: «Не брать и никому не давать Константинополя, этого для насъ довольно». Замѣтимъ, что у Н. Я. Данилевскаго та же мысль существенно видоизмѣняется въ такомъ смыслѣ, что Константинополь не надо давать чужимъ, а слѣдуетъ сдѣлать его главнымъ городомъ имѣющаго, рано или поздно, возникнуть на развалинахъ Турціи славянскаго союза. Но мысль Жуковского особенно замѣчательна рѣзкимъ отграниченіемъ Россіи отъ Византіи. Суще-

¹⁹⁾ Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ. В. В. Макушева. (Слав. Сборникъ, III, 9).

²⁰⁾ Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковского, изд. 6-е, т. VI, стр. 677, 679.

²¹⁾ Россія и Европа, стр. 270 и слѣд.

²²⁾ П. с. соч. Жуковского, VI, стр. 656—658.

ствуешь, въ самомъ дѣлѣ, не мало оснований, по которымъ такъ называемый греко-славянскій міръ можетъ представиться чѣмъ-то искусственно склееннымъ, а не естественнымъ, цѣльнымъ организмомъ. Для того, чтобы онъ могъ представиться цѣльнымъ, изъ него должно быть выдѣлено византийство, такъ какъ оно представляетъ значительную примѣсь стихіи римской (что прямо слѣдуетъ и изъ изложенія дѣла В. И. Ламанскимъ).

Несомнѣнно, что съ греками насъ тѣснымъ образомъ связываетъ православіе, слѣдъ котораго иу окатоличившихся, вполнѣ, славянъ, весьма доказательно выставленъ въ трудѣ В. И. Ламанскаго. Но православіе, какъ понималъ его Хомяковъ, православіе въ смыслѣ первоначальной всеиенской церкви, или просто церкви, какъ онъ выражался, и позднѣйшій византизмъ, породившій, наконецъ, фанариотство, — конечно, не все равно. Въ православіи, несомнѣнно, идея церкви, какъ великой общины вѣрующихъ, сбереглась отъ той примѣси римскаго государственнаго начала, которое разрѣшилось папствомъ, сбереглась потому, что греческая стихія оказалась болѣе способною къ ея воспріятію. Древняя, классическая Греція не проявила, какъ извѣстно, способности къ объединенію внѣшнему. Но это ни мало не мѣшало проявленію въ ней, въ ея лучшую пору, не смотря даже на междоусобія, своего рода единства внутренняго. И христіанство, на греческой почвѣ, оставалось вполнѣ свободнымъ отъ того стремленія къ вышней централизациі, какимъ заразилось оно на почвѣ римской. Собственно на греческой почвѣ удержалось неприкосновеннѣе и начало соборное, оставаясь при томъ свободнымъ отъ всякаго формализма, оставаясь тѣмъ, что такъ глубоко понято въ слѣдующихъ словахъ Хомякова: «самые соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованіе, живущія въ церковной общинѣ: они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, сидя-

²³⁾ Записки о всемірной исторіи, II, 552.

щими на соборѣ... Соборъ былъ не власть, а голосъ...» ²³⁾ Вотъ вслѣдствіе этого-то отцы церкви восточной, по замѣчанію В. И. Ламанскаго, «въ своихъ созерцаніяхъ и ученіи... не спускались и не падали до благословенія и освященія, даже до признанія и допущенія въ дѣлахъ вѣры, начала принужденія и насилія. Писатели, подобные Теофану, Константину Манасіи и нѣкоторымъ другимъ въ Византіи, или Іосифу Волоцкому на Руси, никогда не пользовались общимъ сочувствіемъ или признаніемъ всего Востока, да и между своими соотечественниками находили строгихъ порицателей за свои грубые представленія объ обращеніи иновѣрцевъ» (т. е. насильственнымъ). Потому-то, напримѣръ, Василій Великій, «пламенный христіанинъ, по словамъ того же автора, не прерывалъ своихъ старыхъ дружественныхъ связей съ языческимъ философомъ, риторомъ Либаіемъ, и безбоязненно посылалъ къ нему на ученіе христіанскихъ юношей» ²⁴⁾. Потому-то и при проповѣданіи христіанства язычникамъ восточная церковь стремилась къ ихъ внутреннему убѣжденію и въ видахъ его допускала употребленіе народнаго языка. «Западная проповѣдь — говоритъ Хомяковъ — была іерархическая и отчасти политическая, восточная была народная и духовная. Западъ требовалъ покорности своимъ властямъ и своимъ началамъ: онъ былъ поработителемъ и, въ замѣнъ непонимаемаго христіанства и общаемихъ благъ загробныхъ, налагалъ вещественное иго на новообращаемыя племена... Востокъ приносилъ свѣтъ духовный, пониманіе вѣры и мысленную свободу, не требуя отъ новообращенныхъ ничего, кромѣ ихъ собственнаго улучшенія» (Записки, II, 787).

Оно, однакоже, не осталось такъ, если вполнѣ вѣрно то, что представляетъ намъ изслѣдованіе В. И. Ламанскаго. «Въ средніе вѣка, говоритъ онъ, въ самыхъ отдаленныхъ отъ центра имперіи земляхъ, иногда вовсе даже не покорившихся ея мечу, славилась и чествовалась власть восточнаго Римскаго императора, какъ власть царя православнаго, верховнаго вождя всего восточнаго христіанскаго міра». При этомъ дѣлается

²⁴⁾ Видные дѣятели, стр. 91 и 96.

оговорка, что «опора и основа» была тутъ «чисто идеальная, внутреннее убѣжденіе народовъ восточно-христіанскихъ, безъ различія племенъ, въ необходимости и вѣчности на землѣ до кончины міра.... единого христіанскаго царства, обнимающаго въ себѣ самыя различныя страны и племена, съ ихъ частными, мѣстными правительствами и государями» («Видные Дѣятели», стр. 52—53). Но дѣло представится намъ не совсѣмъ-то идеальнымъ и чуждымъ всякой принудительности, если данныя, сообщаемыя далѣе В. И. Ламанскимъ, имѣютъ, въ самомъ дѣлѣ, то значеніе, какое онъ имъ придаетъ. «Когда, говоритъ онъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, въ Москвѣ при великомъ князѣ Василіѣ Димитріевичѣ перестали вдругъ поминать царя (т. е. Византійскаго) на эктенияхъ, то Цареградскій патріархъ написалъ великому князю очень рѣзкое и характеристическое письмо, замѣчательно освѣщающее прежнія и тогдашнія отношенія Руси и другихъ, повидимому, совершенно независимыхъ, православныхъ земель къ Византіи и ея императору». Далѣе приводится содержаніе самаго письма, дѣйствительно крайне любопытнаго. «Ты—писалъ патріархъ—говорятъ, возбраняешь помянуть царя на эктенияхъ;—это дѣло небывалое²⁵⁾. Слышу, что ты говоришь: «Мы имѣемъ церковь, но царя не имѣемъ». — Ясно, что Василій Димитріевичъ не полагалъ, чтобы принятіе нами вѣры отъ Византіи непременно обязывало насъ на зависимость отъ Византійскаго императора. Въ понятіяхъ его раздѣлялись вселенская церковь и государь одной (хотя бы и самой могущественной) изъ странъ, къ ней принадлежащихъ. Патріархъ же далѣе утверждаетъ: «Царь, какъ царь святой, имѣетъ большое значеніе въ церкви. Онъ не такой царь, какъ другіе начальныя и мѣстные правители. Изначала цари утверждали и поддерживали благочестіе во всей вселенной. Они же собирали вселенскіе соборы и сами подкрѣпляли и закономъ предписывали рѣшать все, относящееся до православія, догматовъ и образа жизни христіанъ, согласно съ божественными и священ-

ными канонами». Ясно, что и значеніе соборовъ является тутъ уже въ значительно иномъ свѣтѣ, чѣмъ у Хомякова. «Хотя, писалъ далѣе патріархъ, по допущенію Божію, языческіе народы окружили державу царя... не смотря на это, царь до нынѣ... удостоивается такого же... поставленія въ царя и самодержца Римскаго, т. е. всѣхъ христіанъ... Царь имѣетъ такую власть, что и сами латиняне, не имѣющіе общенія съ нашею церковью, воздають ему ту самую честь, какую оказывали въ прежнія времена, когда были въ церковномъ единеніи... И такъ, не хорошо, сынъ мой, что ты говоришь: церковь имѣемъ, а царя не имѣемъ. Невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть (т. е. не признавать царя Византійскаго). Царство и церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе, и невозможно отдѣлять одно отъ другого» («Видные Дѣятели», стр. 56—58). Т. е., сокращенный смыслъ всего этого—вселенская церковь во вселенской имперіи.

Если это, дѣйствительно, былъ идеалъ не самаго лишь писавшаго, думавшаго этимъ поднять упавшій духъ Византіи, уже окруженной, по выраженію письма, языческими народами, если такого ученія, въ самомъ дѣлѣ, издавна держались въ Византіи, то вѣдь отличія греко-славянскаго міра отъ романо-германскаго окажутся вовсе не такими коренными, какъ ихъ считаютъ. Оба міра рѣшительно сблизятся тою римскою государственною закваской, которая, такимъ образомъ, окажется много значившею и на церковномъ Востокѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если на Западѣ народы, принимая христіанство, подпадали власти духовнаго государя, папы, то, принимая его на Востокѣ, они подпадали власти свѣтскаго главы церкви, — ежели царь Византійскій представлялся неразрывно связаннымъ съ нею. Въ томъ и другомъ случаѣ церковь не смѣшивалась съ государствомъ.

Предки наши, однакоже, не вдаваясь въ тѣ сѣти, которыми неоднократно пытался опутать ихъ Римскій папа, въ то же время не принимались также, какъ видно, и съ властью того свѣтскаго папы, котораго такъ упорно навязы-

²⁵⁾ Курсивъ у В. И. Ламанскаго.

валъ имъ при Василиѣ Димитріевичѣ патріархъ Цареградскій.

Въ извѣстномъ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго есть мистическое толкованіе сна Навуходоносора о четырехъ составномъ колосѣ, знаменующемъ четыре міровыхъ царства. Камень, сокрушающій колосса—сынъ Божій; его царство, извѣявшее всѣ прочія, царство Божіе безконечное. Покойный Шевыревъ находилъ тутъ особенно глубокою мысль, что «съ Христовымъ царствомъ прекращается идея всемірнаго, земного завоеванія. Становится невозможною всемірная монархія или даже преобладаніе»²⁶). Очень можетъ быть, что Шевыревъ слишкомъ глубоко истолковываетъ Іосифа Волоцкаго. Но взгляды его замѣчательны самъ по себѣ. Онъ совершенно согласенъ со взглядомъ Хомякова. Также признавая (да и нельзя не признать) римскую стихію въ Византіи, Хомяковъ считалъ ее, какъ уцѣлѣвшую отъ язычества, чѣмъ-то въ родѣ того, что въ послѣдствіи стали относить подѣ понятію переживанія (survival). Мы уже видѣли выше, какъ онъ смотрѣлъ на воплощеніе въ древнемъ Римѣ начала голой, грубо-понимаемой выгоды. Начало это представлялось ему совершенно несогласнымъ съ христіанствомъ. «Имперія, говоритъ онъ, не спаслась отъ гибели, потому что сама (т. е., какъ государство) она не приняла христіанства. Законы и общественная жизнь остались равнодушными къ пережѣнію исповѣданія.... Въ этомъ внутреннемъ разногласіи человѣка христіанскаго и государства, сохранившаго все наслѣдство идолопоклонства, въ этомъ невольномъ отчужденіи духа человѣческаго отъ тѣла общественнаго заключается причина слабости, распаденія и гибели имперіи» (Зап., II, 479).

При такомъ порядкѣ вещей, вліяніе Византіи на крещенія ею страны было, по признанію Хомякова, вовсе не исключительно благотворное. «Къ несчастію, говоритъ онъ, Византія, давшая Болгаріи добрые уроки въ христіанствѣ, дала ей вредные уроки въ жизни государственной и посылала сѣмена зла, губительныя для славянъ Придунайскихъ... Имперія Восточная была стра-

²⁶) Ист. Р. Словесности, IV, 157.

ною христіанскою, но государствомъ языческимъ. Самъ византіецъ, какъ христіанинъ, продолжаетъ Хомяковъ, былъ чуждъ своему государству. Государство было еще Римское, исключительное, себялюбивое и враждебное всякому другому народу или государству. Оно не хотѣло ни союза, ни дружбы, но требовало подчиненности и покорности» (Зап., II, 627).

Это, конечно, сходится съ тѣми явленіями, которыя выдвинуты у В. И. Ламанскаго. Но между тѣмъ, какъ Хомяковъ относится къ римской государственной стихіи въ Византіи крайне несочувственно, В. И. Ламанскій увлекается обаяніемъ этой государственной мощи и блеска въ ихъ идеалѣ. «Съ новыми началами богопознанія и нравственности, говоритъ онъ про христіанскую церковь вообще, на Западѣ, какъ и на Востокѣ, она проводила (къ народамъ, принимавшимъ крещеніе) и высшія идеи государственнаго порядка, благочинія и общежитія, приучая ихъ глядѣть на Римскую имперію, какъ на единое вѣчное государство, имѣющее обнять всѣ народы и племена христіанскія, а въ императорѣ видѣть.... верховнаго главу всего христіанскаго или, что было одно и то же, римскаго міра»²⁷). Изъ этого ясно, что В. И. Ламанскому такое сліяніе до-христіанскаго міродержавства съ господствомъ христіанской вѣры вовсе не представляется заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Выше, въ самомъ приступѣ къ своему труду, В. И. Ламанскій говоритъ еще яснѣе: «Имперія—одно изъ замѣчательнѣйшихъ заимствованій народовъ новой Европы, одна изъ самыхъ крупныхъ и живучихъ частей ея греко-римскаго наслѣдства» (не вѣрнѣе ли: только римскаго?). «Въ наивномъ вѣрованіи среднихъ вѣковъ въ вѣчную живучесть и непрерывность Римской имперіи есть глубокий смыслъ» (стр. 9). Предвидя заранѣе возраженія, авторъ пытается устранить ихъ слѣдующими словами: «Нѣсколько порочныхъ и низкихъ до мозга костей тиранновъ или полусумасшедшихъ деспотовъ, преемниковъ великаго Цезаря, и новѣйшія мелкія пародіи цезаризма во Франціи, понинѣ мѣшаютъ утвержденію пра-

²⁷) В. Дѣят., стр. 17.

вильныхъ взглядовъ на великое значеніе Римской имперіи. Она была послѣднею громадною услугою римскаго народа человѣчеству. Онъ указалъ ею возможность и необходимость великихъ міровыхъ державъ, въ предѣлахъ которыхъ милліоны людей разнаго происхожденія сообща могутъ трудиться для частнаго и общаго благосостоянія, не истребляя другъ друга въ войнахъ изъ-за мелкой зависти, пошлаго самохвальства и ограниченнаго самодовольства уважнаго патріотизма, постоянного спутника малыхъ государствъ и народовъ» (стр. 11). Точно будто бы человѣчеству никогда не достигнуть умѣнья трудиться сообща и не ссорясь, безъ включенія въ одно всесвѣтное государство, или же будто такое включеніе въ него навсегда оградило бы отъ возможности въ немъ самомъ междуусобій и розни! Но В. И. Ламанскій указываетъ и образчикъ болѣе или менѣе удачнаго осуществленія у насъ на глазахъ соблазвившаго его идеала. «Англо-саксы, говоритъ онъ, въ двухъ своихъ державахъ, въ Британской имперіи и въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, представляютъ наиболѣе близкаго сходства съ Римскою имперіею и гораздо удачнѣе воспроизводятъ ея истинную идею, чѣмъ всѣ средневѣковыя и новыя римскія имперіи, отъ Карла Великаго до Наполеона I и далѣе» (стр. 12). Но если, какъ мимоходомъ проговорился самъ авторъ, столько этихъ имперій—скольковъ съ древне-Римской—оказалось неудавшимися и разсыпалось, то вѣдь и тѣ, современныя намъ, которыя удовлетворяютъ нашего автора (далеко впрочемъ, не всесвѣтныя), не представляются также вполне здоровыми, цѣльными организмами. Рано бы еще забывать тотъ расколъ, который раздѣлилъ югъ и сѣверъ Американскихъ Штатовъ въ два ожесточенно-враждебныхъ стана, и теперь еще, какъ выходитъ изъ послѣднихъ событій, далеко не окончательно помирившихся. Что же касается Англіи, то трудно повѣрить здоровью политическаго строя державы, нуждающейся въ такихъ варварскихъ средствахъ, какъ поддержка Турціи.

Въ приведенныхъ взглядахъ В. И. Ламанскаго оказывается, мнѣ кажется, такое же от-

клоненіе отъ первоначальнаго славянофильства, какъ и во мнѣніи Н. Я. Данилевскаго о невозможности правды въ политикѣ. И отклоненія обоихъ, по моему, вовсе не поправка славянофильства, а прямое искаженіе его. Если В. И. Ламанскаго увлекла мысль, что идея міродержавства отъ Византіи перешла по наслѣдству къ намъ,—то, въ этомъ случаѣ, я полагаю, опять-таки болѣе правъ былъ Хомяковъ, когда утверждалъ, что «Византія осталась чуждою Россіи» (Зап., II, 479). Вмѣстѣ съ другими ея преданіями, не усвоена нашимъ народнымъ духомъ и мысль о міродержавствѣ.

Востоку обязаны мы православіемъ. Сохранившаяся въ немъ церковная общинность нашла для себя удобную почву въ общинномъ бытѣ славянъ. Новое вино христіанства, такимъ образомъ, вливалось въ надежный мѣхъ. Вотъ почему, при слабомъ усвоеніи нами догматической стороны христіанства, при упорной живучести въ нашихъ понятіяхъ суевѣрій языческихъ, мы чутко отозвались на то ученіе любви, которое составляетъ нравственную сущность христіанской вѣры.

Только что окрестившійся князь Владиміръ уже обуревался сомнѣніемъ, не грѣшно ли казнить разбойниковъ, тогда какъ сами присяжные представители христіанства, византійскіе пастыри, увѣряли его, что совсѣмъ не грѣшно. Спустя съ небольшимъ сто лѣтъ, другой Владиміръ, съ византійскимъ прозвищемъ Мономахъ, но вовсе не византійскими понятіями о силѣ и власти, уже съ полною увѣренностью завѣщавалъ: «ни праваго, ни виноватаго не убивайте и не приказывайте убить; хотя бы онъ былъ и повиненъ смерти, души не погубляйте ни единой христіанской». И русскій князь сошелся въ этомъ съ жившимъ столѣтіемъ позже чешскимъ Премысловъ, который хвалился тѣмъ, что «не въ его обычай и не въ обычай его предковъ кого либо приговаривать къ смерти»²⁸). А оба они вполне сходились съ народомъ,

²⁸) Jirecek, Recht in Böhmen und Mähren I, II, 137. Замѣчательно, что въ знаменитой книгѣ Миттермайера о смертной казни что-то не оказывается со стороны самой власти подобныхъ примѣровъ изъ германо-романской жизни, а соответственнымъ примѣромъ служить только одинъ ученый средневѣковой итальянецъ (стр. 31, 151

который и грубой природѣ богатырей своихъ усвоивалъ отвращеніе къ «напрасной крови» и неохоту безъ надобности «слезить жонъ-матерей и пускать сиротатъ малыхъ дѣтушекъ»²⁹⁾. Послѣ этого, не личными свойствами Мономаха, а тѣмъ общенароднымъ духомъ, которымъ проникнута лѣтопись, объясняется въ ней исполненное ужаса восклицаніе: «этого не бывало въ землѣ русской!» при вѣсти объ ослѣплении Василья—неслыханномъ видѣ злодѣйства, съ которымъ насъ познакомила Византія³⁰⁾. А споръ Мономаха съ дружиной о томъ, предпринимать ли весной походъ: дружина находить, что онъ повредилъ бы крестьянской «рольѣ» (пашнѣ), а князь возражаетъ, что безъ похода на половцевъ, похода, какъ, въ сущности, и всѣ наши походы, наступательнаго ради обороны, половцы все равно растопчутъ крестьянскую пашню и уведутъ еще крестьянскихъ коней. Но оба, и князь и дружина, заботятся о землѣ, оба взрощены духомъ земства, подъ вліяніемъ котораго боевое дѣло является уже не цѣлью, а только средствомъ. Духомъ земства объясняется и то понятіе объ обязанностяхъ власти, которое сказалося въ словахъ Мономаха: «не вдавайте сильнымъ погубить челоуѣка», какъ и то вообще служилое значеніе князя, на основаніи котораго лучшимъ почетомъ ему отъ лѣтописца являлось прозвище: «добраго страдальца за русскую землю». Такой же служилою силой, какъ замѣтилъ еще Хомяковъ и какъ оно вполне подтвердилось изслѣдованіями позднѣйшими, является и народомъ излюбленный представитель богатырства, руководствуемый у насъ не стремленіемъ къ добычѣ, власти или славѣ, а заботой о вдовахъ и сиротахъ и о матушкѣ Свято-Русь-землѣ, а потому и величаемый ея «стоятелемъ и оберегателемъ». Всѣ эти челоуѣчныя черты періода кievскаго уже признаются въ настоящее время изслѣдователями различныхъ направлений, только многимъ они представляются

русскаго перевода). Не даромъ же смертная казнь и держится такъ упорно, на зло всѣмъ успѣхамъ западной науки. (Ср. Grimm, Rechts alterthümer, XVI, 680—701).

²⁹⁾ Это ясно изъ народной поэзіи всѣхъ славянъ.

³⁰⁾ Н. И. Костомарова «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ», I, стр. 54. Напрасно только Русь того времени называется у него варварскою. Она бы не произвела тогда

вполнѣ заглухшими вполнѣдствіи, подъ роковымъ наплывомъ татарщины и сгустившимся, вслѣдствіе того, мракомъ невѣжества. Но зоркому глазу не трудно высмотрѣть и сквозь этотъ, дѣйствительно, сгустившійся мракъ и причиненный имъ полный застой въ развитіи, болѣе или менѣе явственные слѣды тѣхъ же добрыхъ началъ нашей жизни. Такъ и самая идея земскаго князя, повидимому, вполнѣ исчезающая въ неистовомъ самодурствѣ Грознаго, опять выплываетъ наружу, не смотря на немалую, можетъ быть, грозность, но грозность, уже чуждую произвола, въ Петрѣ Великомъ, этомъ, по выраженію поэта, «вѣчномъ работникѣ на престолѣ», работникѣ въ самомъ буквальномъ смыслѣ, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, принадлежатъ слова: «о Петрѣ же знайте, что ему жизнь не дорога; была бы сильна и счастлива Россія». И какъ бы, повидимому, ни измѣнился, съ другой стороны, старый оборонительный характеръ нашихъ походовъ, какъ бы рѣшительно ни усилилась ихъ наступательность, подавшая поводъ Европѣ сочинить извѣстную басню о «Заѣщаніи Петра Великаго»,—не басней, а былью вѣдь остается забота Петра о томъ, чтобы великая Сѣверная война не представлялась несправедливою, завоевательною, а была объяснена лишь стремленіемъ возвратитъ свое³¹⁾.

Наиболѣе открытымъ для вліянія византійскаго оставалось, повидимому, наше духовенство. Между тѣмъ, какъ великій князь Владиміръ не рѣшался казнить разбойниковъ, епископъ Новгородскій Лука Жидята не противился тому, чтобы надъ оклеветавшимъ его челоуѣкомъ произведено было, по византійскому закону градскому, варварское «урѣзаніе носа»³²⁾. Но вскорѣ и тутъ беретъ верхъ то безпримѣсное воспріятіе христіанскаго начала любви, которымъ обязана Русь своей общинности. Въ

Мономаха, который на самомъ дѣлѣ былъ все же ниже лѣтописнаго идеала князя, идеала, выражавшаго стремленія тогдашняго общества.

³¹⁾ Мысль эта ясно проводится въ изданномъ по волѣ Петра «Разсужденіи, какія законныя причины его величества императора всероссійскій къ начатию войны противъ короля шведскаго имѣлъ» (напеч. 1722 г.).

³²⁾ См. въ моемъ «Ист. Обзор. Р. Слов.», стр. 285, прим. 4.

периодъ удѣловъ, духовенство, удерживая отъ кровопролитія, усваиваетъ себѣ чисто-народную широту воззрѣнія, находя, что для избѣжанія крови можно даже нарушить крестное цѣлованіе. Въ началѣ татарскаго ига Серапіонъ, епископъ Владимірскій, по своимъ понятіямъ вовсе не возвышавшійся надъ общею вѣрою вѣка въ дѣйствительность колдовства, возставалъ, однакоже, противъ казни тѣхъ, кто въ немъ заподозрѣвался — подъ вліяніемъ того христіанскаго чувства любви, котораго какъ будто простылъ и слѣдъ на Западѣ, при его безконечныхъ процессахъ вѣдѣмъ, пережившихъ, какъ извѣстно, средніе вѣка, не смотря на рационалистическую стихію протестантизма. Между тѣмъ, изъ Византіи все болѣе и болѣе проникалъ къ намъ тотъ крайній аскетизмъ, который, со своимъ рѣшительнымъ безучастіемъ къ текущей жизни, вполне объяснялся въ ней тѣмъ, что именно лучшіе люди и могли совершенно отчаяться въ возможности совладать съ общественными недугами. Перенесенный на нашу, скорѣе непочатую, чѣмъ испорченную, почву, на которой была, стало быть, вполне возможна борьба со зломъ, — аскетизмъ, немѣня жизненныхъ основаній, дошелъ, однакоже, подражательно до такого крайняго развитія личности въ религіозной сферѣ, до такой, можно сказать, эгоистически утилитарной заботливости собственно о своей душѣ, что это уже прямо подавляющимъ образомъ дѣйствовало на славянскую общинность и скорѣе совпадало съ западно-европейскимъ выслуживаньемъ леновъ на небѣ. Но, при всемъ уклоненіи отъ чистоты того безкорыстнаго, чисто христіанскаго взгляда, который, какъ мы видѣли, сказывался первоначально на греческомъ Востокѣ (у Григорія Богослова) — у насъ не была, однакоже, окончательно порвана связь отшельнической жизни съ обществомъ. Это видно изъ монастырскихъ заботъ о прокормленіи народа въ годы голода. Самое отстаиванье права монастырей владѣть селами опиралось у насъ въ значительной мѣрѣ на заботы о томъ, чтобы было на что помогать «вдовамъ—сиротамъ». Прямо уже политическое значеніе Троице-Сергіевой

т. I. 77.

лавы въ двѣ великія испытательныя години нашей исторической жизни не менѣе громко говоритъ о томъ, что монастыри наши не порвали связи съ текущею земскою жизнью—какъ оно оказывается и въ настоящее время у южныхъ славянъ съ ихъ архимандритами-предводителями въ войнѣ противъ турокъ.

Менѣе, чѣмъ аскетизмомъ, мы увлеклись византійскою страстью къ спорамъ о тонкостяхъ богословскихъ. Слабое участіе къ нимъ, при сгущающемся невѣжествѣ, стало перерождаться въ ту безучастность даже къ основнымъ вопросамъ вѣры, которая сказала въ отвѣтъ Василія, архіепископа Новгородскаго, на предложенный Шведскимъ королемъ Магнусомъ споръ о вѣрѣ: «мы приняли вѣру отъ грековъ, такъ посылайте же своихъ совопросниковъ къ нимъ»³³). Яркую противоположность тому римско-католическому духу религіозной пропаганды, которымъ руководился Магнусъ, является этотъ отвѣтъ нашего архіепископа, прямо отзывающійся другой крайностью: отсутствіемъ духа жизни, тѣмъ сходствомъ съ муміей, которое, опять-таки при усиливающемся невѣжествѣ, все болѣе и болѣе стало сказываться у насъ въ сферѣ духовной. Послѣдствіемъ такого оскуднѣнія живого начала было то, что такъ быстро могла пустить корни еще не вполне разгаданная жидовствующая ересь, которая несомнѣнно подкапывалась подъ самыя основы христіанства и противъ которой у насъ вдругъ не оказалось въ запасѣ достаточно оружія духовнаго. Отсюда то обращеніе къ оружію вещественному — къ вострамъ, которые такъ полюбилися Іосифу Волоцкому и Геннадію Новгородскому, — причѣмъ послѣдній ссылался на соблазвившій его рассказъ объ испанской инквизиціи. Но такая измѣна съ нашей стороны основнымъ началамъ нашей церкви, унаслѣдовавшей отъ древняго христіанскаго Востока чистый духъ христіанской любви, такъ хорошо привившійся къ нашему быту, — не осталась у насъ безъ отпора, не смотря на ту бездну невѣжества, на которую жаловался Геннадій, говоря, что и искавшіе посвященія въ священники оказывались без-

³³) Исторія Карамзина, ч. IV, гл. X.

грамотными. Противъ фанатизма того же Геннадія и Іосифа Волоцкаго раздался гомосъ изъ отдаленныхъ Вологодскихъ монастырей, видѣвшихъ въ такомъ фанатизмѣ духъ Ветхаго Завета, а потому и корившихъ его представителей въ томъ, что они-то и оказываются вполне жидовствующими, жидовствующими по духу! Между тѣмъ, сказавшееся у насъ сначала, опять при вліяніи византійскомъ, увлеченіе буквой и вѣщностью, болѣзненно усилившееся опять таки отъ все болѣе и болѣе охватывавшаго насъ невѣжества, породило, наконецъ, то своеобразное явленіе нашей жизни, которое называется расколомъ. И что же? вызвавъ своимъ упорствомъ усиленіе крутыхъ фанатическихъ мѣръ, о которыхъ въ самомъ началѣ такъ сѣтовали старцы Заволжскіе, это ученіе, державшееся именно буквы, сохранило, однакожъ, притомъ и живынъ преданья объ участіи въ вопросахъ вѣры всѣхъ вѣрующихъ, т. е. и мірянъ,³⁴⁾ и, конечно, какъ нуждавшееся въ терпимости, говорило устами своего полуневѣжественнаго учителя: «какіе это апостолы учили—срубамъ и мечомъ обращать въ вѣру? Мой Христосъ не тому училъ»³⁵⁾. А одинъ изъ раскольниковскихъ историковъ, описывая гоненія, воздвигнутыя на расколъ, удивлялся, куда это дѣлся въ церкви «законъ восточный, благодатный», и откуда взялся вдругъ «законъ западный, ратный?»³⁶⁾.

Ясно, что насильственность, которою и у Н. Я. Данилевскаго опредѣляется стихія романо-германская, являясь у насъ, по его выраженію, въ видѣ прививки, не вошла въ плоть и кровь русскаго человѣка. Мы не переставали и никогда не перестанемъ отталкивать ее отъ себя, отрекаясь какъ отъ религіознаго, такъ и отъ политическаго захватыванія.

Мысль о томъ, что къ намъ должны перейти міродержавныя стремленія Византіи, внушалась намъ подъ ея же вліяніемъ—послѣ паденія Царьграда. Если во время своей силы греки не переставали держать передъ нами высоко

голову, безпрестанно вытягивая у насъ вещественные дары, то, сдѣлавшись слабыми, они стали тѣмъ больше нуждаться въ этихъ дарахъ, а для выманиванія ихъ уже не брезгали лестью. «Лестиви бо суть греци и до сего дне», могли у насъ повторять и долгое время спустя послѣ Нестора. Но византійская лесть о міродержавствѣ, въ сущности, мало насъ соблазняла. Связь нашего государственнаго могущества съ Византіею мы понимали, главнымъ образомъ, въ такомъ смыслѣ, что намъ, рано или поздно, придется поставить снова на ноги тѣхъ, кого погубила она своими историческими грѣхами.

За вѣру безвѣрную, лесть и развратъ,
За гордость Царьграда слѣпую—
Отману Богъ далъ сокрушительный млатъ,
Громова стрѣлы и острый булавъ
И силу коварную, злую.

Силу эту, мы никогда не перестанемъ вѣрить, рано или поздно должны сокрушить мы, но для этого намъ надо быть чистыми отъ византійскихъ грѣховъ, между прочимъ и отъ міродержавной гордости.

Не терпѣть Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми онъ, кто говоритъ:
«Мы соль земли, мы столбъ святини,
Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!»

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возносить охотится,
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ.

Европа не въ состояніи рѣшить восточный вопросъ; она, при всей своей вѣковой и могучей цивилизации, до него не дозрѣла;—или, вѣрнѣе, она для этого перезрѣла, слишкомъ укоренилась въ развитыхъ ею до послѣдней крайности началахъ личнаго интереса и захватывающей государственности. Съ своей точки зрѣнія Европа не хочетъ, да и не можетъ повѣрить, чтобы Россія, отъ сцѣпленія разныхъ причинъ разросшаяся до своихъ громадныхъ размѣровъ, могла оставаться внутренне чуждою политическому корыстолюбію. Намъ предстоитъ доказать на восточномъ вопросѣ, какъ Европа ошибается на нашъ счетъ. Мы обязаны съ жаромъ, съ непо-

словомъ бо солию раствореннымъ по Апостолу поучаютъ, но мечемъ острѣмъ и блещущимся». А Аввакумъ говорилъ: «гонимый христіанинъ Христа въ себѣ носитъ, а гонящій сатанѣ работаетъ». (Максимова Разсказы изъ ист. старообрядства, стр. 80).

³⁴⁾ Три раскольниковскихъ челобитныя, изд. Кожанчикова, стр. 82, 114. Максимова-Разсказы о старообр., стр. 95.

³⁵⁾ Слова протопопа Аввакума.

³⁶⁾ Исторія Выговской старообрядческой пустыни, Спб. 1862 г., стр. 25. Тамъ же, стр. 36: «Новое убо ученіе есть Никоново, сего ради и правъ учителей новый, не

колебимую твердостью, не смотря ни на что, не страшись ничего, разсѣчь, этотъ старый узелъ, а благодаря своему особому бытовому началу—общинному, расширенному христианствомъ и не соблазненному, при всѣхъ данныхъ къ тому, началомъ могущества внѣшняго, мы могли бы разсѣчь этотъ узелъ, для всѣхъ безобиднымъ образомъ. Сколько бы ни глумились надъ сумазбродной мечтой внести безкорыстіе и справедливость въ политику, а надо же, наконецъ, это сдѣлать,—потому что пора же, наконецъ, роду человѣческому смыть съ себя слѣдъ первобытной поры, все еще родящій насъ съ дикарями. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ эта пора всеобщаго взаимнаго недоверія и вѣчной войны между всѣми и каждымъ не уцѣлѣла въ утонченно-цивилизованной формѣ вооруженнаго мира, т. е., вѣчнаго ожиданья войны, истощающаго и вещественныя и нравственныя средства народовъ? Роль Россіи въ восточномъ вопросѣ—вполнѣ безкорыстная и только освободительная—и безобидность для кого бы то ни было всеславянской самостоятельности признается и обстоятельно излагается въ книгѣ Н. Я. Данилевскаго, и трудно понять, на что ему могла понадобиться мысль о необязательности правды въ политикѣ, — эта чужеродная прививка въ его направленіи. Рисуя свой планъ всеславянскаго союза, при чемъ нашему отечеству, это правда, достается значеніе первенствующее (прочность котораго разумѣется, должна зависѣть отъ нашихъ успѣховъ внутреннихъ), Н. Я. Данилевскій напираетъ на то, что «всеславянскій союзъ не только не угрожаетъ всемірнымъ владычествомъ, но есть единственное предохраненіе отъ него». Дѣло въ томъ, что такое владычество можетъ состоять не только въ единствѣ политической власти, но и въ господствѣ одной цивилизаціи. Такое господство, по мнѣнію г. Данилевскаго, страшнѣе любого всемірнаго государства, потому что такое господство, «лишило бы человѣческій родъ одного изъ необходимѣйшихъ условій успѣха и совершенствованія—элемента разнообразія, по-

²⁷⁾ Россія и Европа, стр. 452—453.

тому что, при окончательномъ водвореніи его въ человѣчество, могла бы изсякнуть культурородная сила» ²⁷⁾). Въ лицѣ славянства является новый ея носитель, обещающій обновленіе человечеству. Но этому новому дѣятелю предстоитъ еще широкое поприще въ старой Европѣ, и Н. Я. Данилевскій напрасно старается какъ бы обособить его отъ нея въ какой-то отдѣльный, долѣющій себя міръ. Славянству, съ одной стороны, еще будетъ нуженъ этотъ старый европейскій міръ, нужна будетъ его наука, его всяческія изобрѣтенія и практическія приспособленія. съ другой же стороны и славянство нужно, прежде всего, самой Европѣ,—оно должно, наконецъ, додѣлать въ ней то, что рѣшительно не далось ни романской, ни германской ея стихіи — внести чистоту христианскихъ началъ не только въ общественныя, но и въ международныя отношенія. Н. Я. Данилевскій справедливо сѣтуетъ на ту ложную роль, которую брала на себя Россія, впутываясь въ домашнія дѣла европейскихъ державъ подъ влияніемъ той, какъ онъ выражается, легитимизма и революціофобіи, которая только давала поводъ европейскимъ кабинетамъ ронять насъ во мнѣніи европейскихъ народовъ. Вполнѣ измѣнить эту роль заставляетъ восточный вопросъ. Онъ невольно вызываетъ насъ, ради послѣдовательности, на совершенно другую, способную рано или поздно расположить въ нашу пользу европейскія націи, готовая, можетъ быть, въ такомъ случаѣ, заставить свои кабинеты измѣнить свои отношенія къ намъ. Повсемѣстное примѣненіе начала народности, проникнутаго христианской идеей, во всей его глубинѣ-широтѣ—вотъ что въ силу историческихъ обстоятельствъ неизбѣжно становится нашей задачей.

Какъ бы ни былъ долготъ тотъ застой, въ которомъ пребывала русская земля, какъ бы ни была ужасна та бездна огрубѣнья, въ которую она ниспадала, или позорно то иго домашнего рабства, которымъ, по выраженію Хомякова, была она клеймена ²⁸⁾, —но исторія не переставала подавать ей обратно то знамя, на которомъ еще во

²⁸⁾ Во времена крѣпостнаго права.

времена Мономаха написано было: «не выдайте сильнымъ погубить человѣка». Еще сама оставаясь рабовладѣльческою, Россія уже являлась стоятельницею за народъ, за его права поземельныя, противъ мусульманскихъ земле-владѣльцевъ—при политическомъ возрожденіи грековъ и сербовъ въ 20-хъ годахъ. Возвращенныя нами отъ Польши русскія области, для окончательнаго изытія изъ-подъ польскаго гнета, нуждались въ крестьянскомъ надѣлѣ;—мы должны были на него рѣшиться, и рѣшились на него, наконецъ, послѣ того, какъ и со всей Россіи было снято рабовладѣльческое клеймо. Вскорѣ тою же логикою вещей мы были вызваны и на крестьянскую реформу въ Польшѣ,—служащую съ нашей стороны прямымъ правомъ на примиреніе ея съ нами. Исполненные ожиданія взоры давно обращаетъ на насъ и безземельный народъ на той нашей окраинѣ, которой владѣльческій классъ, потомки ливонскихъ рыцарей, гордится передъ нами своею культурой. На зло закоренѣлому европейскому предубѣжденію на нашъ счетъ, а отчасти и на перекоръ нашему собственному непониманію своего историческаго призванія,—оно выполняется мало-помалу и будетъ, конечно, выполнено до конца. Это призваніе вызываетъ насъ, волей-неволей, на неустанное слѣдованіе по соотвѣтственному пути и во внутренней нашей жизни. Освободительный характеръ нашей роли въ восточномъ вопросѣ, со всѣми ея неминуемыми послѣдствіями въ нашей дальнѣйшей европейской политикѣ, долженъ служить намъ рѣшительнымъ побужденіемъ къ безповоротности и нашихъ домашнихъ успѣховъ. Надо ясно понять свое положеніе, надо твердой рукою держать предъ собою дѣла и всюду съ собою носить заветное Мономахово знамя!

Таково ученіе нашихъ первыхъ проповѣдниковъ начала народности. Мы должны стоять за его чистоту, выясняя и развивая его, но не допуская въ немъ никакой посторонней, искажающей примѣси. Мы должны отстаивать эту чистоту съ увлеченіемъ, съ фанатизмомъ. Такой фанатизмъ позволителенъ.

Всѣ мы съ дѣтства встрѣчали во всѣхъ христоматіяхъ извѣстные стихи Хомякова: Россіи. Но насъ нерѣдко потомъ увѣряли, что въ нихъ лишь одна риторика. Съ другой стороны, намъ твердили, что въ нихъ есть и противорѣчіе. «Не вѣрь, не слушай, не гордись!», а подъ конецъ такое превознесеніе, что изъ него опять выходило: «гордись!» толковали намъ. Но, въ связи съ цѣлымъ ученіемъ, стихи Хомякова едва-ли можно перетолковывать. Сознаніе богатыхъ и добрыхъ задатковъ, въ виду предстоящихъ великихъ задачъ Россіи—вотъ что сказалось въ нихъ...

Хранить племя святое братство....
... всѣ народы
Обнявъ любовію своей—

вотъ къ чему призывается тутъ Россія. И только подъ условіемъ живого, дѣятельнаго отзвѣта на такой призывъ, ей предсказываетъ поэтъ:

И станешь въ славу ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный—
Прозрачный Вышняго покровъ!

Какъ съ его высоты постоянно проливается міру свѣтъ, потому что источникъ этого свѣта неисчерпаемъ, такъ, составивъ себѣ такой же его запасъ, да шлетъ его, вмѣстѣ съ тепломъ, во всѣ края міра наша родная Русь, вызывая и поддерживая повсюду свободную, бодрую, разнообразно-прекрасную жизнь!

Ор. Миллеръ.

АССАМБЛЕИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Въ прилагаемой къ настоящей книжкѣ сборника литографіи съ картины художника Хлѣбовскаго, не смотря на простоту сюжета, отражается одно изъ важнѣйшихъ явленій въ исторіи преобразованія Россіи на европейскій образецъ. То, что изображено на этой картинѣ, не могло происходить у насъ ранѣе 1718 года, когда появился указъ Петра Великаго объ «ассамблеяхъ», на которыя, по повелѣнію царя, начали съѣзжаться и сходиться люди «всякихъ чиновъ» обоего пола. Указъ объ ассамблеяхъ произвелъ коренной переломъ и въ домашней и въ общественной жизни нашихъ предковъ и послужилъ первымъ шагомъ къ тому, чтобы и у насъ женщины заняли въ обществѣ то положеніе, какое онѣ занимали въ западной Европѣ. Пренія ихъ затворничество и отчужденность были уничтожены царскою безграничною властію и нарушеніе въ этомъ отношеніи старыхъ обычаевъ вызывало среди русскихъ сдержанный ропотъ, такъ какъ никто не смѣлъ явно ослушаться государева повелѣнія.

Подготовкою къ Петровскимъ ассамблеямъ служили предписанныя Петромъ измѣненія въ одеждѣ его подданныхъ. Такъ, царь повелѣлъ, чтобы съ праздника Богоявленія 1700 года всѣ русскіе, кромѣ духовныхъ лицъ и крестьянъ, носили «венгерское платье»; даже жены солдатъ и стрѣльцовъ должны были надѣть съ этого дня «бостроги» юбки и башмаки нѣмецкіе. 18 февраля 1702 года, появился царскій указъ, чтобы въ торжественныхъ случаяхъ «параднымъ» людямъ подѣ «французскими» кафтанами имѣть золотые камзолы, а чиновнымъ лицамъ, кромѣ такихъ камзоловъ, и самые кафтаны носить съ золотымъ украшеніемъ. Въ первое время по изданіи этихъ указовъ дозволялось донашивать старую одежду, на которую, въ виду этого,

прикладывались казенныя клейма; но въ 1705 году не принимались уже никакія отговорки о донашиваніи стариннаго платья и въ этомъ же году, 16 января, изданъ былъ указъ о бритіи бородъ и усовъ.

Такимъ образомъ, на первыхъ общественныхъ собраніяхъ — «ассамблеяхъ», гости и гостыни явились уже преобразенные на иностранный ладъ, и въ числѣ ихъ были смахивавшіе по внѣшности даже на версальскихъ маркизовъ и маркизъ, — первыхъ щеголей и щеголихъ того времени. Ассамблеи, введенныя Петромъ Великимъ, принадлежали къ разряду зимнихъ увеселеній. Онѣ были учреждены на первый разъ въ Петербургѣ и о времени ихъ открытія объявлялось съ барабаннымъ боемъ на площадяхъ и перекресткахъ. Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами, жившими въ Петербургѣ, безъ соблюденія, впрочемъ, какой либо очереди. Самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ должно было быть первой ассамблеѣ, а затѣмъ дальнѣйшее назначеніе ассамблей зависѣло въ Петербургѣ отъ генералъ-полицеймейстера, а когда онѣ были заведены въ Москвѣ, то назначались тамъ комендантомъ. Прежде, чѣмъ расходились гости на одной ассамблеѣ, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. Не смотря на то, у кого бы ни происходила ассамблея, — хотя бы у самого царя, — входъ на нее былъ доступенъ каждому прилично одѣтому человеку, за исключеніемъ слугъ и крестьянъ. Вслѣдствіе этого на ассамблеи собирались: чиновныя особы всѣхъ ранговъ, приказные, корабельные мастера и иностранные матросы. Каждый могъ являться съ женою и съ домашними. Петръ приглашалъ на ассамблеи и духовныхъ лицъ. Первымъ условіемъ ассамблей государь постановилъ отсутствіе всякаго стѣсненія и

принужденности. Такъ, ни хозяинъ, ни хозяйка, не должны были встрѣчать никого изъ гостей, даже самого государя или государыню и членовъ ихъ семейства. Въ комнатѣ, назначенной для танцевъ, или въ сосѣдней съ нею, должны были быть приготовлены: табакъ, трубки и лучинки для ихъ закуриванія. Здѣсь же стояли столы для игры въ шахматы и въ шашки, но карточная игра на ассамблеяхъ не допускалась. Главнымъ увеселеніемъ на ассамблеяхъ полагались танцы; посредствомъ ихъ должны были сближаться молодые люди и дѣвицы, знакомиться дамы съ мужчинами, а потому въ глазахъ русскихъ стараго покроя танцы казались сперва увеселеніемъ крайне безнравственнымъ: мужья ревновали своихъ женъ къ кавалерамъ, а отцы и матери смотрѣли на танцы, какъ на явный соблазнъ своихъ дочерей. Впрочемъ, и помимо этого, дамы и кавалеры дичились другъ друга, не завязывали между собою разговоровъ и, тотчасъ послѣ каждаго танца, расходились въ разныя стороны. По словамъ одного изъ современниковъ, на ассамблеяхъ «всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и только смотрѣли другъ на друга». Вообще, еслибы на первыхъ порахъ самъ Петръ не присматривалъ за ассамблеями и не распоряжался бы на нихъ своею государскою властью, то онѣ, по всей вѣроятности, не вошли бы въ обычай.

На ассамблеѣ хозяинъ, или хозяйка, или кто нибудь изъ домашнихъ, открывали танцы. Послѣ чего одна или двѣ пары могли танцевать менуэтъ, англесъ, или польскій. При менуэтѣ соблюдалось, однако, правило, чтобы этотъ танецъ могъ начинать не каждый, а только тотъ кавалеръ и та дама, которые первые протанцовали его. Они сами выбирали кого хотѣли продолжать танцы. Если же они не желали продолжать менуэтъ, а желали, послѣ него, танцевать англесъ, или польскій, то объявляли объ этомъ и тогда кавалеры, желавшіе участвовать въ танцахъ, выбирали себѣ дамъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, дамы выбирали кавалеровъ. Такъ какъ на ассамблеяхъ царю полное равенство, то каждый могъ пригласить на танецъ не только самую знатную даму или дѣвицу, но

и государыню и ея дочерей. На ассамблеяхъ всякій былъ воленъ заниматься, чѣмъ ему хотѣлось: ни хозяинъ, ни хозяйка не могли, слѣдуя стариннымъ русскимъ обычаямъ, угощать его. Въ Петербургѣ ассамблеи начинались обыкновенно въ 5 часовъ вечера и оканчивались въ 10 часамъ. Иногда, впрочемъ, развеселившійся государь приказывалъ дамамъ черезъ генералъ-полицеймейстера, оставаться и долѣе положеннаго часа, и, разумѣется, никто не дерзалъ нарушить этого приказанія и, волей-неволей, всѣ должны были танцевать до тѣхъ поръ, пока это было угодно государю. Въ этихъ случаяхъ Петръ, давъ гостямъ нѣкоторое время какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы они, поутихнувъ, подкрѣпились, начиналъ самъ управлять танцами и у великаго человѣка даже и это занятіе шло съ тою же энергіею, съ какою онъ умѣлъ руководить самыми важнѣйшими государственными дѣлами. не щадя при этомъ силъ и не разбирая ни возраста, ни званія своихъ сотрудниковъ и сотрудниковъ.

Принявшись распоряжаться танцами, Петръ начиналъ съ того, что становилъ въ ряды танцующихъ самыхъ дряхлыхъ стариковъ, и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ, составлялся танецъ въ восемь или девять паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами то же самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ, онъ въ танцахъ оказывался большимъ затѣйникомъ и мастеромъ своего дѣла. Берхгольцъ рассказываетъ, что царь выдѣлывалъ такіе «капріолы», которые составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени, а между тѣмъ, набранные имъ старые и даже дряхлые танцоры насилу двигали ноги и кое-какъ дрыгали ими. Царь съ свойственною ему настойчивостію принялся обучать сановныхъ танцоровъ и объявилъ имъ, что выучить ихъ очень скоро. Какъ ни бился, однако, государь, дѣло не шло на ладъ: ученики его, съ подобранными къ нимъ молоденькими дамочками, чуть держались на ногахъ, а неутомимый Петръ прискакивалъ, припрыгивалъ и вертѣлся передъ ними безъ усталости. Старики путались, задыхались, соплѣли и кряхтѣ-

ли; у однихъ изъ нихъ дѣлалась одышка, другіе чувствовали колику, потъ лилъ съ нихъ градомъ, головы кружились, а царь все-таки продолжалъ танцевальный урокъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ не выдержали, повалились на полъ, а другіе, опустившись, присѣли на корточки. Царь, видя это, отступился отъ неспособныхъ своихъ учениковъ и приказалъ каждому изъ нихъ выпить въ наказаніе по большому штрафному бокалу. Отпустивъ стариковъ, государь принялся танцевать съ молодыми и танцевалъ на славу изобрѣтенный имъ самимъ весьма трудный и замысловатый «цѣпной» танецъ—«Kettentanz», какъ называется его Берхгольцъ. Петръ ввелъ также танецъ съ поцалуями. Въ этомъ танцѣ дамы цѣловали кавалеровъ въ губы, тогда, какъ обыкновенно кавалеръ, окончивъ танецъ, отдавалъ почтительный реверансъ своей дамѣ и цѣловалъ у нея руку. Вообще у расходившагося Петра не бывало предѣловъ самой искренней, самой задушевной веселости.

Берхгольцъ передаетъ, что Петръ и Екатерина танцовали очень ловко и очень проворно, какъ самые молодые люди, и успѣвали сдѣлать три круга, тогда какъ другіе не успѣвали окончить еще и первый. Впрочемъ, Екатерина старательно танцевала только съ однимъ государемъ, который, какъ и она, тогда выдѣлывалъ каждое па. Съ другими же кавалерами Екатерина танцевала небрежно; она не вертѣлась, не подпрыгивала, но ходила обыкновеннымъ шагомъ.

Молоденькія дочери Петра танцовали очень охотно, а царевна Прасковья Ивановна танцевала не охотно и не иначе, какъ только по приказанію Петра.

На ассамблеяхъ танцы раздѣлялись на церемоніальные и англійскіе. Намъ не удалось встрѣтить указанія на первые, что же касается такъ называвшихся англійскихъ танцевъ, то они представляли собственно гроссфатеръ: дамы становились по одну сторону, а кавалеры по другую. Музыканты начинали играть нѣчто въ родѣ погребального марша и въ продолженіи этой музыки кавалеры и дамы первой пары дѣлали реверансы своимъ сосѣдямъ и другъ другу,

потомъ брались за руки, дѣлали кругъ влѣво и становились на свое мѣсто. Послѣ первой пары, дѣлали то же самое одна за другою слѣдующія пары и когда всѣ туры оканчивались, музыка начинала играть польскій и тогда начинался оживительный танецъ, рѣзотно, мазурка. На ассамблеяхъ исполняли и слѣдующій танецъ: десять или двѣнадцать паръ танцующихъ связывали себя носовыми платками и каждый изъ танцоровъ долженъ былъ придумывать разныя фигуры. Танцующіе переходили изъ одной комнаты въ другую. Впереди ихъ шелъ одинъ изъ музыкантовъ, наигрывая на скрипкѣ.

Спустя три года по введеніи ассамблей въ Петербургъ, онѣ были заведены и въ Москвѣ. Когда, въ концѣ 1722 г., государь и дворъ пріѣхали въ Москву праздновать Ништадтскій миръ, то по домамъ всѣхъ тамошнихъ нѣмецкихъ купцовъ ходилъ посланный отъ князя Меншикова писецъ, который записывалъ имена и годы молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобъ пригласить ихъ на балъ. Русскихъ дамъ и дѣвицъ на первый разъ не тронули, боясь что такое приглашеніе возбуждаетъ всю Москву, такъ крѣпко державшуюся еще праотеческихъ обычаевъ. Впрочемъ, и нѣмецкое купечество не очень хотѣло знакомиться съ русскою знатью, боясь не столько пренебреженія къ себѣ съ ея стороны, сколько опасаясь такого пира, какой по случаю Ништадтскаго мира былъ заданъ въ Петербургѣ, гдѣ всѣхъ присутствовавшихъ на пиродамъ опои до полусмерти. Состоялся ли предположенный Меншиковымъ балъ—неизвѣстно. Но когда вскорѣ послѣ этого самъ государь назначилъ ассамблею въ селѣ Преображенскомъ подъ Москвою, то туда по его повелѣнію должны были явиться всѣ молодыя московскія дамы и дѣвицы старѣе десяти лѣтъ. Всѣмъ, кто не явится на эту ассамблею, государь грозилъ «страшнымъ наказаніемъ». Особо-назначенные чиновники записывали всѣхъ пріѣзжавшихъ и на первую въ Москвѣ ассамблею набралось до 70 дамъ. Послѣ того ассамблеи повторялись въ Москвѣ нѣсколько разъ. Распоряжался на нихъ Ягужинскій, который, какъ превосходный танцоръ и неутомимый весельчакъ, первенство-

валь и на всѣхъ петербургскихъ танцевальныхъ собраніяхъ, оживляя ихъ своими шутками и управляя танцами. Въ Москвѣ онъ ввелъ штирейскій танецъ съ прыжками и разными затѣйливыми «узорчатыми» фигурами.

Независимо отъ обязательныхъ ассамблей, московскіе нѣмцы устраивали, въ честь прибывшаго съ государемъ молодого герцога Голштинскаго, танцевальные вечера безъ участія русскихъ и нелзя—замѣчаетъ Берхгольцъ—вообразить, до какой степени московскія нѣмки любили танцы. Собирались онѣ рано вечеромъ и оканчивали плясать только утромъ на другой день. Въ Москвѣ давалъ балы и голландскій резидентъ; на нихъ исключительно собирались иностранцы и иностранки.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы на воды, въ Олонецъ, Петръ приказалъ, чтобы въ Москвѣ у знатныхъ лицъ были по очереди открытыя собранія три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Собранія эти должны были быть точно такія же, какъ ассамблеи въ Петербургѣ. Наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія императоръ поручилъ Ягужинскому, который, какъ исполнительный царскій слуга, да и самъ чрезвычайный любитель развлеченій, не преминулъ исполнить данное ему приказаніе безъ малѣйшаго послабленія. Ассамблеи шли своимъ чередомъ, но въ Москвѣ проявлялась при этомъ особенность, какой не существовало въ Петербургѣ, а именно: чванство ввело въ Москвѣ обычай пріѣзжать на ассамблеи тремя-четырьмя часами позже назначеннаго времени и Ягужинскій долженъ былъ пустить въ ходъ угрозу отъ царскаго имени, чтобъ отучить московскихъ барынь отъ такой неаккуратности.

Кромѣ ассамблей, при Петрѣ Великомъ были у насъ введены и маскарады; увеселенія эти были уже описаны много разъ и притомъ такъ подробно, что излишне было бы говорить о нихъ. Маскарады были одною изъ любимыхъ потѣхъ Петровскаго времени и устройствомъ ихъ царь занимался такъ же заботливо, какъ и устройствомъ ассамблей. Для публики, обязанной являться на маскарады, они не только обходились дорого,—

по необходимости приготовить предписанные заранее костюмы,—но и были крайне стѣснительны. Такъ участвовавшія въ маскарадѣ дамы должны были являться за нѣсколько дней до маскарада въ кофейню, гдѣ назначенныя государемъ лица осматривали ихъ костюмы и, если находили что нибудь не такъ, то заставляли перешивать и передѣлывать. Маскарады продолжались большею частью по нѣсколько дней сряду и происходили обыкновенно на улицахъ, чтобъ доставить даровое зрѣлище всему народу. Въ продолженіи маскараднаго времени ношеніе масокъ было до такой степени обязательно, что, напримеръ, при маскарадѣ, бывшемъ 11 февраля 1724 года въ Петербургѣ, сенаторамъ приказано было не снимать масокъ и во время утренняго ихъ засѣданія въ сенатѣ.

Къ числу общественныхъ увеселеній, явившихся у насъ со времени Петра Великаго, должно отнести и концерты. Впервые завелъ ихъ въ Петербургѣ прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ; онъ превосходно игралъ на лютнѣ и публика имѣла право приходить въ назначенные часы въ домъ барона-дипломата и слушать его музыкальныя упражненія. Концертныя собранія бывали тоже у графа Бассевича, голштинскаго министра, долго проживавшаго въ Петербургѣ. На вечерахъ у барона Строгонова являлось до 20 дѣвушекъ-вышивальницъ съ арфами, подъ аккомпаниментъ которыхъ онѣ пѣли русскія пѣсни. На ассамблеяхъ же играли преимущественно шведскіе плѣнные, составившіе изъ себя довольно хорошій по тому времени оркестръ. Иногда являлись туда двѣнадцать волторнистовъ герцога Голштинскаго, славившихся въ Петербургѣ своею отличною игрою. У Екатерины былъ собственный ея оркестръ, составленный изъ хорошихъ вольнонаемныхъ музыкантовъ, которые обязаны были, играя при дворѣ, носить красивые костюмы. Собственный оркестръ содержала также и княгиня Марья Юрьевна Черкасская, рожд. кн. Трубецкая, вторая жена князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, бывшаго потомъ канцлеромъ. На ассамблеяхъ у людей небогатыхъ игралъ иногда одинъ скрипачъ, а иногда казакъ на бандурѣ.

Древняя и Новая Россия, 1877 г.

Доволено цензурою. 20 Декабря 1876

Хромолитографія В. И. Грацианскаго, С.П.Б. Невскій, 46

Digitized by Google

Если въ каждомъ дѣлѣ бываетъ труденъ только первый шагъ, то эта справедливая поговорка примѣняется какъ нельзя болѣе къ введенію у насъ танцевъ при Петрѣ Великомъ. Съ перваго разу это нововведеніе было встрѣчено весьма непріязненно, но потомъ танцы полюбили русскіе дамы и охота къ этому увеселенію распространялась все болѣе и болѣе, такъ что уже въ царствованіе Екатерины I оказывалось ненужнымъ участіе верховной власти и мѣстныхъ начальствъ въ устройствѣ ассамблей, а неумѣніе танцевать считалось уже въ эту пору недостаткомъ образованія. Танцевальное искусство распространяли у насъ плѣнные шведы и заѣзжіе поляки, въ особенности же первые.

Само собою разумѣется, что явившіяся въ первое время на ассамблеи наши боярыни и боярышни были и смѣшны и неуклюжи. Затянутыя въ крѣпкіе корсеты, съ огромными фигурами, въ башмакахъ на высокихъ—въ полтора вершка—каблукахъ, съ пышно-расчесанною и, большею частію, напудренною прическою, съ длинными «шлѣпами» или шлейфами, онѣ не умѣли не только легко и граціозно вертѣться въ танцахъ, но и не знали, какъ имъ стать и сѣсть. Кавалеры были тоже подѣ-стать дамамъ и ихъ, при чрезвычайной неловкости, крайне стѣсняла одежда: шитые кафтаны, съ твердыми какъ желѣзные листы широкими фалдами, узкіе панталоны, плотно натянутые чулки съ подвязками, тяжелые башмаки, висѣвшія при боку шпаги, перчатки вмѣсто дѣдовскихъ рукавицъ и такъ называвшіеся аллонжевые (allongés) парики съ длинными завитыми въ булки волосами. Но мало-по-малу всѣ привыкали къ новымъ костюмамъ, казавшимся неудобными только на первыхъ порахъ, и слѣдующіе за тѣмъ поколѣнія уже совершенно освоились съ ними.

Что касается нарядовъ, то русскіе съ перваго жеразу обнаружили прирожденную имъ любовь къ тяжелой роскоши хотя бы и на европейскій ладъ. Дамы являлись на ассамблеи въ дорогихъ бархатныхъ, парчевыхъ и шелковыхъ робахъ, одѣланныхъ дорогими заграничными кружевами, отягченныя жемчугомъ и брилліантами, кото-

т. I. 77.

рые блистали у нихъ не только въ волосахъ и на корсажахъ, но и на юбкахъ ихъ платьевъ. Вообще петербургскія дамы чрезвычайно любили драгоценные камни и старались перещеголять ими одна другую.

Румяны и бѣлила были въ большомъ употребленіи, и Берхгольцъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что всѣ петербургскія дамы такъ хорошо умѣютъ раскрашивать себя, что въ этомъ отношеніи мало чѣмъ уступаютъ француженкамъ. Главною заботою дамъ, ѣздившихъ на ассамблеи, была прическа; на нее не было тогда постоянной моды и не только каждый годъ, но и каждое собраніе прическу то повышали, то понижали; то пудрились, то нѣтъ. Мужчины являлись на ассамблеи въ бархатныхъ и матерчатыхъ кафтанахъ, расшитыхъ по бортамъ и серебромъ и золотомъ. Императрица пріѣзжала на ассамблеи роскошно разодѣтая, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ и пажей, одѣтыхъ въ суконные зеленые мундиры съ красными отворотами и съ золотыми галунами по всѣмъ швамъ. Одинъ только государь сохранялъ обычную простоту во всей обстановкѣ, пріѣзжая на ассамблеи въ крытой одноколкѣ и въ сопровожденіи только дежурнаго деньщика. Мы сказали, что Петръ былъ охотникъ и мастеръ танцевать, но въ танцы онъ пускался не всякій разъ: это зависѣло отъ расположенія его духа. Большею частію онъ только открывалъ съ государынею балъ «нѣмецкимъ танцемъ» и послѣ того удалялся къ мужчинамъ и пускался съ ними въ дѣловой разговоръ, или садился играть въ шахматы, или въ шашки, покуривая коротенькую голландскую трубку съ крѣпкимъ кнастеромъ.

Изъ русскихъ дамъ большого свѣта, блиставшихъ при самомъ возникновеніи у насъ общественной жизни, первую считалась княгиня Валахская, вторая жена бывшаго господаря князя Дмитрія Кантемира, рожденная княжна Трубецкая. По словамъ Берхгольца, она поражала красотой и стройностью стана. Княгиня была высокая блондинка, и у ней на вѣкъ лѣваго глаза было черное пятно, которое, однако, не портило ее, но напротивъ, походя на черную мушку, придавало какую-то странную особен-

11

ность прелестному лицу. У нея были прекрасныя руки и чудный цвѣтъ лица, который, къ сожалѣнію, она, слѣдую тогдашней модѣ, портила бѣлилами и румянами. Въ числѣ самыхъ хорошенькихъ дамъ того времени считалась также молоденькая жена кабинетъ-секретаря Макарова. Изъ дѣвицъ обращали не себя особое вниманіе прехорошенькая княжна Щербатова и двѣ дочери канцлера графа Головкина, обѣ очень миленькія дѣвушки. Старшая изъ нихъ была высока ростомъ, прекрасно сложена и хотя была нѣсколько рябовата, но это нисколько не вредило ей миловидности. Она была извѣстна любезностію своего обращенія и среди тогдашнихъ петербургскихъ дамъ и дѣвицъ считалась первою танцоркою. Кромѣ ихъ, обѣ, подроставшія еще, дочери Петра Великаго — Анна и, въ особенности, Елизавета, общали сдѣлаться замѣчательными красавицами. Въ числѣ хорошенькихъ дѣвушекъ считалась также княжна Черкасская и княжна Долгорукова, будущая невѣста императора Петра II, а въ числѣ дамъ Румянцева, съ которой любилъ предпочтительно танцовать Петръ Великій и которой привелось танцовать съ пятью слѣдовавшими одно за другимъ поколѣніями, такъ какъ Румянцева — одна изъ первыхъ и по времени и по искусству танцорокъ въ Россіи — танцевала въ послѣдній разъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ съ наследникомъ престола, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

Изъ мужчинъ, при учрежденіи ассамблей, особенно отличались въ танцахъ: самъ ихъ учредитель — царь Петръ Алексѣевичъ, Ягужинскій, графъ Бассевичъ; австрійскій посланникъ графъ Кинскій, — люди болѣе или менѣе зрѣлыхъ уже лѣтъ, а изъ молодыхъ кавалеровъ: князя Трубецкой и Долгорукіе и графъ Головкинъ, сынъ канцлера.

Съ учрежденіемъ ассамблей, женщина стала являться у насъ въ положеніи, отличномъ отъ прежняго. Теперь она, вмѣсто смиренной и молчаливой хозяйки дома, подносящей гостю съ глубокими поклонами чарку водки, являлась царицею празднества. При Петрѣ было введено, чтобы хозяинъ, во время бала, подносилъ букетъ цвѣтовъ, живыхъ или искусственныхъ, той дамѣ,

которую онъ хотѣлъ отличить. Дама эта распорядилась танцами и въ концѣ бала торжественно отдавала букетъ тому изъ кавалеровъ, въ домъ котораго она хотѣла танцовать слѣдующій разъ. Избранный, такимъ образомъ, кавалеръ, наканунѣ назначеннаго имъ бала, долженъ былъ послать почтившей его дамѣ въерь, пару перчатокъ и букетъ цвѣтовъ.

Одною изъ главныхъ цѣлей Петра Великаго при учрежденіи ассамблей была — соединять все русское общество въ одинъ кружокъ, сблизить русскихъ съ иностранцами и уничтожить ту московскую разрозненность, одною изъ причинъ которой была боярская спѣсь. Послѣднее, однако, особенно не удалось Петру Великому, такъ какъ, съ самаго своего возникновенія, русское общество раздѣлилось на особые кружки, члены которыхъ примыкали одинъ къ другому, сообразно ихъ знатности и богатству. Точно также не могъ одолѣть Петръ и отчужденности русскихъ отъ иностранцевъ, которая на ассамблеяхъ выражалась, между прочимъ, тѣмъ, что русскія дамы выбирали себѣ кавалеровъ только изъ русскихъ, обходя иностранцевъ, чѣмъ эти послѣдніе очень обижались. Нѣкоторые, однако, изъ русскихъ дамъ были чрезвычайно любезны и съ иностранцами, и Берхгольцъ говоритъ о нихъ, что онѣ мало чѣмъ уступали французкамъ и нѣмкамъ въ обращеніи и свѣтскости, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣли даже надъ ними и преимущество.

Ошибочно было бы думать, что ассамблеи временъ Петра отличались тою утонченностію обстановки, которою вскорѣ послѣ него, на примѣръ, уже при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, отличались у насъ собранія высшаго круга. Въ первую пору дѣлалось все проще: въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали и ужинали, слуги, убравъ столы, подметали полъ вѣниками, раскрывали зимою окна, чтобы провѣтрить комнату, пропитанную запахомъ кушаньевъ и прокопченную кнастеромъ, и затѣмъ, въ той же самой комнатѣ, пышно-разодѣтые кавалеры и дамы принимались за танцы, которые и длились иногда часовъ шесть или семь сряду. Это происходило отъ тѣсноты тогдашнихъ петербургскихъ

помѣщеній, почему во время баловъ не было общаго для всѣхъ ужина, но гости дѣлились на двѣ группы, и въ то время, когда одна группа ужинала, другая танцевала.

Кромѣ этихъ неудобствъ, Петровскія ассамблеи отличались попойками, и спиваніе не только мужчинъ, но и дамъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Берхгольцъ, камеръ-юнкеръ герцога Голштинскаго, описывая бывшія въ его время увеселенія въ Петербургѣ, безпрестанно, по поводу ихъ, замѣчаетъ: «сильно пили», а въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что онъ, «послѣ вчерашняго опьяненія, былъ при смерти боленъ». Бассевичъ, послѣ хорошей выпивки, не могъ иногда поправиться даже и на третій день. «Тайные совѣтники» герцога Голштинскаго крѣпко пили, да и его свѣтлость герцогъ, двадцати-четыrehлѣтній юноша, напивался при дамахъ на ассамблеяхъ такъ сильно, что едва стоялъ на ногахъ. Все это показываетъ, что напрасно однимъ только русскимъ ставить въ упоръ невоздержное пьянство. Оно господствовало тогда во всей Европѣ и даже гораздо позднѣе въ Вѣнѣ, на балахъ при дворѣ императрицы Маріи-Терезіи, были страшныя попойки, такъ что придворный въ ея время балъ считался благополучно оконченнымъ, если на немъ произошло небольшое число скандаловъ.

На Петровскихъ ассамблеяхъ пили лихо и даже главный ихъ распорядитель, Ягужинскій, нагружался жертвцами, заводя при своемъ за-
дорномъ нравѣ, ссоры и даже драки. Князь

Меньшиковъ напился разъ до того, что упалъ за-мертво, такъ что пришлось подавать ему врачебную помощь. Грубость нравовъ начала, однако, исчезать мало-по-малу, чему въ особенности способствовало присутствіе дамъ въ мужскомъ обществѣ, и въ царствованіе императрицы Елизаветы ассамблеи переродились у насъ въ такія балы, которые, по ихъ приличію и даже чопорности, мало чѣмъ уступали изящнымъ Версальскимъ собраніямъ.

Великія государственныя дѣянія Петра I вдохновляли болѣе или менѣе удачно и русскихъ и иноземныхъ живописцевъ. Художникъ Хлѣбовскій избралъ для себя скромную тему, изобразивъ на своей картинѣ царя дружески бесѣдующимъ съ какимъ-то корабельнымъ мастеромъ во время ассамблеи. Моментъ этотъ и обстановка, окружающая царя, исторически вѣрны, но художникъ не отдался бы нисколько отъ исторической истины, еслибы изобразилъ слишкомъ пятидесятилѣтняго «Полтавскаго побѣдителя», окруженнаго роемъ хорошенькихъ и молоденькихъ женщинъ, а также и сонмомъ дряхлыхъ сановниковъ, передъ которыми государь, не смотря на его гигантскій ростъ, выдѣлывалъ бы самыя затруднительныя задачи танцевальнаго искусства. Такое изображеніе Петра Великаго было бы сходно съ дѣйствительностію, потому что онъ всегда держался мнѣнія своего отца, царя Алексѣя Михайловича, который находилъ, что «время дѣлу и потѣхи часть»...

Е. Карновичъ.

(1692 —)

АРТЕМІЙ ПЕТРОВИЧЪ ВОЛЫНСКІЙ*).

(БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Продолженіе моей монографіи о Волынскомъ появляется ровно годъ спустя послѣ ея начала. Въ объясненіе такого замедленія моей работы считаю своею обязанностію довести до свѣдѣнія читателей «Древней и Новой Россіи», что еще въ іюлѣ прошлаго 1876 года III-я и IV-я главы были набраны. Причины, побудившія меня задержать такъ долго ихъ печатаніе, слѣдующія. Въ августѣ 1876 года я былъ въ Петербургѣ, гдѣ просмотрѣлъ нѣкоторые изъ тѣхъ печатныхъ источниковъ и пособій для біографіи Волынскаго, которыхъ у меня не было подъ рукою въ Казани, и, благодаря просвѣщенному содѣйствію академика А. О. Бычкова, получилъ возможность воспользоваться неизданными письмами Волынскаго къ Петру Великому, Екатеринѣ I-й и кабинет-секретарю Макарову 1719—1721 гг. Любопытныя данныя, заключающіяся въ этихъ письмахъ, заставили меня вновь просмотрѣть III-ю и IV-ю главы и во многомъ ихъ дополнить и измѣнить. Эту работу я могъ окончить только къ концу 1876 года.

Принося глубокую и искреннюю благодарность А. О. Бычкову, я считаю необходимымъ возобновить въ памяти читателей «Древней и Новой Россіи» главнѣйшіе факты изъ начала біографіи Волынскаго, находящіеся въ двухъ первыхъ главахъ моего очерка, и сказать нѣсколько словъ по поводу портрета А. П., прилагаемаго къ настоящей книгѣ сборника.

А. П. Волынский р. въ 1692 году, но гдѣ — неизвестно. Его родиной, по нѣкоторымъ соображеніямъ, могла быть или Москва, или одна изъ деревень его отца въ Пензенскомъ уѣздѣ. Онъ производилъ свой родъ отъ южнорусскаго выходца Волынскаго-Боброва, героя Куликовской битвы, но предки А. П. по прямой линіи начинаютъ возвышаться въ служебныхъ чинахъ только съ начала XVII в. Отецъ его, Петръ Артемьевичъ, былъ стольникомъ и умеръ послѣ 1712 года. Петръ Артемьевичъ былъ женатъ два раза, но на комъ — неизвестно; вторая его жена, мачиха А. П., была женщина сварливого и капризнаго нрава, что, по всей вѣроятности, и побудило Петра Артемьевича отдать сына на воспитаніе къ своему родственнику Семену Андреевичу Салтыкову, имѣвшему впоследствіи вліяніе на служебную карьеру А. П.

По всей вѣроятности, среди чванливо-боярскаго склада жизни въ домѣ Салтыкова, у А. П. разви-

лись тѣ инстинкты родовитости и барства, которые впоследствии доросли до чудовищныхъ размѣровъ.

Въ 1704 году А. П. былъ зачисленъ солдатомъ въ драгунскій полкъ и продолжалъ свою службу весьма удачно. Въ 1711 г. онъ былъ уже ротмистромъ, вращаясь въ кругу приближенныхъ къ Петру В. лицъ и заслуживъ расположеніе самого царя. Состоя при Шафировѣ, онъ раздѣляетъ съ нимъ плѣнъ въ Константинополѣ въ 1712 году, а въ слѣдующемъ году посылается отъ него курьеромъ къ Петру В. съ мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ Адрианополѣ. Въ 1715 г. А. П., уже подполковникъ, назначается въ Персію «въ характерѣ посланника». Это назначеніе служить лучшимъ доказательствомъ довѣрія къ Волынскому Петра В., котораго весьма серьезно занимала мысль объ открытіи черезъ Персію удобнаго торговаго пути въ Индію.

Совершенно незнакомый съ «Персидой» въ 1715 г., Волынский изучилъ ее основательно въ три года и весьма умно и тщательно выполнилъ царскую инструкцію. Письма Волынскаго изъ Персіи и дневникъ его путешествія въ эту страну, веденный его домашнимъ врачомъ, англичаниномъ Дж. Велл-д'Антермони, выставляютъ Волынскаго тонкимъ наблюдателемъ и весьма искуснымъ дипломатомъ. Эти же источники сообщаютъ намъ весьма несимпатичныя качества нравственной природы А. П.: корыстолюбіе и самодурство, качества, которыя, впрочемъ, не принадлежатъ къ его индивидуальнымъ особенностямъ, а составляютъ общіе пороки общества и эпохи, среди которыхъ жилъ Волынский.

А. П. возвратился изъ Персіи въ самомъ концѣ 1718 г., заключивъ съ эхтиматъ-девлемомъ (первымъ министромъ) шаха Гуссейна весьма выгодный для Россіи торговый договоръ и разузнавъ о Персіи все, что было нужно Петру В. Факты, добытые Волынскимъ, дѣлали невозможнымъ исполненіе мысли Петра о торговлѣ съ Индіей черезъ Персію, но зато они же представляли состояніе Персидскаго государства въ такомъ положеніи, при которомъ царю было весьма удобно завладѣть персидскими областями, прилегающими къ Каспійскому морю, и этимъ завоеваніемъ обезпечить безопасность русскихъ юговосточныхъ границъ, что, само собою, упрочивало и русскую торговлю съ Востокомъ и политическія отношенія Россіи къ Турціи.

*) I и II гл. см. «Др. и Нов. Россія» 1876 г., т. I-й, с. 45—60.

Артемій Петрович Волинскій.

По фотографіи г. Лушева, съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ 1870 г.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ, Т. I, 1877 г

Дозволено цензурою. Спб., 19 іюля 1876 г.

Литографія В. Граціанскаго, Невскій, 46.

Петръ В. остался весьма доволенъ результатами посольства Волынскаго. Онъ произвелъ А. П. въ полковники и ген.-адъютанты и назначилъ губернаторомъ во вновь учрежденную Астраханскую губернію.

Теперь нѣсколько словъ о портретѣ А. П. Волынскаго.

Этотъ портретъ принадлежитъ г. Трегубову и былъ имъ доставленъ на историческую выставку портретовъ, устроенную въ 1870 году, въ Петербургъ, Обществомъ Поощренія Художниковъ, подъ именемъ портрета П. И. Ягужинскаго (см. каталогъ выставки, № 162). По ближайшемъ разсмотрѣніи портрета распорядителями выставки, оказалось, что на портретѣ изображенъ не Ягужинскій, а Волынскій, но такъ какъ каталогъ былъ уже отпечатанъ, то сдѣланную въ немъ ошибку пришлось оставить безъ исправленія. Составитель каталога, почтенный изслѣдователь русской старины П. Н. Петровъ, сообщилъ редакціи «Древней и Новой Россіи», по ея просьбѣ, основанія, по которымъ портретъ, доставленный г. Трегубовымъ, изо-

бражаетъ несомнѣнно Волынскаго. Главнѣйшія изъ этихъ основаній суть слѣдующія:

На портретѣ представленъ довольно красивый мужчина среднихъ лѣтъ, въ бархатномъ кафтанѣ, сидящій у стола, на которомъ лежатъ разныя бумаги и между ними развернутое письмо съ сохранившимися на половину адресомъ: «Нашему . . . министру на конгрессъ въ Немировъ . . . ынскому».

Въ 1737 году, на Немировскомъ конгрессѣ, о которомъ читатели найдутъ въ дальнѣйшемъ изложеніи біографіи Волынскаго подробныя свѣдѣнія, русскими министрами были: Волынскій, Шафировъ и Неплюевъ, Ягужинскій же умеръ въ началѣ 1736 года.

На выставкѣ 1870 года находились прекрасно сохранившіеся и вполне достоверные экземпляры портретовъ Шафирова и Неплюева, нисколько не схожіе съ неизвѣстнымъ, доставленнымъ г. Трегубовымъ подъ именемъ Ягужинскаго, фамилія котораго никогда и нигдѣ не писалась «Ягужинскій».

III.

Русская юговосточная окраина и Астрахань въ началѣ XVIII в. — Учрежденіе Астраханской губерніи. — Назначеніе Волынскаго губернаторомъ въ Астрахань и его административная и дипломатическая дѣятельность въ Астраханской губерніи. — Отношенія Волынскаго къ Монсу и царю Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Русская юговосточная окраина въ XVIII вѣкѣ шла по сѣверному побережью Каспійскаго моря и низовьямъ Волги, разстилаясь громадною степью отъ Терека до Яика (Урала) и отъ Астрахани до Саратова. Эта степь служила привольнымъ кочевьемъ для разныхъ азіатскихъ ордъ, смѣнившихъ собою въ XVII — XVIII вѣкахъ печенѣговъ, половцевъ, монголовъ, которые проходили сѣвернымъ берегомъ Каспія еще въ первыхъ вѣкахъ нашей исторіи. Волга, «рѣка многоводная», перерѣзывая степь съ сѣвера къ югу, съ давнихъ поръ открывала удобный путь въ Каспійское море и привлекала къ себѣ русскихъ кочевниковъ: «ушкуйниковъ», «голутвенныхъ людей», «понизовую вольницу». Въ началѣ XVIII вѣка были еще всѣмъ памятны удалые подвиги Разина, этого прообраза-богатыря голытьбы Поволжской. Осѣдлое русское населеніе тянулось узкой и длинной полосой по Волгѣ и ея притокамъ, разбѣщаясь въ разбросанныхъ другъ отъ друга на сотни верстъ го-

родахъ, острогахъ и острожкахъ, которые являлись микроскопическими островами въ этомъ степномъ морѣ. Осѣдлое населеніе должно было постоянно отбиваться отъ азіатскихъ кочевниковъ своихъ непрошенныхъ гостей-удальцевъ¹⁾.

Населеніе русской юговосточной окраины начала XVIII вѣка представляло толпу очень пеструю, очень разнохарактерную, заключавшую въ себѣ образцы племенъ и народовъ «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды».

Инородческое населеніе степи состояло изъ остатковъ татаръ Астраханскаго царства и новыхъ кочевниковъ, являвшихся въ край послѣ паденія этого царства. Калмыки были самымъ многочисленнымъ и сильнымъ народомъ изъ инородцевъ; съ XVII вѣка они кочевали отъ рѣки Яика, по лѣвому берегу Волги, переходя и на правый ея берегъ, а за ними, далѣе на востокъ, шли кочевья киргизъ-кайсаковъ и каракалпачковъ. Всѣ эти инородцы часто опустошали Поволжье грабежами, доходя до Пензы,

¹⁾ Подробности о русскихъ поселеніяхъ въ нижнемъ Поволжьи въ XVIII в. см. въ книгѣ Кириллова: «Прѣтущее состояніе рос. госуд.», II, 127—129 и въ «Атласѣ

російскомъ», изд. Акад. Наукъ, Спб. 1745 г., т. IX, также въ статьѣ Ешевскаго: «Русская колонизація сѣверовосточнаго края», В. Е. 1866, т. I, с. 255—258.

Самары и Казани ²⁾. Калмыками правилъ въ разсматриваемое нами время умный и ловкій ханъ Аюка, идеаль правителя хищнической орды. Принявши русское подданство въ 1670 году, Аюка не разрывалъ связи съ калмыками, кочевавшими въ Средней Азии, и, вмѣстѣ съ каракалпаками, башкирами и другими инородцами, нападалъ на русскихъ колонистовъ по Волгѣ. Онъ помогалъ Разину въ его повстаніи и принималъ участіе въ различныхъ грабежахъ русской понизовой вольницы. Аюка пять разъ присягалъ въ вѣрности русскому правительству и пять разъ нарушалъ свои присяги. Онъ распространялъ оружіе на Крымъ, Прикавказье и Среднюю Азію; онъ успѣшно воевалъ съ ногайцами, кубанцами, киргизами, каракалпаками и бухарцами, подчинилъ себѣ туркменовъ и заключалъ договоры съ кумыками и лезгинами. При немъ жили въ услуженіи кубанскіе, киргизскіе и хивинскіе султаны. Вліяніе Аюки распространялось на всѣ инородческія племена, жившія на западномъ и восточномъ берегахъ Каспійскаго моря и въ Средней Азіи ³⁾.

Югозападные и южные сосѣди Каспійскаго побережья, татарскія и горскія племена, полуподчиненныя Турціи и Персіи: кубанцы, кумыки, тарковцы, кабардинцы, лезгины и жители поселенія Эндери ⁴⁾—не отставали отъ калмыковъ и ихъ заяицкихъ сосѣдей, постоянно нападая на русскіе Поволжскіе города.

Помѣщичьи и монастырскіе крестьяне изъ разныхъ мѣстъ Великороссіи, спасавшіеся здѣсь отъ тягостей владѣльческихъ и государевыхъ, раскольники, убѣжавшіе на Волгу отъ Никоновыхъ и Петровыхъ «новшествъ», стрѣльцы, сосланные изъ Москвы, казаки, рейтары и драгуны, служилые люди разныхъ наименованій, бѣглецы съ Дона, остатки Разинскихъ и Булавинскихъ удалцевъ—таковы были представители русскаго населенія нижняго Поволжья.

²⁾ Комарова: «Персидская война 1722—1725 г.», Р. В. 1867 г., т. 68, с. 562.

³⁾ Баронъ Вюлеръ: «Кочующіе и осѣдло-живущіе въ Астраханской губ. инородцы», ст. 1-я. О. З. 1846 г., т. 47, отд. II, с. 17 и слѣд. — Поповъ: «Татищевъ и его время», с. 241—245.

⁴⁾ Эндери, по-русски Андреевская деревня, была заселена сбродомъ разныхъ національностей. Въ этомъ по-

Въ главномъ городѣ степи — Астрахани соединялись всѣ радужные цвѣта пестраго населенія юговосточной русской окраины. Давнишній центръ нашей восточной торговли съ Персіей, Индіей и Бухарой и главный пунктъ защиты отъ набѣговъ чужихъ и своихъ, Астрахань начала XVIII вѣка представляла этнографическій калейдоскопъ, въ которомъ русскій элементъ поглощался Востокомъ. На торговыхъ площадяхъ Астрахани и въ ея каравансараяхъ толпились: персіане, армяне, индѣйцы, бухарцы, туркмены, калмыки, татары, турки, жида, цыгане, грузины, разные горскіе народы, русскіе, англичане, нѣмцы, голландцы, французы. Западные европейцы, по своимъ профессіямъ, представляли здѣсь очень пестрый и случайный сбродъ; то были: торговцы, миссіонеры — монахи разныхъ католическихъ орденовъ, и люди разныхъ специальностей, случайно оставшіеся въ Астрахани изъ свиты путешественниковъ и пословъ, проѣзжавшихъ Волгой и Каспійскимъ моремъ въ Персію, Бухару и Индію ⁵⁾. Голландскій путешественникъ и живописецъ де-Бруинъ, посѣтившій Астрахань въ 1703 году, оставилъ намъ описаніе и изображеніе этого оригинальнаго города, съ его разнохарактернымъ населеніемъ, восточными постройками и виноградными и фруктовыми садами. Только православныя церкви убѣждали иностранца, что онъ находится въ предѣлахъ Русскаго царства, а не въ какомъ нибудь Ура-Тюбѣ или Джизагѣ ⁶⁾.

При сбродномъ и разнохарактерномъ населеніи юговосточной русской окраины XVIII вѣка, трудно было установиться благоустройству и благочинію въ этой окраинѣ даже въ рукахъ бдительной и искусной администраціи; но, при отсутствіи въ администраціи не только бдительности и искусства, но даже всякаго порядка, —

селеніи жили, между прочимъ, и русскіе — Некрасовцы, убѣжавшіе съ Дона, послѣ Булавинскаго бунта.

⁵⁾ М. Рыбушкинъ: «Записки объ Астрахани». Москва, 1841 г., с. 56—74. О католическихъ монахахъ въ Астрахани см. біографію Тредьяковскаго, въ Ист. Акад. Наукъ Пекарскаго, т. II, с. 3.—Въ 1720 г. капуцинъ, патеръ Антоній, построилъ въ Астрахани, съ дозволенія губернатора Волынскаго, деревянную церковь въ армянской слободѣ.

⁶⁾ Путеш. Корн. де-Бруина, перев. П. Барсова. Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1872 г., кн. III, отд. IV, стр. 185—203. Видъ Астрахани, снятый де-Бруиномъ, прилагается къ настоящей статьѣ.

край этотъ страдалъ окончательно. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова «большимъ мѣстомъ» Россіи. Низовымъ воеводамъ и оберъ-комендантамъ было не привыкать стать къ восточному порядку веденія дѣлъ, и они правили краемъ совершенно самовольно, по образу и подобию восточныхъ сатраповъ и пашей. Петръ Великій не любилъ такого восточнаго способа управленія, что доказалъ потомству весьма наглядно, взыскавъ на висѣлицу Сибирскаго губернатора князя Гагарина. Но, — «грозенъ царь, да милостивъ Богъ» — утѣшалъ себя воевода и ловилъ рыбу въ мутной водѣ, пользуясь дикостью инородцевъ и русскихъ проходимцевъ. «До Бога высоко, до царя далеко» — этотъ исконный морально-политическій принципъ захолустныхъ русскихъ администраторовъ, служилъ, по мнѣнію низовыхъ воеводъ, оправданіемъ ихъ произвола и беззаконія. Низовые города, въ началѣ XVIII вѣка, входили въ составъ Казанской губерніи, которая заключала въ себѣ въ то время всѣ земли двухъ татарскихъ царствъ — Казанскаго и Астраханскаго. Отъ Астрахани до Казани, гдѣ жили главные начальники Астраханскихъ и другихъ низовыхъ городовъ, Казанскіе губернаторы, было очень далеко, а до царя — еще дальше. «Здѣсь иное государство, а не Россія» — писалъ объ Астрахани Волынский Шафирову, на возвратномъ пути своемъ изъ Персіи — «понеже, что государю и государству противно, то здѣсь пріятно и такіа дѣла дѣлаются, что и слышать странно» ⁷⁾.

Въ 1715—1719 годахъ правилъ Астраханью оберъ-комендантъ Чириковъ, старый служака, типическій представитель низовыхъ воеводъ того времени. Низкопоклонный и богомольный, онъ нарушалъ весьма усердно воеводскій наказъ: торговалъ лично отъ своего имени и черезъ подставныхъ лицъ, пересылая въ Персію свинецъ, соколовъ и кречетовъ, — что было запрещено; бралъ посулы отъ откуповъ и отъ прочихъ дѣлъ, клалъ въ карманъ податныя деньги, вымѣнивалъ на русскихъ людей лошадей изъ-за Кубани, притѣснялъ калмыковъ ⁸⁾. Другіе

«начальные люди» въ Астрахани являлись совершенными самодурами. До насъ дошли извѣстія о поступкахъ образованнаго человека начала XVIII вѣка, поручика Кожина, посланнаго Петромъ въ Астрахань для описанія Каспійскаго моря. Какъ-то разъ солдаты команды Кожина подрались съ солдатами полковника Селиванова. Кожинъ велѣлъ своимъ солдатамъ бить и рубить Селивановскихъ солдатъ и полковника вытащить изъ дому. Въ дракѣ два человека были убиты. Тотъ же Кожинъ ѣздилъ на святкахъ славить въ дома Астраханскихъ обывателей на верблюдахъ и на свиньяхъ и пріѣхалъ на свиньяхъ къ Бухарскому посланнику, который принялъ это за большое себѣ оскорбленіе ⁹⁾.

Весьма своеобразно относились къ своей обязанности и главные начальники низовыхъ воеводъ, Казанскіе губернаторы. Казанскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, отправляясь въ походъ за Кубань въ 1711 году, печалился, не зная, кому поручить Казань въ свое отсутствіе? въ Царицынѣ онъ вспомнилъ о своемъ четырехмѣсячномъ сынѣ и послалъ въ Казань указъ, что оставляетъ этого сына на мѣстникѣ своимъ, а по малолѣтству его опредѣлилъ къ нему старыхъ своихъ слугъ, которымъ приказалъ его именемъ всякія дѣла справлять. Указъ свой онъ приказалъ прочесть при собраніи Казанскихъ жителей на публичномъ мѣстѣ, въ присутствіи сына, котораго велѣлъ при этомъ держать подъ одѣяломъ. «А какъ онъ самъ въ Казань возвратился — читаемъ въ официальномъ актѣ, — такъ того сына своего приказалъ мамѣ вынести подъ одѣяломъ въ палату, гдѣ множество людей было, и благодарилъ за мудрые его поступки, а онъ сталъ плакать, и ближній бояринъ Апраксинъ ко всѣмъ людямъ молвилъ тако: «вотъ-ста смотрите, какое у меня умное дитя: обрадовался мнѣ да и плакать сталъ»; и люди ему отвѣтствовали: «весь, государь, въ тебя». На то онъ людямъ сказалъ: «да не въ кого же де-ста быть, что не въ насъ, Апраксиныхъ» ¹⁰⁾.

⁷⁾ Русск. Стар. 1872 г., т. V, с. 946—947.

⁸⁾ Ibid., с. 947. Соловьевъ: «Исторія Россіи», XVI, с. 247.

⁹⁾ Ibid. XVI, 248.

¹⁰⁾ Ibid. XVIII, примѣчаніе 7, изъ «Послужнаго списка

Благоустройства и благочинія въ юговосточной русской окраинѣ не было. Инородцы опустошали степь набѣгами, увозя въ плѣнъ русскихъ ея жителей, безъ того тамъ рѣдкихъ; низовая вольница грабила, «начальные люди» самодурничали и воровали. Очень естественно, что при такихъ порядкахъ не могли процвѣтать въ краѣ торговля и промышленность, о развитіи которыхъ особенно заботился Петръ Великій въ виду важнаго торговаго значенія для Россіи Каспійскаго моря.

Политическое и стратегическое значеніе юговосточной русской окраины было весьма важно. Эта окраина была нашимъ сторожевымъ пунктомъ на Востокъ. Со времени отправленія Волынскаго въ Персію, Астрахань пріобрѣтаетъ въ глазахъ Петра Великаго еще большее значеніе, какъ центръ военныхъ приготовленій къ предстоящей войнѣ съ Персіей.

Съ конца 1717 года, появляются распоряженія царя объ увеличеніи средствъ защиты и объ улучшеніи управленія въ нижнемъ Поволжьи и въ Астрахани. Эти распоряженія приводятъ постепенно къ изъятію нижняго Поволжья изъ вѣдѣнія Казанскихъ губернаторовъ и къ учрежденію въ Астрахани «губерніи».

Прежде всего царь обращаетъ вниманіе на калмыковъ, которые, при управленіи сильнаго и предприимчиваго Аюки, были для русскаго правительства опаснѣе всѣхъ остальныхъ инородцевъ Каспійскаго побережья. Подъ видомъ помощи калмыкамъ противъ ногайцевъ, кубанцевъ и каракалпаковъ, Петръ велѣлъ находиться при калмыцкомъ ханѣ Аюкѣ стольнику Бахметеву съ отрядомъ въ 600 человекъ. На самой дѣлѣ Бахметевъ долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями Аюки и препятствовать его сношеніямъ съ другими инородцами ¹¹⁾. 15 ноября 1717 года, царь приказывалъ: 1) при устьѣ Волги ниже Астрахани устроить крѣпость, 2) въ Астрахани увеличить гарнизонъ и сдѣ-

лать гавань, 3) въ Саратовѣ и Пензѣ увеличить число войскъ, 4) сдѣлать новую сторожевую линію отъ Царицына къ Дону ¹²⁾. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого указа, является другой, учреждающій Астраханскую губернію. Кроме Астрахани, въ составъ новой губерніи вошли слѣдующіе одиннадцать главнѣйшихъ городовъ: Симбирскъ съ пригородами, Самара, Сызрань, Саратовъ, Петровскъ, Дмитровскъ, Царицынъ, Черный Яръ, Красный Яръ, Гурьевъ (при устьѣ Липа) и Терскъ или Терки, крѣпость за Терекомъ при Каспійскомъ морѣ ¹³⁾. Указомъ 29 мая 1719 года, Астраханская губернія была учреждена окончательно въ томъ же составѣ, въ какомъ она предполагалась въ 1717 году ¹⁴⁾. Астраханская губернія, при ея учрежденіи, почти равнялась теперешнимъ губерніямъ: Астраханской, Саратовской, Самарской и Симбирской и Уральской области, взятымъ вмѣстѣ, имѣя при этомъ огромномъ пространствѣ весьма незначительное населеніе. Въ двѣнадцати городахъ этой губерніи въ 1719 году показано всего 8088 дворовъ, изъ которыхъ только 1225 дворовъ принадлежали русскому населенію, остальные 6863 двора были инородческіе, ясачные ¹⁵⁾.

Волынскій, близко ознакомившійся съ положеніемъ дѣлъ, какъ въ Персіи, такъ и въ Астрахани, и извѣстный уже царю за расторопнаго и умнаго исполнителя его велѣній, былъ самымъ, какъ говорится, подходящимъ человекомъ для занятія должности Астраханскаго губернатора. На него царь возлагалъ большія надежды. «Артемій», — такъ называлъ въ то время Петръ Волынскаго, — долженъ былъ организовать край по мысли Петра, онъ долженъ былъ положить въ Астрахани начало «благоустройству» и «благочинію». При назначеніи Волынскаго, надъ всей прежней Астраханской администраціей, назначено было слѣдствіе ¹⁶⁾.

кубанскаго походу», рукопись имп. публичной бібліотеки по извлеченію, напечат. въ «Воен. Сборн.» 1867, III.

¹¹⁾ Ibid. XVIII, с. 14. Изъ «Калмыцкихъ дѣлъ» 1715 г. въ главномъ московскомъ архивѣ министерства иностран. дѣлъ.

¹²⁾ П. С. З., т. V, № 3116.

¹³⁾ Ibid., № 3119.

¹⁴⁾ Ibid., №№ 3374, 3380, 3392.

¹⁵⁾ Ibid., № 3280.

¹⁶⁾ Москвитян. 1854 г., т. IV, отд. II, с. 32. «Послалъ къ вамъ, моему государю, — пишетъ Волынскій кабинетъ-секретарю Макарову въ октябрѣ 1719 года изъ Москвы — табель о доходахъ астраханскихъ, о которыхъ я получилъ вѣдѣніе здѣсь отъ подъячихъ, которыя по ро-

Видъ Астрахани въ началѣ XVIII столѣтія.

Изъ книги: Cornelis de Bruijn: Reizen over Moskovie etc. Amsterdam, 1714.

ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ, Т. I, 1877 г.

Типографія В. Граціанскаго, Невскій, 46.

Дозволено цензурою. Слб., 20 ноября 1876 г

Волынский прибылъ въ Астрахань лѣтомъ 1719 года. Онъ засталъ новую губернію въ совершенномъ запустѣніи. Недостатокъ въ войскахъ и крѣпостяхъ, въ чиновникахъ и въ способныхъ и дѣльных людяхъ вообще, дурное санитарное состояніе войскъ, неудовлетворительное положеніе городовъ, торговли, промысловъ и народнаго продовольствія, — вотъ что прежде всего поразило въ Астрахани новаго губернатора. Вскорѣ по прибытіи въ Астрахань, а именно 30 іюля 1719 года, Волынский отправилъ доношеніе: «Сіятебнѣйшимъ и превосходительнѣйшимъ высокоправительствующимъ господамъ Сенату»¹⁷⁾. Излагая въ этомъ «доношеніи» состояніе края и его особенности по сосѣдству съ Персіей и степными и горскими народами, Волынский проситъ особой себѣ инструкции «для лучшаго порядка, чтобъ онъ могъ должность свою знать, какъ въ правленіи, такъ и въ прочемъ». Въ этомъ доношеніи вполне выражается талантливость ума Волынскаго: его умѣнье быстро знакомиться съ новымъ дѣломъ и схватить самыя существенныя стороны этого дѣла, указать на дѣйствительныя недостатки и на необходимыя улучшенія.

Волынский, прежде всего, обращаетъ вниманіе сената на «разбой» инородцевъ и русскихъ и требуетъ увеличенія средствъ защиты Астраханской губерніи. «По моему мнѣнію—писать онъ—въ губерніи Астраханской надобно имѣть нѣсколько полковъ, полевыхъ дѣхотныхъ, также и конныхъ хотя одинъ, и при томъ чело-вѣкъ тысячу нерегулярныхъ, ибо хотя и будетъ гварнизонъ въ Астрахани сильной, однакожъ извѣстно, что прочія мѣста всѣ отуды не близки и пусты. Отъ Саратова до Астрахани между городовъ по двѣсти и по триста верстъ жила никакого нѣтъ, того ради какъ купеческимъ людямъ, такъ и прочимъ проѣзжимъ и зыскамъ привезены, о которой прошу его царскому величеству доложить, понеже мнѣ показалась за удивленіе сія сумка, ибо я слышалъ, что въ генеральной табели числится только въ 70 (съ немногими) тысячахъ». Въ табели значится по Астраханской губерніи: общее число доходовъ 246,923 р. 17 алт. 3 денги, общее число расходовъ 26,961 р. 21 алт., 2 1/2 д.; остатокъ 219,901 р., 29 алт., 2 1/2 д. Такимъ образомъ, по рукамъ астраханскихъ правителей расходилось до 150,000 р. въ годъ. Изъ писемъ Волынскаго, сообщенныхъ академикомъ А. Ө. Бычковымъ.

т. I. 77.

рыбнымъ ловцамъ отъ калмыковъ и отъ кубанцевъ чинится великое раззореніе и работныхъ людей берутъ въ плѣнъ, также и зимою проѣзды зѣло трудны». Поэтому Волынский предлагаетъ между городами «еще сдѣлать хотя малые городки для прибѣжища проѣзжимъ и для закрытія мустоты отъ непріятельскихъ набѣговъ, выбравъ къ поселенію удобныя и безопасныя мѣста». Съ цѣлью же защиты отъ набѣговъ степняковъ, Волынский предлагаетъ построить на Волгѣ, противъ Астрахани, малый «тражи-ментъ». Положеніе нѣкоторыхъ городовъ, какъ наприимѣръ Чернаго Яра, было очень неудобно. Онъ былъ построенъ на высокомъ берегу Волги, который ежегодно отрывало весеннимъ половодьемъ, вследствие чего деревянную городскую стѣну и разныя деревянныя строенія переносили каждую весну съ мѣста на мѣсто. Между тѣмъ, Черный Яръ въ стратегическомъ отношеніи, какъ крѣпость, защищающая Волгу отъ набѣговъ кубанцевъ, былъ очень важнымъ пунктомъ. Волынский предлагаетъ перенести его на болѣе удобное мѣсто, отступя версты на двѣ или на три отъ прежняго мѣста его строенія и между Чернымъ Яромъ и Астраханью устроить «хотя малую крѣпость». Волынский проситъ назначить въ города и крѣпости добрыхъ комендантовъ и прочихъ управителей, а такъ какъ изъ мѣстныхъ жителей трудно сыскать «достойныхъ къ такимъ дѣламъ», то губернаторъ указываетъ на извѣстныхъ ему лицъ, проситъ ихъ опредѣленія¹⁸⁾. Вслѣдъ за комендантами и управителями вообще, онъ проситъ о назначеніи въ Астрахань офицеровъ и разныхъ специалистовъ по военному дѣлу: плацъ-маіора, артиллерійскаго офицера и нѣсколько унтеръ-офицеровъ «для наученія тамошнихъ», инженеровъ для осмотра крѣпостей и, наконецъ, «секретаря въ губернію» съ нѣсколькими подъячими». «Въ Астраханскомъ краѣ воздухъ зѣло нездоровый,—

¹⁷⁾ Доношеніе Волынскаго сенату напечатано въ Москвит. 1854 г., т. IV, отд. II, с. 27—33.

¹⁸⁾ «...Понеже изъ тамошнихъ обывателей трудно сыскать достойныхъ къ такимъ дѣламъ, того ради прошу опредѣлить въ губернію полковника фонъ-дербъ-Видена, полковника Дмитрія Еропкина, генералъ-адъютанта Андрея Вельяминова, генер.-аудитора Ивана Кикина, который уже въ Астрахань опредѣленъ былъ, да бывшаго Нижегородской губ. ландрихтера Тимофея Кутузова...»

доносить Волынский, — а медиковъ искусныхъ тамо нѣтъ, того ради прошу, чтобы повелѣно было въ Астрахани учинить шпиталь для солдатъ и опредѣлить туда одного доктора и нѣсколько медиковъ, также и къ полкамъ полковыхъ лекарей, понеже въ Астрахани у четырехъ полковъ лекарь только одинъ, того ради многіе солдаты отъ непризнанія и отъ оскудѣнія медикаментовъ помираютъ». Волынский проситъ также устроить въ Астрахани аптеку. Для обезпеченія торговли и промысловъ Волынский предлагаетъ, кромѣ увеличенія числа крѣпостей, — что мы видѣли выше, — слѣдующія мѣры: 1) устроить на островѣ «Четыре бугра», лежащемъ при устьѣ Волги, 30 верстъ ниже Астрахани, «перспективъ» и держать при немъ лоцмановъ, чтобы суда лучше проходили устье Волги; 2) улучшить Астраханскую пристань; 3) для того, чтобы въ Астрахань не привозились тайно товары армянскими и другими купцами, учредить особую команду. Губернаторъ жалуется, что въ Астрахани «купеческихъ людей зѣло мало», что многіе изъ купцовъ, «находясь подъ протекціею архіерейскою, живутъ у него въ домѣ подъ видомъ служителей, а иные, не хотя платить податей, состоятъ въ дворянахъ и другихъ чинахъ». Только на земляхъ близъ Симбирска жители занимались хлѣбопашествомъ, вслѣдствіе чего изъ Симбирска доставлялся хлѣбъ во всѣ остальные города Астраханской губерніи, которые страдали безхлѣбцею.

Указавъ на существенныя нужды новой губерніи, Волынский предлагаетъ сенату нѣсколько специальныхъ вопросовъ, для разрѣшенія: въ какихъ мѣстахъ набирать рекрутъ для Астраханской губерніи, откуда получать войскамъ провіантъ и аммуницію и снасти для военныхъ судовъ, гдѣ строить морскія суда для Каспій-

¹⁹⁾ См. «Доношеніе» Волынскаго, пункты 5, 6, 11, 12, 13 и 19. О состояніи морскихъ судовъ въ Астрахани Волынский пишетъ: «въ бытность мою въ Астрахани морскихъ судовъ недовольно было, понеже прежняго дѣла суды, которые дѣлалъ (какъ я слышалъ) галанской мастеръ, нынѣ уже ветхи, и которые вновь присылались (такихъ же дѣломъ) изъ Казани, шкуты тѣ не такъ крѣпки и на парусахъ зѣло тяжелы, понеже дѣлаютъ мастера русскіе, которые нѣтъ плотниковъ выбраны. И тако за скудостью судовъ въ Астрахани и до нынѣ еще старинныя бусы употребляютъ и вновь дѣлаютъ, такжеже прежде

скаго моря, какимъ способомъ производить поправки Астраханскихъ крѣпостей ¹⁹⁾».

Чтобы лучше ознакомиться съ положеніемъ новой губерніи, которое въ «доношеніи» Волынскаго сенату рисовалось весьма непривлекательными красками, царь желалъ лично переговорить съ Астраханскимъ губернаторомъ. Петръ вызвалъ Волынскаго въ Петербургъ, вскорѣ по пріѣздѣ его въ Астрахань, и, отправляясь въ мартѣ слѣдующаго 1720 года на Олонецкія минеральныя воды, взялъ его съ собою. Волынский возвратился оттуда вмѣстѣ съ царемъ и пробылъ въ Петербургѣ до конца 1720 года. Результатомъ «доношенія» Волынскаго и бесѣдъ съ нимъ Петра Великаго были рядъ именныхъ и сенатскихъ указовъ и инструкцій, данныхъ Астраханскому губернатору. Въ этихъ правительственныхъ актахъ заключается подробная программа его административной и дипломатической дѣятельности.

Здѣсь я долженъ нѣсколько прервать свое изложеніе и обратиться къ тѣмъ изъ читателей «Древней и Новой Россіи», которымъ, быть можетъ, покажутся скучными и мелочными нѣкоторыя подробности изъ разныхъ документовъ и бумагъ, приводимыя мною въ біографическомъ очеркѣ А. П. Волынскаго и въ особенности въ настоящей главѣ. Этимъ подробностямъ я придаю большое значеніе. Многія стороны дѣятельности Волынскаго не выяснены съ должной точностью, и только путемъ знакомства съ подробностями этихъ сторонъ можно себѣ составить о нихъ какое нибудь представленіе. Къ числу такихъ невыясненныхъ сторонъ дѣятельности Волынскаго относится его губернаторство въ Астрахани, которое было заслонено позднѣйшими, болѣе крупными и яркими событіями его жизни. Поэтому, изъ эпохи астра-

сего до опредѣленія губерніи Астраханской всѣ морскія суда новой манеры дѣланы въ Казани, а на оныя парусы, якоря и прочіе припасы всѣ оттуды въ Астрахань присылались. Нынѣ какъ о томъ повелите?» (п. 11). «Которые нынѣ въ Астрахани есть ветхіе шкуты, оныя-бъ починя, еще можно нѣкоторые употреблять, но понеже тамо (въ Астрахани) искусныхъ мастеровъ нѣтъ, того ради отъ того чинится не малая утрата. Такжеже передъ нѣсколькими лѣты прислано изъ Казани нѣсколько флейтовъ, которые на Каспійское море не годны, а нынѣ оныя напрасно тамо гниютъ, что о томъ повелите?» (п. 12).

ханской жизни Волынского намъ особенно важны документальныя подробности; онѣ даютъ матеріалъ для болѣе близкаго знакомства съ служебной дѣятельностью Волынского въ Астрахани. На этомъ основаніи я надѣюсь, что и тѣ читатели, которые поскучаютъ надъ моей статьей, простятъ мнѣ за инныя мелочныя подробности.

Программа административной и дипломатической дѣятельности Астраханскаго губернатора изложена въ слѣдующихъ главнѣйшихъ четырехъ документахъ: 1) въ указѣ сената отъ 6 іюля 1720 г., 2) въ инструкціи по управленію Астраханской губерніей, 3) въ «меморіи», поданной Волынскимъ Петру Великому, и 4) въ инструкціи по «Персидскимъ дѣламъ».

Указъ сената 6 іюля 1720 года служить официальнымъ отвѣтомъ на «доношеніе» Астраханскаго губернатора отъ 19 іюля 1719 года²⁰⁾. Этимъ указомъ сенатъ утвердилъ всѣ предположенія Волынскаго, изложенныя имъ въ «доношеніи». Прежде всего сенатъ постановилъ дать Астраханскому губернатору инструкцію, сочиня ея изъ губернаторскихъ и новыхъ воеводскихъ инструкцій и изъ старыхъ воеводскихъ наказовъ. Объ увеличеніи войскъ въ губерніи и о назначеніи въ Астрахань плац-маіора, артиллеристовъ и инженеровъ, сенатъ предписываетъ военной коллегіи; а относительно построенія новыхъ крѣпостей, перенесенія Чернаго Яра на болѣе удобное мѣсто и устройства въ Астрахани пристани, поручаетъ губернатору сдѣлать самыя подробныя изысканія. Губернаторъ долженъ осмотрѣть лично мѣста, удобныя, по его мнѣнію, къ поселенію, описать ихъ всѣ подробно, составить имъ спеціальныя чертежи и общую карту, а равно и смѣту расходовъ по ихъ сооружеціи и количества служилыхъ людей, нужныхъ, по его мнѣнію, для новыхъ крѣпостей. Назначая комендантовъ и управителей въ Астраханскую губернію, сенатъ уполномочивалъ губернатора вновь просить о назначеніи чиновниковъ, если они ему понадобятся. Секретаря предоставлялось назначить самому губернатору, а подъячихъ велѣно было оставить прежнихъ. По вопросу объ улучшеніи

²⁰⁾ П. С. З., т. VI, № 3609.

санитарнаго состоянія войскъ сенатъ опредѣлилъ: послать въ Астрахань немедленно доктора, лекарей и лекарство изъ аптекарскаго приказа. Разныя мѣры, предлагаемыя губернаторомъ для обезпеченія торговли и промышленности, сенатъ предоставлялъ на его усмотрѣніе. О положеніи купечества въ Астрахани предписывалось губернатору увѣдомиться подлинно и донести камеръ-коллегіи и оберъ-президенту главнаго магистрата. Сенатъ разрѣшаетъ, затѣмъ, разные спеціальныя вопросы Астраханскаго губернатора; изъ этихъ спеціальныхъ вопросовъ, на вопросъ: откуда брать рекруты для Астраханской губерніи, сенатъ отвѣчаетъ: «учинить генеральное опредѣленіе для всѣхъ губерній въ военной и камеръ-коллегіи».

Инструкція полковнику и Астраханскому губернатору Волынскому объ управленіи ввѣренной ему губерніи, составленная изъ губернаторскихъ и новыхъ воеводскихъ инструкцій и старыхъ наказовъ, представляетъ, кромѣ повторенія общихъ началъ губернаторскаго управленія, нѣкоторыя указанія на мѣстныя условія, этнографическія, экономическія и политическія, условія, которыми опредѣлялись особенности въ обязанностяхъ Астраханскаго губернатора по управленію новой губерніей, по развитію въ ней торговли и промышленности, и по отношенію его къ сосѣднимъ народамъ.

Дѣйствія губернатора въ Астрахани должны были начаться пріемомъ дѣлъ и суммъ астраханскаго воеводскаго и комендантскаго управленій и приведеніемъ въ извѣстность населенія Астрахани и Астраханской губерніи вообще, и въ особенности инородцевъ, живущихъ въ Астрахани на аманатскомъ дворѣ, и всѣхъ юртовскихъ татаръ губерніи.

Изъ административныхъ обязанностей губернатора самыми важными являются его обязанности по отношенію къ инородцамъ и русскимъ Астраханской губерніи. Губернатору предписывается быть ласковымъ ко всѣмъ иноземцамъ, живущимъ въ Астрахани, и заботиться о поддержаніи дружественныхъ отношеній къ народамъ, находящимся въ русскоѣ подданствѣ, стараясь привести и другіе народы въ поддан-

ство и протекцію царскаго величества. Изъ инородцевъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, Петръ обращаетъ болѣе всего вниманія на калмыковъ. Съ калмыками губернаторъ долженъ имѣть «доброе и ласковое обхожденіе, пересылку и корреспонденцію со всякимъ учтивостью, примѣняясь къ прежнимъ обычаямъ, и смотрѣть того накрѣпко, чтобы имъ ни отъ кого никакихъ противностей и озлобленій чинено не было». Въмѣстѣ съ тѣмъ, губернаторъ долженъ былъ употреблять всѣ мѣры, для приведенія калмыковъ «въ вѣрную и послушаніе его царскаго величества, особливо же отводить ихъ отъ дружбы съ турками, персіанами, крымцами и кубанцами». Съ этою цѣлью ему предписывалось держать въ калмыцкихъ улусахъ явныхъ и тайныхъ шпионовъ. Русское населеніе, по своему бродячему характеру, вызывало прежде всего заботы правительства объ уменьшеніи бѣглыхъ среди этого населенія и о мѣрахъ противъ «воровскихъ людей». «Смотрѣть того накрѣпко, — читаемъ въ инструкціи — дабы никто изъ русскихъ иноземцевъ, кромѣ работныхъ людей, безъ проѣзжихъ листовъ и свидѣтельства письменнаго, никуда не проѣзжали; изъ верховыхъ бы городовъ всякаго чина бѣглыхъ людей съ женами и съ дѣтьми не было; и буде какіе явятся и ихъ разспрашивать и отсылать на прежнія жилища, куда кто надлежитъ». «Если какіе военные или воровскіе люди явятся на водѣ, или на сухомъ пути въ той губерніи — продолжаетъ инструкція — и на такихъ ратныхъ людей посылать, по своему разсмотрѣнію, и что чиниться будетъ, о томъ писать». «Воровскіе люди» всегда находили себѣ притонъ и сочувствіе у инородцевъ юговосточной русской окраины, въ Персіи и у сосѣдей Астраханской губерніи — татарскихъ и горскихъ народовъ. Инструкція предусматриваетъ возможность бунта противъ русскаго правительства и русскаго инородческаго населенія Астраханской губерніи, вслѣдствіе подстреканій со стороны ея восточныхъ сосѣдей, и предписываетъ губернатору строго слѣдить за сношеніями русскихъ съ инородцами въ Астрахани, для чего держать ему «тайныхъ подсылщи-

ковъ» и обращать вниманіе на «иноземныхъ шпионовъ», которые являлись въ Астрахань подъ видомъ купцовъ. По всей вѣроятности, опасеніе «возмущенія» и могущихъ произойти отъ того «шатостей» внушило русскому правительству и такой параграфъ инструкціи: «иноземцевъ многихъ чиновъ и съ ружьемъ въ городъ (Астрахань) не пускать и имѣть въ томъ и прочемъ осторожность и осмотрѣніе, какъ воинскія права и уставы повелѣваютъ».

Послѣ отношеній губернатора къ инородцамъ и русскимъ, самыми важными параграфами инструкціи слѣдуетъ почесть тѣ изъ нихъ, которые опредѣляютъ обязанности губернатора относительно Астраханской торговли. «Всякая бѣ въ купечествѣ была свобода, дабы оное умножалось, а не убавлялось» — таковъ руководящій принципъ тѣхъ параграфовъ. Изъ этого принципа истекаютъ два постановленія инструкціи относительно льготъ для иностранныхъ купцовъ, торгующихъ въ Астрахани: 1) «будутъ изъ-за моря и изъ другихъ странъ иноземцы учнутъ въ Астрахань съ товары для торгова пріѣзжать и похотятъ жить и торговыми промыслами промыслять въ Астрахани; и тѣмъ жить и торговать, съ платежемъ обыкновенной пошлыны, позволено; и къ тому ихъ приласкивать, дабы, на то смотря, и другіе иностранные купцы охотно пріѣзжали и пошлынный сборъ множилъ. И того смотрѣть, дабы имъ въ торгахъ ихъ ни отъ кого никакой обиды не было»; 2) «торговыхъ людей, которые съ товары своими поѣдутъ съ Москвы и изъ другихъ городовъ въ Астрахань, пропускать безъ осмотра, а осматривать ихъ токмо въ одномъ мѣстѣ на Царыцынѣ, а въ Астрахани велѣть имъ оными торговать, и съ того ихъ торгова въ казну великаго государя пошлыны имать по торговому уставу и по указу изъ камеръ и коммерцъ-коллегии». Ограниченія по торговлѣ заключались, во 1-хъ, въ запрещеніи привоза и вывоза нѣкоторыхъ товаровъ и, во 2-хъ, въ опредѣленіи степени участія въ торговлѣ губернатора и другихъ губернскихъ чиновниковъ. Относительно привоза и вывоза товаровъ должны были наблюдаться слѣдующія правила: 1) не пропускать въ другія

государства «заповѣдныхъ товаровъ», къ числу которыхъ относились: золото и серебро (въ монетѣ и вещахъ), мѣдь въ вещахъ, въ особенности пушки, ручное огнестрѣльное и холодное оружіе, порохъ, свинець, сѣра, седитра и прочее, относящееся до военного дѣла; 2) непропускать хлѣбъ къ народамъ, находящимся въ «непріятельствѣ» къ сторонѣ царскаго величества. 3) Губернатору и другимъ чиновникамъ дозволить покупать разные товары у русскихъ и иноземныхъ купцовъ съ платою опредѣленной пошлины, но самимъ имъ вести торгъ запретить, какъ въ Астрахани, такъ и въ окрестныхъ земляхъ.

Инструкція ничего не говоритъ о степени участія губернатора въ развитіи мѣстной промышленности и почти совсѣмъ не затрогиваетъ отношеній его къ сосѣднимъ народамъ. Инструкція касается только порядка дипломатическихъ сношеній губернатора съ этими народами и то въ общихъ чертахъ. Причина этого весьма понятна. Петръ Великій готовился въ то время къ Персидской войнѣ и дѣйствительныя отношенія Астраханскаго губернатора къ его сосѣдямъ составляли политическую тайну, вслѣдствіе чего ихъ и обходитъ официальная губернаторская инструкція. Порядокъ дипломатическихъ сношеній губернатора съ сосѣдними народами инструкція оставляетъ прежній и опредѣляетъ его старыми воеводскими наказами. «Протурскія, персидскія и иныхъ пограничныхъ земель вѣдомости, что въ которыхъ государствахъ чинится, провѣдывать всякимъ удобнымъ образомъ и сообщать въ сенатъ и иностранную коллегію по прежнему» говоритъ инструкція. Далѣе, инструкція указываетъ, какъ, на основаніи прежнихъ порядковъ, губернаторъ долженъ принимать гонцовъ и пословъ изъ этихъ государствъ, какъ пересылать грамоты отъ нихъ къ царю и какія распоряженія дѣлать по письмамъ, адресованнымъ на имя губернатора ²¹⁾.

²¹⁾ Ibid., № 3622. Инструкція помѣчена июлемъ 1720 г.

²²⁾ Русскій Вѣстникъ 1841 г., № 5, с. 378—380.—Половой, напечатавшій «Меморію», несправедливо полагаетъ, что она относится къ 1724 г. Петръ В. былъ на Олонекскихъ минеральныхъ водахъ съ 10 по 22 марта 1720 г. (Д. П. В. Голикова, VIII, с. 403). «Петръ В., уѣзжая съ Олонекскихъ водъ, далъ «пункты» г. Волынскому, что

О промыслахъ Астраханской губерніи Петръ Великій разсуждалъ много съ Волынскимъ на Олонекскихъ минеральныхъ водахъ и отдалъ ему нѣсколько, весьма интересныхъ, словесныхъ приказаній о развитіи промышленности въ Астрахани. Приказанія Петра изложены въ «меморіи», поданной ему Волынскимъ ²²⁾.

Царь приказываетъ Волынскому: 1) обратить вниманіе на улучшеніе мѣстныхъ промысловъ винодѣлія, скотоводства и рыболовства, 2) стараться о развитіи новыхъ промысловъ: лѣсоводства въ степяхъ и горнаго дѣла въ «Гребняхъ» (Кавказскихъ горахъ), 3) увеличить въ Астрахани вообще разные ремесла. Изъ Астраханскаго винограда велѣно дѣлать горячее вино (крѣпкіе напитки) и разводить виноградники на Гребняхъ, для чего послать туда мастеровъ изъ Астрахани. По части скотоводства царь хлопочетъ объ улучшеніи Астраханской породы овецъ, рогатаго скота и лошадей; онъ велитъ заводить овчарныя заводы изъ лучшихъ мѣстныхъ породъ, а въ овчары брать силезцевъ, вызванныхъ имъ изъ-за границы; Волынскій долженъ былъ купить въ Персіи 30 буйволовъ, а также завести заводъ лошадиный изъ персидскихъ жеребцовъ и черкасскихъ кобылъ, для улучшенія мѣстной лошадиной породы; для выдѣлки овечьихъ, коровьихъ и лошадиныхъ кожъ, Петръ приказываетъ завести въ Астрахани кожевенный заводъ сыромятнаго и дубильнаго дѣла. Относительно рыбнаго промысла царь даетъ губернатору подробныя наставленія о соленіи и маринованіи осетровъ, севрюгъ и Каспійскихъ сельдей. О заведеніи новыхъ отраслей промышленности въ Астраханской губерніи царь приказываетъ слѣдующее: «при Астрахани и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ степи, сѣять дубовыя желуди для лѣсовъ, такимъ образомъ, какъ заводятъ лѣса въ Евро-

ему дѣлать по пріѣздѣ его въ Астрахань». (Ibid.). Слова Голикова подтверждаются началомъ «Меморіи»: «Ваше царское величество, будучи при маріальныхъ Олонекскихъ водахъ, высокимъ указомъ, что имъ повелѣлъ». О «Меморіи» см. Д. П. В., X, с. 501—502, XI, 430 и 446, 451 и 487.—Меморія состоитъ изъ 15 пунктовъ. 26 октября 1720 г. послѣдовалъ именной указъ Волынскому; этотъ указъ повторяетъ всѣ распоряженія «Меморіи», представляя ее вариантъ въ редакціи нѣкоторыхъ пунктовъ. Указъ состоитъ изъ 12 пунктовъ. См. П. С. 3, т. VI, № 3668.

пѣ»; «взять изъ бергъ-коллегии мастеровъ рудокопныхъ, для обысканія рудъ, и посылать въ горы по доношенію выѣзжаго князя Черкасскаго. Такожъ взять въ Астрахань всякихъ ремесленныхъ людей, изъ арестантовъ шведскихъ, которые въ Казани у пильной лѣсной работы и въ прочихъ мѣстахъ, и учинить въ Астрахани цѣи ихъ отъ каждаго ремесла и тамошнихъ молодыхъ людей обучать и чтобъ потомъ отъ каждаго ремесла работу свидѣтельствовать, а безъ того не употреблять».

Дипломатическія обязанности Волынскаго относительно Персіи и ближайшихъ къ Астрахани татарскихъ и горскихъ народовъ, изложены въ особой инструкціи «о персидскихъ дѣлахъ», данной Петромъ Волынскому 22 марта 1720 года, при отъѣздѣ царя съ Олонецкихъ минеральныхъ водъ. Въ этой инструкціи царь предписываетъ Волынскому принять нѣсколько подготовительныхъ мѣръ для предстоящей войны съ Персіей, которая велѣно было «въ великомъ секретѣ держать». Мѣры эти касаются: сношеній съ Грузіей, вывѣдыванія положенія дѣлъ и дорогъ въ Персіи и первоначальныхъ приготовленій къ войнѣ. Приводимъ эту инструкцію по редакціи С. М. Соловьева: 1) «Чтобъ принца Грузинскаго искать склонить, такъ чтобы онъ въ потребное время былъ надеженъ намъ, и для сей посылки взять изъ грузинцевъ дому Арчилова. 2) Архіерея для всякихъ тамъ случаевъ, чтобъ посвятить Донскаго архимандрита. 3) Офицера выбрать, чтобъ, или туды или назадъ ѣдучи сухимъ путемъ отъ Шемахи, вѣрно осмотрѣлъ пути, удобенъ-ли? Также, живучи въ Шемахѣ, будто для торговыхъ дѣлъ, (какъ положено съ персы), всего присматривать. 4) Чтобъ неудобный путь изъ Терка до Учи сыскать, какъ миновать, и буде нельзя землею, чтобъ моремъ, для чего тамъ надобно при морѣ сдѣлать крѣпость и по малу строить магазейны, амбары и прочее, дабы въ удобномъ случаѣ за тѣмъ не было остановки. 5) Суды на скоро дѣлать прямыя морскія и прочее все, что надлежитъ къ тому, по малу

²³⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, XVIII, с. 32. — Изъ дѣлъ «Кабинета» Петра В., I, кн. № 30.

²⁴⁾ П. С. З., т. VI, № 3545. Алди-Гирей хлопоталъ о

подъ рукою готовить, дабы въ случаѣ ни зачѣмъ остановки не было, однакожъ все въ великомъ секретѣ держать» ²³⁾.

Въ тѣсной связи съ этой инструкціей находятся отдѣльныя распоряженія Петра Великаго относительно разныхъ татарскихъ и горскихъ народовъ, жившихъ по сосѣдству съ Астраханской губерніей, между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. Готовясь къ войнѣ съ Персіей, Петръ предписывалъ Волынскому установить дружескія отношенія съ этими инородцами. Кумыкскій ханъ, Алди-Гирей, просилъ Петра принять его въ русское подданство въ 1719 году. Въ 1720 году, въ мартѣ, дана грамота хану Кумыкскому. Въ этой грамотѣ царь, между прочимъ, пишетъ, что онъ указалъ Астраханскому губернатору, Волынскому, съѣхаться на Терекъ съ Кумыкскимъ ханомъ, что ему, губернатору, «дана полная мочь» относительно рѣшенія и кондицій о подданствѣ ²⁴⁾. Въ іюлѣ того же 1720 года, таже полная мочь дана Волынскому на принятіе въ подданство горскаго князя, Чабанъ-Шамхала и жителей поселенія Эндери ²⁵⁾.

Такова была программа административной и дипломатической дѣятельности Астраханскаго губернатора, программа, которую могъ начертать только гениальный умъ Петра Великаго, способный охватить все сразу, отъ государственныхъ вопросовъ первой важности до хозяйственныхъ и техническихъ мелочей: отъ колонизаціи края, развитія въ немъ экономической жизни и приготовленій къ трудной войнѣ — до подробностей соленія и маринованія осетровъ, севрюгъ и сельдей! Изъ подробнаго изложенія документовъ, въ которыхъ выражена эта программа, видно, какая громадная и разнообразная работа предстояла Волынскому. Какъ же выполнилъ Волынский свою программу, въ какой мѣрѣ оправдалъ онъ надежды, возложенныя на него Петромъ Великимъ? Къ сожалѣнію, положительные отвѣты на эти вопросы относительно всѣхъ подробностей программы въ настоящее время невозможны. Источники, находившіеся въ архивахъ, не сохранились. Источники, находившіеся въ архивахъ, не сохранились. Источники, находившіеся въ архивахъ, не сохранились.

принятія его въ русское подданство еще въ 1718 г. См. П. С. З., т. V, № 3190.

²⁵⁾ Ibid., т. VI, № 3617.

дящиеся въ моемъ распоряженіи, не сообщаютъ мнѣ данныхъ для подробнаго, фактическаго изложенія всей служебной дѣятельности Волынскаго въ Астрахани. На основаніи этихъ источниковъ можно опредѣлить только общій характеръ управленія Волынскаго, указать на его отношенія къ калмыкамъ и познакомиться довольно подробно съ его дипломатическою дѣятельностью.

Волынский, въ свое губернаторство въ Астрахани, былъ точнымъ и ревностнымъ исполнителемъ приказаній Петра Великаго, но онъ не былъ человѣкомъ, который могъ бы отдаться всецѣло своему дѣлу, который забылъ бы изъ-за дѣла самого себя. Волынский на только не забывалъ себя, но, напротивъ, постоянно представлялъ себя на показъ, рисовался своею дѣятельностью, приписывая все одному себѣ, осуждая другихъ, жалуясь на безпорядки Астраханскаго управленія, на множество дѣлъ, на слабость своихъ силъ. Распѣвая въ письмахъ изъ Астрахани плачевныя іереміады, онъ пользуется удобнымъ случаемъ извлечь матерьяльную выгоду для себя изъ того самаго безпорядка, на который нападаетъ энергически и старается увѣрить людей, близко стоящихъ къ царю, въ своихъ, «раззорѣніяхъ и убыткахъ». Разладъ между мыслью и дѣломъ, преобладающая черта въ нравственномъ характерѣ Волынскаго, проявился въ немъ со всей силой въ Астрахани. Понимая очень хорошо положеніе и нужды Астраханскаго края и осуждая справедливо и рѣзко управленіе прежнихъ низовыхъ воеводъ, — Волынский на дѣлѣ мало чѣмъ отличался отъ какого нибудь Чирикова. Будучи человѣкомъ громаднаго самолюбія, Волынский, при широкой программѣ своей губернаторской власти, ждалъ для себя очень многого отъ Астрахани. Въ его талантливой головѣ созидались обширные планы, воображеніе его разгрывалось — и онъ въ своихъ мечтахъ «забиралъ паче мѣры ума своего», по его собственному выраженію. Астрахань представлялась для него ступенью къ его возвышенію на служебной лѣстницѣ и золотымъ дномъ для обогащенія, а предстоящая Персидская война — бли-

жайшимъ поводомъ для составленія себѣ репутаціи государственнаго человѣка и тонкаго политика. Мечталъ Артемій Петровичъ и о выгодномъ для себя брачномъ союзѣ, посредствомъ котораго онъ могъ сдѣлать прочныя общественныя связи. Эта мечта Волынскаго осуществилась, но остальные надежды не сбылись. Онъ не только не возвышался въ Астрахани по службѣ, но, напротивъ, какъ мы увидимъ, даже понизился; на сколько Астрахань была для Волынскаго золотымъ дномъ — мы не знаемъ; что же касается до Персидскаго похода, то въ результатахъ его для себя Волынский ошибся совершенно. Персидскій походъ Петра Великаго явился поводомъ для униженія Волынскаго въ глазахъ государя, ловкимъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Астраханскаго губернатора. Не смотря на почтенную дипломатическую дѣятельность Волынскаго до Персидскаго похода, дѣятельность, въ которой проявились свѣтлый умъ и дипломатическая опытность Артемія Петровича, ему были приписаны тѣ неудачи похода 1722 года, въ которыхъ онъ былъ неповиненъ. Съ этого похода счастье поводитъ Волынскаго, ничто ему не удастся. На него падаютъ обвиненія и за такія дѣла, въ которыхъ, онъ дѣйствовалъ сообразно обстоятельствамъ и иначе не могъ дѣйствовать, какъ, напримѣръ, въ дѣлахъ калмыцкихъ.

Волынский воспользовался своимъ продолжительнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ, въ 1719 и 1720 годахъ, для упроченія себѣ положенія при дворѣ. Въ это время онъ сумѣлъ заслужить расположеніе Екатерины, которое очень пригодилося ему впоследствии, и войти въ близкія сношенія съ канцлеромъ Г. И. Головкинымъ и кабинетъ-секретаремъ А. В. Макаровымъ.

При способности Волынскаго быстро ориентироваться въ новомъ положеніи, онъ не могъ не замѣтить той роли, которую начиналъ въ то время играть при дворѣ красивый камеръ-юнкеръ царицы Екатерины Алексѣевны, Виллима Ивановича Монса, счастливый баловень счастья. Монсъ затмилъ своимъ вліяніемъ на Екатерину, а чрезъ нее и на Петра, —

прежнихъ царскихъ любимцевъ: не только Шафировъ, бывший еще такъ недавно близкимъ человѣкомъ къ Петру, но и самъ Меньшиковъ — уступали дорогу Монсу. Къ Виллиму Ивановичу обращались за помощью люди самыхъ разнообразныхъ профессій и почти всѣхъ общественныхъ положеній. Биографъ Монса, М. И. Семевскій, приводитъ длинный списокъ этихъ просителей, въ которомъ, на ряду съ дворцовыми истопниками, конюхами и лакеями, разными ремесленниками и купцами, мы встречаемъ архіереевъ, посланниковъ, высокопоставленныхъ лицъ и членовъ многихъ родовитыхъ русскихъ фамилій. Архіепископъ Ростовскій Георгій Дашковъ, князья Черкасскіе, гр. Головинъ и Бестужевы-Рюмины, князья Трубецкіе, Бѣлосельскіе, Долгорукіе, Салтыковы и Нарышкины, и т. д., — вотъ имена, которыми подписаны лѣстивыя и унижательныя письма къ Монсу! И всѣ эти люди изгибаются передъ ничтожнымъ выскочкой изъ Нѣмецкой слободы, выпрашивая себѣ милости по своимъ официальнымъ и частнымъ дѣламъ; всѣ они присылаютъ ему посильныя даянія и презенты,

²⁶⁾ См. Семевского: «Семейство Монсовъ». Время, 1862 г., кн. 4, примѣч. на стр. 337, 338—339.

представляющіе иногда очень приличные куши, и надѣляютъ камеръ-юнкера разнообразными эпитетами и громкими титулами отъ «высокоблагороднаго патрона» до «превосходительства» и «премилосердаго высочества» ²⁶⁾. Волынский сразу понялъ значеніе Монса и постарался занять не послѣднее мѣсто въ длинномъ рядѣ его «конфидентовъ». Но нельзя не замѣтить, что титулы, разсочаемые Монсу Астраханскимъ губернаторомъ, гораздо скромнѣе приведенныхъ выше. Волынский называетъ его въ своихъ письмахъ «вѣрнымъ другомъ» и «любезнымъ братомъ». Волынский лѣститъ Монсу въ письмахъ и посылаетъ ему подарки изъ Астрахани: хорошую заводскую лошадь, турецкій серебрянный мундштукъ, пѣвняго горца-мальчика, пересылаетъ черезъ него «прошенія», «доношенія» и «меморіи» въ кабинетъ и къ царицѣ, а также и словесныя сообщенія черезъ гонцовъ и курьеровъ. Монсъ дѣлается посредникомъ для передачи подарковъ Волынскаго Екатеринѣ, то «араба съ арабкой и двумя арабчатами», то «кабановъ, драфъ и фазановъ» ²⁷⁾.

²⁷⁾ Ibid., кн. 6. — Письма Волынскаго къ Монсу, стр. 267—278.

Д. Корсаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МНИМОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Всякій разъ, когда возникаетъ такъ называемый «Восточный вопросъ», въ европейской журналистикѣ поднимается цѣлая буря противъ воображаемыхъ завоевательныхъ плановъ Россіи, при чемъ главнѣйшимъ доказательствомъ существованія подобныхъ плановъ является пресловутое «Завѣщаніе» Петра Великаго, которымъ онъ, будто бы, завѣщалъ своимъ преемникамъ и русскому народу неуклонно стремиться къ всеобщимъ завоеваніямъ, не пренебрегая для этого никакими средствами. Намъ, русскимъ, очень хорошо извѣстно, что Петръ Великій не оставилъ никакого завѣщанія. Мы знаемъ, что гениальный Преобразователь Россіи, находясь уже въ предсмертной агоніи, хотѣлъ письменно изложить свою послѣднюю волю относительно престолонаслѣдія и потребовалъ аспидную доску и грифель, но слабѣющая рука его начертала лишь нѣсколько неясныхъ словъ, которыя невозможно было разобрать... Мы знаемъ также, что именно отсутствіе завѣщанія Петра даю поводъ къ длинному ряду интригъ, смутъ и переворотовъ при русскомъ дворѣ. Но европейская журналистика въ своихъ инсинуаціяхъ противъ Россіи не хочетъ справляться съ исторіей и до такой степени упорно извращаетъ несомнѣнные историческіе факты, что и русскій государь въ своей бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ въ Ливадіи, и русскій канцлеръ въ своихъ официальныхъ депешахъ, считаютъ нужнымъ опровергать существованіе «Завѣщанія» Петра Великаго и называть его «химерой» и «старымъ хламомъ». Мы имѣемъ подъ руками интересную брошюру г. Берхгольца, изданную еще въ 1863 г., въ Брюсселѣ, подъ заглавіемъ: «*Napoleon I auteur du testament de Pierre le Grand*», (Наполеонъ I авторъ «Завѣщанія» Петра Вели-

т. I. 77.

каго). Эта брошюра и нѣкоторые другіе источники даютъ намъ возможность прослѣдить: гдѣ, когда и для какихъ цѣлей, было сочинено мнимое духовное «Завѣщаніе» Петра Великаго и какимъ образомъ столь наглая политическая клевета проникла въ европейскую печать.

Въ 1812 году, императоръ Наполеонъ I, вступая въ рѣшительную борьбу съ Россіей, стараясь увѣрить Европу, что русское правительство, преслѣдуя свою традиціонную политику всемірнаго господства, является вѣчною угрозою европейскимъ государствамъ, которыя изъ чувства самосохраненія должны всѣми мѣрами стремиться къ ослабленію и уничтоженію такого могущественнаго и опаснаго врага. Въ это самое время, одинъ изъ французскихъ ученыхъ, состоявшій на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, г. Лезюръ, издалъ, въ видѣ довольно толстой книги (слишкомъ 500 страницъ), политическій памфлетъ, озаглавленный слѣдующимъ образомъ: «*Des progrès de la puissance russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle*». (О возрастаніи русскаго могущества съ самаго начала его до XIX столѣтія). Доказательствомъ того, что сочиненіе Лезюра было внушено ему свыше, служитъ свидѣтельство англійскаго генерала сэра Роберта Вильсона, который, въ декабрѣ 1812 года, видѣлъ огромное количество экземпляровъ этой книги въ квартирѣ французскаго министра иностранныхъ сношеній арміи, герцога Бассано. Вильсонъ въ своихъ запискахъ (*Private Diary. London. 1861. T. I, p. 257*) прямо утверждаетъ, что памфлетъ Лезюра былъ изданъ по распоряженію французскаго правительства (*under the immediate superintendence of French government*) и называетъ его «непоправимой

неловкостью» и «последнимъ проявленіемъ русских заблужденій (erreurs russes) Наполеона I». Въ книгѣ Лезюра мы въ первый разъ встрѣчаемся съ «Завѣщаніемъ» Петра Великаго, при чемъ поддѣлка эта сопровождается такимъ примѣчаніемъ:

«Увѣряютъ (on assure) что въ домашнемъ архивѣ русскихъ императоровъ хранятся секретныя записки, писанныя собственноручно Петромъ I, гдѣ откровенно (sans detours) изложены планы этого государя, которые онъ поручаетъ (recommande) вниманію своихъ преемниковъ и которымъ многіе изъ нихъ, дѣйствительно, слѣдовали съ твердостью, можно сказать, религіозной (avec une persistance pour ainsi dire religieuse). Вотъ сущность (le résumé) этихъ плановъ».

Такимъ образомъ, изъ примѣчанія оказывается, что въ книгѣ Лезюра сообщенъ не текстъ документа, а только сущность его. Эта сущность заключается въ себѣ слѣдующіе 14 пунктовъ:

«1) Ничѣмъ не пренебрегать для освоенія русскаго народа съ европейскими формами и обычаями, и въ этихъ видахъ приглашать изъ Европы (engager les différentes cours) различныхъ людей, особенно ученыхъ, которые, ради ли выгоды, или изъ челоуколюбивыхъ принциповъ философіи, или же по другимъ еще побужденіямъ, способствовали бы достиженію этой цѣли.

«2) Поддерживать государство въ системѣ непрерывной войны, для того, чтобы закалить солдата въ бою и не давать народу отдыха, удерживая его во всегдѣшней готовности къ выступленію по первому знаку.

«3) Всевозможными средствами расширять свои предѣлы къ сѣверу, вдоль Балтійскаго моря, и къ югу, вдоль Чернаго моря, для чего:

«4) Поддерживать въ Англіи, Даніи и Бранденбургѣ недоброжелательство къ Швеціи, чрезъ что эти державы будутъ сквозъ пальцы смотрѣть на захваты, какіе можно будетъ дѣлать въ этой странѣ, и на окончательное ея покореніе.

«5) Заинтересовать Австрійскій домъ въ изгнаніи турокъ изъ Европы; подъ этимъ предлогомъ содержать постоянную армію и основывать по берегамъ Чернаго моря верфи, постоянно подвигаясь впередъ къ Константинополю.

«6) Поддерживать безначаліе въ Польшѣ, вліять на ея сеймы и особенно на выборы королей, раздроблять ее при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, покорить.

«7) Заключить тѣсный союзъ съ Англіею. и поддерживать съ нею прямыя отношенія посредствомъ хорошаго торговаго договора; позволить ей даже пользоваться нѣкотораго рода монополіею внутри страны, что незамѣтнымъ образомъ послужитъ къ сближенію между торговцами и морями англійскими и русскими, которые съ своей стороны всѣми мѣрами стануť благопріятствовать усовершенствованію и увеличенію русскаго флота, при помощи котораго надлежитъ тотчасъ же добиться господства надъ Балтійскимъ и Чернымъ морями — это существенное условіе для успѣшнаго и скорого выполненія этого плана.

«8) Онъ совѣтуетъ всѣмъ своимъ преемникамъ проникнуться тою истиною, что Индійская торговля есть торговля міровая и что тотъ, у кого исключительно она будетъ въ рукахъ, станетъ и истиннымъ властителемъ Европы, что по этому не слѣдуетъ терять ни одного удобнаго случая къ возбужденію войнъ съ Персіею и къ ускоренію ея вырожденія; надлежитъ углубиться до Персидскаго залива и озаботиться восстановленіемъ прежней Левантской торговли черезъ Сирію.

«9) Выѣшпваться, не взирая ни на что, силою, или хитростію, въ распри Европы и особенно Германіи и для того:

«10) Занскивать и поддерживать союзъ съ Австріею, ублаживать ее любимою ея мыслию о преобладаніи, пользоваться малѣйшимъ на нее вліяніемъ къ вовлеченію ея въ разорительныя войны, съ цѣлію постепеннаго ея ослабленія, временами даже помогать ей, а, между тѣмъ, въ тайнѣ соиздавать ей враговъ въ Европѣ и особенно въ Германіи, возбуждая въ государяхъ къ ней зависть и недовѣріе.

«11) Въ супруги русскимъ вел. князьямъ избирать германскихъ принцессъ и путемъ родственныхъ отношеній и выгоды умножать союзы для увеличенія русскаго вліянія въ этой имперіи.

«12) Пользоваться религіознымъ вліяніемъ на греко-восточныхъ отщепенцевъ (sur le grès des déviés) или схизматиковъ, распространенныхъ въ Венгріи, Турціи и южныхъ частяхъ Польши, привлекать ихъ къ себѣ всевозможными прельщеніями (par toutes les voies captieuses), называться ихъ покровителями и добиваться духовнаго надъ ними главенства. Подъ этимъ предлогомъ и этимъ путемъ Турція будетъ покорена, и сама Польша, не имѣя уже возможности поддерживать себя ни собственными силами, ни своими политическими связями, точно также скоро подпадетъ подъ иго.

«13) Тогда каждая минута будетъ дорога. Необходимо въ тайнѣ подготовить всѣ средства для нанесенія сильнаго удара, дѣйствовать обдуманно, предусмотрительно и быстро, чтобы не дать Европѣ времени придти въ себя. Надлежитъ начинать чрезвычайно осмотрительно, съ отдаленнаго предложенія сперва Версальскому двору, потомъ Вѣнскому, относительно раздѣла между собою власти

надъ всѣмъ міромъ, давая имъ въ тоже время замѣтить, что это предложеніе не можетъ казаться имъ подозрительнымъ, ибо Россія *de facto*—уже повелительница всего Востока, и, кромѣ этого титула, болѣе ничего не выигрываетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ проектъ не преминетъ увлечь ихъ и вызоветъ между ними войну на смерть, которая вскорѣ сдѣлается всеобщей, вслѣдствіе обширныхъ связей и сношеній этихъ двухъ соперничающихъ дворовъ, естественно враждебныхъ другъ къ другу, а равно вслѣдствіе того участія, которое по необходимости примутъ въ этой распрѣ всѣ другіе европейскіе дворы.

«14) Среди этого всеобщаго ожесточенія, къ Россіи будутъ обращаться за помощію, то та, то другая изъ воюющихъ державъ, и, послѣ долгаго колебанія—дабы они успѣли обезсилить другъ друга—и собравшись сама съ силами, она для виду должна будетъ, наконецъ, высказаться за Австрійскій домъ. Пока ея линейныя войска будутъ подвигаться къ Рейну, она, вслѣдъ за тѣмъ, вышлетъ свои неслѣтныя азіатскія орды. И лишь только послѣднія углубятся въ Германію, какъ изъ Азовскаго моря и Архангельскаго порта выдутъ съ такими же ордами два значительные флота, подъ прикрытіемъ (sous le couvert) вооруженныхъ флотовъ, черноморскаго и балтійскаго. Они внезапно появятся въ Средиземномъ морѣ и Океанѣ для высадки этихъ кочевыхъ, свирѣпыхъ и жадныхъ до добычи народовъ, которые наводнятъ Италію, Испанію и Францію; одну часть ихъ жителей истребятъ, другую уведутъ въ неволю для заселенія сибирскихъ пустынь и отнимутъ у остальныхъ всякую возможность къ сверженію ига. Всѣ эти диверсіи дадутъ тогда полный просторъ регулярной арміи дѣйствовать со всею силою, съ полнѣйшею увѣренностію въ побѣдѣ и въ покореніи остальной Европы».

Вникнувъ въ сущность плановъ Петра Великаго, сообщаемыхъ Лезюромъ, читатель, полагаемъ, убѣдится, что первые 11-ть пунктовъ представляютъ ничто иное, какъ сжатое и относительно вѣрное изложеніе политической системы, которой слѣдовало русское правительство въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ и войнахъ со времени кончины Петра Великаго до 1812 года. Подобное обстоятельство указываетъ, что, при сочиненіи этихъ пунктовъ, авторъ справлялся съ исторіей, хотя и передѣлалъ ее сообразно съ своими взглядами; въ пунктахъ же 12, 13 и 14, гдѣ ему уже нельзя было руководствоваться событіями, совершившимися до 1812 года, онъ прибѣгаетъ къ помощи воображенія и въ общихъ чертахъ ставитъ конечной цѣлью плановъ Петра Великаго—завоеваніе всей Европы и господ-

ство Россіи надъ всѣмъ міромъ. Въ совѣтахъ, будто бы даваемыхъ при этомъ Петромъ его преемникамъ, говорится о «неслѣтныхъ азіатскихъ ордахъ» (*nuée de hordes asiatiques*), которыя должны слѣдовать за регулярными войсками при ихъ вторженіи въ Европу, о «свирѣпыхъ и жадныхъ до добычи кочующихъ народахъ» (*peuples nomades féroces et avides de butin*), которыми нужно наводнить Францію, Италію и Испанію, чтобы они, «истребивъ одну половину жителей, увели другую въ неволю, для населенія сибирскихъ пустынь» и т. п. Вообще, высокопарный, декламаторскій слогъ, которымъ изложена сущность «Завѣщанія» Петра Великаго, плохо вяжется съ серьезнымъ и ученымъ тономъ всей книги Лезюра и невольно наводитъ на мысль, что эта часть памфлета написана другой рукой и только включена въ его трудъ.

Книга Лезюра, надѣлавшая въ свое время довольно шума, была, наконецъ, забыта, какъ и все на свѣтѣ, и послѣ нея, до 1836 года, мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ иностранной литературѣ упоминанія о «Завѣщаніи» Петра Великаго. Въ 1836 году, въ Парижѣ появилось сочиненіе подъ такимъ заманчивымъ заглавіемъ: «*Mémoires du chevalier d'Eon, publiés pour la première fois sur ses papiers, fournis par sa famille et d'après les matériaux authentiques déposés aux archives des affaires étrangères. Par Frederic Gaillardet, auteur de la Tour de Nesle*» (Записки кавалера д'Еона, напечатанныя въ первый разъ по его бумагамъ, сообщеннымъ его родственниками, и по достовѣрнымъ документамъ, хранящимся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Соч. Фридриха Гальярде, автора «Несльской башни»). Сочиненіе это, имѣвшее, по внѣшности, всю обстановку достовѣрныхъ историческихъ мемуаровъ, но наполненное вымыслами и анохронизмами, быстро разошлось въ продажѣ, благодаря интересу публики къ загадочной личности кавалера д'Еона. Въ книгѣ Гальярде мы находимъ уже настоящій текстъ «Завѣщанія» Петра Великаго, вывезеннаго будто бы «въ точной» копіи д'Еономъ изъ Россіи, и при томъ въ редакціи, отличающейся въ нѣ-

которыхъ подробностяхъ отъ сущности этого документа, переданной въ сочиненіи Лезюра.

Извѣстно, что въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, кавалеръ д'Еонъ состоялъ, съ 1755 по 1760 годъ, при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ и игралъ роль тайнаго дипломатическаго агента короля Людовика при русскомъ дворѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ шпиона, представленнаго къ французскому посланнику ¹⁾. Гальярде, не упоминая ни слова о книгѣ Лезюра, слѣдующимъ образомъ объясняетъ появленіе текста «Завѣщанія» Петра Великаго въ рукахъ д'Еона:

«Въ 1757 году, — говоритъ онъ, — кавалеръ д'Еонъ привезъ (въ Парижъ) драгоценный документъ, открытый имъ, благодаря его тѣсной безграничной дружбѣ (съ императрицей) и безконтрольнымъ изысканіямъ (*intimité sans bornes et à ses investigations sans contrôle*) въ самыхъ секретнѣйшихъ царскихъ архивахъ. Документъ этотъ, о которомъ съ тѣхъ поръ заговорилъ весь свѣтъ, существованіе котораго было извѣстно, но котораго никто не могъ достать, или списать, былъ тайно врученъ д'Еономъ, вмѣстѣ съ специально написаннымъ имъ сочиненіемъ о Россіи, министру иностранныхъ дѣлъ аббату Берни и королю Людовику XV. Это, — по словамъ д'Еона, — буквально вѣрная копія съ завѣщанія, оставленнаго Петромъ Великимъ его потомкамъ и преемникамъ на тронѣ».

И такъ, авантюристъ, носившій то женское, то мужское платье, и долго считавшійся гермафродитомъ, мелкій дипломатическій агентъ, шпионъ французскаго правительства при французскомъ же посланникѣ, пользуется «тѣсной, безграничной дружбой» русской императрицы, получаетъ доступъ въ «секретнѣйшіе царскіе архивы», не зная русскаго языка, «безконтрольно» роется въ нихъ, отыскиваетъ актъ, который долженъ бы считаться величайшей государственной тайной, снимаетъ съ него «точную копію» и привозитъ ее во Францію для вруче-

нія королю. Какъ много во всемъ этомъ правдоподобія!

Политическая программа, которую Петръ Великій завѣщаетъ, устами кавалера д'Еона, своимъ преемникамъ, заключается также, какъ и у Лезюра, въ 14 пунктахъ; но ей уже приданъ видъ торжественнаго и несомнѣннаго акта, — «Завѣщанія» (названіе, которое съ тѣхъ поръ и удержалось за нимъ) посредствомъ такого вступленія: «Во имя святой и нераздѣльной Троицы, мы, Петръ, императоръ и самодержецъ всероссійскій, всѣмъ нашимъ потомкамъ и преемникамъ на престолѣ и правительству русской націи и проч. и проч.» За вступленіемъ слѣдуютъ пункты съ изложеніемъ совѣтовъ:

I.

«Поддерживать русскій народъ въ состояніи непрерывной войны, чтобы солдатъ былъ закаленъ въ бою и не зналъ отдыха: оставлять его въ покоѣ только для улучшенія финансовъ государства, для переустройства арміи и для того, чтобы выждать удобное для нападенія время. Такимъ образомъ, пользоваться миромъ для войны и войною для мира, въ интересахъ разширенія предѣловъ и возрастающаго благоденствія Россіи.

II.

«Вызывать всевозможными средствами изъ наиболѣе просвѣщенныхъ странъ военачальниковъ во время войны и ученыхъ во время мира, для того, чтобы русскій народъ могъ воспользоваться выгодами другихъ странъ, ничего не теряя изъ своихъ собственныхъ.

III.

«При всякомъ случаѣ вмѣшиваться въ дѣла и распри Европы, особенно Германіи, которая, какъ ближайшая, представляетъ болѣе непосредственный интересъ.

IV.

«Раздѣлять Польшу, поддерживая въ ней смуты и постоянные раздоры, сильныхъ привлекать на свою сторону золотомъ, вліять на сеймы, подкупать ихъ для того, чтобы имѣть вліяніе на выборы королей, проводить на этихъ выборахъ своихъ сторонниковъ, оказывать имъ покровительство, вводить туда русскія войска и временно оставлять ихъ тамъ, пока не представится случая оставить ихъ тамъ окончательно. Если же союзнія государства стануть создавать затрудненія, то ихъ успокаивать временнымъ раздробленіемъ страны, пока нельзя будетъ отобрать назадъ то, что было имъ дано.

V.

«Дѣлать возможно большіе захваты у Швеціи и искусно вызывать съ ея стороны нападенія, абы имѣть предлогъ къ ея покоренію. Для этого

¹⁾ Біографія кавалера д'Еона, написанная по новѣйшимъ источникамъ Е. П. Карновичемъ, напечатана въ 7-мъ сборникѣ «Древняя и Новая Россія» 1875 г.

изолировать ее отъ Даніи и Данію отъ Швеціи и заботливо поддерживать между ними соперничество.

VI.

«Въ супруги къ русскимъ вел. князьямъ всегда избирать германскихъ принцессъ для того, чтобы умножать родственные союзы, сближать интересы и, увеличивая въ Германіи наше вліяніе, тѣмъ самымъ привязать ее къ нашему дѣлу.

VII.

Преимущественно добиваться союза съ Англіею, въ видахъ торговли, ибо это именно та держава, которая для своего флота наиболее нуждается въ насъ и которая можетъ быть наиболее полезна для нашего флота. Обмѣнивать нашъ лѣсъ и другія произведенія на ея золото и установить между ея и нашими торговцами и моряками постоянныя сношенія, которые приучатъ нашихъ къ торговлѣ и мореплаванію.

VIII.

«Неустанно расширять свои предѣлы къ сѣверу и къ югу, вдоль Чернаго моря.

IX.

Возможно ближе придвигаться къ Константинополю и Индіи. Обладающій ими будетъ обладателемъ міра. Съ этою цѣлію возбуждать постоянныя войны то противъ турокъ, то противъ персовъ, основывать верфи на Черномъ морѣ, мало по малу овладѣвать какъ этимъ моремъ, такъ и Балтійскимъ—ибо то и другое необходимо для успѣха плана—ускорить паденіе Персіи, проникнуть до Персидскаго залива, возстановить, если возможно, древнюю торговлю Леванта черезъ Сирію и достигнуть Индіи, какъ мірового складочнаго пункта. По овладѣніи ею, можно обойтись и безъ англійскаго золота.

X.

«Заискивать и старательно поддерживать союзъ съ Австріею, поощрять для виду ея замыслы о будущемъ господствѣ надъ Германіею, а втайнѣ возбуждать противъ нея недоброжелательство въ государяхъ. Стараться, чтобы тѣ или другіе обрѣцались за помощью къ Россіи и установить надъ страной иѣчто въ родѣ покровительства съ цѣлью подготовленія будущаго господства надъ нею.

XI.

«Заинтересовать Австрійскій домъ въ изгнаніи турокъ изъ Европы, а по овладѣніи Константинополемъ, нейтрализовать его зависть, или возбуждая противъ него войну, или давъ ему часть изъ завоеваннаго, съ тѣмъ, чтобы позднѣе отобрать это назадъ.

XII.

«Привлечь на свою сторону и соединить вокругъ себя всѣхъ грековосточныхъ отщепенцевъ (грек. *désunis*) или схизматиковъ, разпространенныхъ въ Венгріи, Турціи и южной Польшѣ, сдѣлать ихъ средоточіемъ и опорой и предуготовить всеобщее преобладаніе надъ ними посредствомъ установленія какъ бы духовнаго главенства: будетъ столько друзей, сколько ока-

жется у каждого изъ ея враговъ (*se seront autant d'amis qu'on aura chez chacun de ses ennemis*).

XIII.

«Когда Швеція будетъ раздроблена, Персія побѣждена, Польша покорена, Турція завоевана, арміи соединены, Черное и Балтійское моря охраняемы нашими кораблями, тогда надлежитъ подъ великою тайною предложить сперва Версальскому двору, а потомъ Вѣнскому, раздѣлить власть надъ всею Европою. Если который либо изъ нихъ, обольщаемый честолюбіемъ и самолюбіемъ, приметъ это предложеніе—что не минуемо и случится,—то употребить его на погибель другого, а потомъ уничтожить и уцѣлѣвшаго, начавъ съ нимъ борьбу, въ исходѣ которой сомнѣваться уже будетъ нельзя, ибо Россія въ то время уже будетъ обладать всѣмъ Востокомъ и большею частію Европы.

XIV.

«Если, паче чаянія, тотъ и другой откажутся отъ предложенія Россіи, то надлежитъ искусно возжечь между ними распрю и истощить ихъ во взаимной борьбѣ. Тогда Россія, воспользовавшись рѣшительною минутою, должна устремить свои заранее собранныя войска на Германію и одновременно съ этимъ выслать два значительные флота, одинъ изъ Азовскаго моря, другой изъ Архангельска, съ своими азіатскими ордами, подъ прикрытіемъ (*sous le couvert*) вооруженныхъ флотовъ Черноморскаго и Балтійскаго. Выйдя въ Средиземное море и Океанъ, онѣ наводнятъ съ одной стороны Францію, съ другой Германію, и когда обѣ эти страны будутъ побѣждены, то остальная Европа уже легко и безъ всякаго сопротивленія подпадетъ подъ иго.

«Такъ можно и должно будетъ покорить Европу.»

Сличеніе текста «Завѣщанія» Петра Великаго, сообщеннаго Лезиуромъ и д'Еономъ, приводитъ, по крайней мѣрѣ насъ, къ заключенію, что, не смотря на разницу въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, они тождественны между собою и что одинъ изъ нихъ есть не болѣе, какъ передѣлка другого. Въ обоихъ излагаются одни и тѣже взгляды на политику Россіи, большею частью, въ выраженіяхъ буквально-схожихъ, при чемъ событія совершившіяся приурочиваются къ этимъ взглядамъ довольно ловко; тамъ же, гдѣ приходится говорить о будущемъ, оба автора даютъ полный просторъ своей фантазіи, развиваютъ невѣроятныя и несбыточные планы, обнаруживаютъ совершенное незнаніе дѣйствительныхъ національных интересовъ русскаго государства, преподаютъ отъ имени Петра Великаго самыя нелѣпыя совѣты и впадаютъ ему въ уста фразы въ родѣ «hordes

asiatiques» или «peuples nomades, féroces et avides de butin» и т. п. Вообще, поддѣлка «Завѣщанія» Петра Великаго на столько не искусна и очевидна, что не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія и можетъ вводить въ заблужденіе только тѣхъ, къ сожалѣнію, довольно многочисленныхъ, иностранныхъ публицистовъ, которые пишутъ о Россіи, вовсе не зная ея исторіи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддѣлка эта даетъ отличный матеріалъ тѣмъ враждебнымъ нашему отечеству писателямъ, которые, хотя и обладаютъ достаточными знаніями, но берутся за перо съ предвзятой мыслью — клеветать на Россію и ея правительство.

Въ доказательство послѣдняго приведемъ примѣръ. Извѣстный многими сочиненіями о Польшѣ, польскій историкъ Леонардъ Ходзько предпринялъ, въ 1839 году, на французскомъ языкѣ, популярное, иллюстрированное изданіе, подъ заглавіемъ: «La Pologne historique, litteraire, monumental et illustrée» (Польша историческая, литературная, монументальная и иллюстрированная). Въ первомъ же выпускѣ этого тенденціознаго сочиненія, Ходзько перепечаталъ изъ книги Гальярде текстъ «Завѣщанія» Петра Великаго, снабдивъ его, разумѣется, своими разсужденіями и умозаключеніями. Мало того, онъ не затруднился даже сдѣлать къ нему такое добавленіе:

«Петръ I набросалъ проектъ своего завѣщанія въ 1709 году, послѣ сраженія подъ Полтавой, и исправилъ и дополнилъ его въ 1724 году. Благодаря случаю, сопряженному съ романтическими приключеніями, о которыхъ здѣсь не умѣстно разсказывать, французскій посланникъ при дворѣ императрицы Елизаветы нашелъ возможность, въ 1757 году, снять копію съ этого страннаго (étrange) документа и немедленно отослалъ его версальскому кабинету».

Такимъ образомъ, чтобы придать поддѣлкѣ еще болѣе видъ достовѣрнаго историческаго акта, Ходзько обозначаетъ не только годъ, но и обстоятельства, при которыхъ онъ, будто бы, былъ составленъ, и приписываетъ честь добытія этого «страннаго» документа французскому по-

сланнику», преднамѣренно умалчивая о кавалерѣ д'Еонѣ, такъ какъ имя этого авантюриста могло внушить сомнѣнія серьезнымъ читателямъ.

«Иллюстрированная Польша» имѣла нѣсколько изданій и сдѣлалась главнѣйшимъ источникомъ множества перепечатокъ «Завѣщанія» Петра Великаго, расплотившихся особенно во время Крымской кампаніи. Нѣкоторые иностранные доброжелатели Россіи ограничились простымъ воспроизведеніемъ «Завѣщанія» безъ всякихъ комментаріевъ; но нашлись и такіе, которые не могли отказать себѣ въ удовольствіи кое-что присочинить къ этой поддѣлкѣ. Такъ, нѣкто г. Корреадоръ, пользующійся репутаціей дѣльнаго военнаго писателя, напечаталъ, въ 1854 году, по-французски «Карту увеличенія Россіи со времени Петра I до нашихъ дней». Въ примѣчаніяхъ къ картѣ, Корреадоръ напечаталъ «Завѣщаніе» Петра Великаго и прибавилъ къ нему слѣдующій вариантъ:

«Это политическое завѣщаніе было набросано Петромъ I въ 1710 году, послѣ сраженія подъ Полтавой, исправлено имъ въ 1722 году, послѣ Ништадскаго мира и окончательно редактировано (formulé) канцлеромъ Остерманомъ».

Кто же былъ авторомъ поддѣльнаго духовнаго «Завѣщанія» Петра Великаго?

Г. Берхгольцъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно: — Наполеонъ I, и даетъ своей брошюрѣ заглавіе: «Napoléon I auteur du testament de Pierre le Grand». Цитую нѣсколько выписокъ изъ «Souvenirs contemporains de Villemain», «Memoires du comte Mollin», «Message au senat conservateur» и «Memorial de St. Hélène», изъ которыхъ видно, что взгляды, высказанные Наполеономъ, при разныхъ случаяхъ, на политику Россіи, очень схожи съ выраженными въ поддѣльномъ «Завѣщаніи» Петра Великаго, г. Берхгольцъ, основываясь на этомъ, дѣлаетъ слѣдующій окончательный выводъ:

«Эти цитаты, которыхъ мы могли бы извлечь множество, намъ кажется, достаточно доказываютъ поразительное сходство между взглядами на вещи Наполеона I и выра-

женными въ документѣ, напечатанномъ г. Лезюромъ. И тутъ и тамъ тѣже общія мысли, тѣже заключенія, а въ мѣстахъ, гдѣ біографы цитуютъ собственныя слова императора, тѣже образы, тѣже выраженія, которые можно найти и въ рѣчахъ Наполеона и въ документахъ, диктованныхъ имъ. Къ числу послѣднихъ мы смѣло относимъ и «Завѣщаніе» Петра Великаго, которое по формѣ и содержанію доказываетъ каждому, не желающему преднамѣренно ослѣпляться, что сочинителемъ его былъ ни кто иной, какъ Наполеонъ I.

Доказательства г. Берхгольца очень остры, но не совсѣмъ убѣдительны. Мы попробуемъ высказать наше мнѣніе о происхожденіи «Завѣщанія» Петра Великаго, не дѣлаи, подобно автору брошюры «Napoléon I auteur de testament de Pierre le Grand», рѣшительныхъ приговоровъ.

Въ 1870 году, Гальярде выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе мемуаровъ кавалера д'Еона подъ измѣненнымъ заглавіемъ: «Memoires sur la chevaliere d'Eon La verité sur les mystères de sa vie d'après des documents authentiques, suivis de douze lettres inedites de Beaumarchais. Par F. Gaillardet, l'un des auteurs de la Tour de Nesle, ex-editeur redacteur en chef du «Courrier des Etats-Unis» (Записки о кавалершѣ д'Еонъ. Правда о тайнахъ его жизни по достовѣрнымъ документамъ, съ присоединеніемъ двѣнадцати неизданныхъ писемъ Бомарше. Соч. Ф. Гальярде, одного изъ авторовъ «Несльской башни» и бывшаго издателя и главнаго редактора «Вѣстника Соединенныхъ Штатовъ»). Это второе изданіе такъ существенно разнится отъ перваго, по явившагося въ 1836 году, что его можно признать за совершенно новое сочиненіе. Въ предисловіи Гальярде прямо и откровенно сознается въ тѣхъ вымыслахъ и мистификаціяхъ, которые онъ позволилъ себѣ сдѣлать въ первомъ изданіи.

«Уроженецъ мѣстности, — говоритъ онъ, — гдѣ провелъ большую часть своей молодости кавалеръ д'Еонъ и гдѣ еще существуютъ нѣкоторые члены его фамиліи, я получилъ отъ послѣднихъ, въ 1835 году, нѣсколько манускрип-

товъ, печатныхъ произведеній и разныхъ бумагъ, которые имъ достались въ наслѣдство отъ ихъ загадочнаго родственника. Затѣмъ, я выхлопоталъ себѣ, черезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ герцога Брольи и директора канцеляріи г. Милле, право разсмотрѣть въ архивѣ министерства всѣ бумаги, относящіяся къ продолжительному періоду времени политической дѣятельности кавалера д'Еона. Я нашелъ здѣсь драгоцѣнные документы, въ первый разъ опубликованные мною въ мемуарахъ, изданныхъ въ 1836 году. Но мнѣ было тогда двадцать пять лѣтъ и я только что написалъ, вмѣстѣ съ Александромъ Дюма, драму «La Tour de Nesle». Я бредилъ мрачными тайнами, трагическими любовными похождениями и сложными интригами. Жизнь кавалера д'Еона, въ томъ видѣ, въ какомъ она выяснилась изъ прочитанныхъ мною бумагъ, казалась мнѣ слишкомъ обыкновенною и, по моему убѣжденію, должна была имѣть стороны, не поддающіяся изысканіямъ и тщательно скрытыя.... Мое воображеніе работало и въ итогѣ вышло, что сочиненіе мое составилось изъ двухъ элементовъ: достовѣрнаго и выдуманнаго, романическаго».

Послѣ такого признанія, Гальярде увѣряетъ, что второе, заново передѣланное имъ, слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ, изданіе мемуаровъ д'Еона, является совершенно очищеннымъ отъ всякаго вымысла и основаннымъ единственно на строгой исторической истинѣ (stricte vérité historique). Въ этомъ заново передѣланномъ и «основанномъ на строгой исторической истинѣ», изданіи, которое, дѣйствительно, подкрѣпляется массой документовъ и писемъ, мы опять встречаемъ текстъ «Завѣщанія» Петра Великаго безъ всякихъ перемѣнъ. Мало того, Гальярде въ предисловіи ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ «первый обнародовалъ этотъ «знаменитый» документъ» (j'ai été le premier à mettre au jour la copie de cet fameux testament).

Не морочить ли опять Гальярде довѣрчивую публику? Не повторяетъ ли онъ снова на шестомъ десяткѣ своего возраста ту же мистификацію, которую совершилъ въ молодости, имѣя всего двадцать пять лѣтъ, когда его воображе-

ніе «сильно работало»? Дѣйствительно ли очисти́лъ онъ свое сочиненіе отъ всѣхъ вымысловъ и не является ли оно новымъ плодомъ его пылкой фантазіи, вторичнымъ сборникомъ небывалыхъ событій и разнаго рода поддѣлокъ? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Кавалеръ д'Еонъ представляетъ собою полнѣйшій типъ авантюриста прошлаго столѣтія, всегда готоваго, безъ разбора, браться за все: и за перо, и за шпагу, и за дипломатію, и за грязную интригу и, наконецъ, надѣтъ женскую юбку, когда это обѣщаетъ ему какія нибудь выгоды. Онъ началъ свою карьеру литературой. Первымъ его произведеніемъ было надгробное слово графинѣ де-Пентьевръ, затѣмъ онъ написалъ: «*Essai historique sur les differentes situations de la France par rapport aux finances*» (Историческій опытъ о разныхъ положеніяхъ Франціи въ отношеніи финансовъ) и два тома «*Considerations politiques sur l'administration des peuples anciens et modernes*» (Политическія соображенія объ управленіи древнихъ и новыхъ народовъ). Мы не знаемъ этихъ сочиненій и не можемъ судить о нихъ, но полагаемъ, что двадцати-шести лѣтній авторъ, неимѣвшій серьезной научной подготовки, долженъ былъ имѣть большую смѣлость, чтобы трактовать въ нѣсколькихъ томахъ о такихъ сложныхъ и специальныхъ предметахъ, какъ финансы Франціи и управленіе у древнихъ и новыхъ народовъ. Какъ бы то ни было, сочиненія эти ввели его въ кружокъ тогдашнихъ писателей и доставили ему знакомство и покровительство нѣкоторыхъ французскихъ вельможъ, любившихъ въ то время меценатствовать. Черезъ нихъ онъ сблизился съ принцемъ Конти и былъ рекомендованъ послѣднимъ королю, какъ способный и ловкій молодой человѣкъ, когда Людовику XV понадобилось, въ 1755 году, отправить въ Россію, вмѣстѣ съ официальнымъ резидентомъ, кавалеромъ Дугласомъ, тайнаго агента, чтобы завязать съ императрицею Елизаветою Петровною пріямъ, такъ сказать, интимныя сношенія и, въ тоже время, секретно доносить королю о дѣйствіяхъ его представителя при русскомъ дворѣ. Въ инструкціи, дан-

ной Дугласу и д'Еону, имъ поручалось, кромѣ дипломатическихъ обязанностей, тайно собрать свѣдѣнія о политическомъ, военномъ и финансовомъ состояніи Россіи, о ея настоящихъ и будущихъ видахъ на Польшу, о намѣреніяхъ относительно Швеціи и Турціи, о расположеніи императрицы и ея министровъ къ Франціи, Англіи и Германіи, о склонности русскаго правительства къ войнѣ, или миру, о преданности малороссійскихъ казаковъ, о партіяхъ, раздѣлявшихъ петербургскій дворъ и т. д.²⁾ Читая эту инструкцію, нельзя не замѣтить страннаго совпаденія: почти на всѣ задаваемые ею вопросы мы находимъ отвѣтъ въ поддѣльномъ «Завѣщаніи» Петра Великаго.

Посылка въ Россію открывала д'Еону, вмѣсто литературной, политическую карьеру. Это первое дипломатическое порученіе, полученное имъ столь неожиданно, разомъ давало ему положеніе при дворѣ и ставило его въ непосредственныя отношенія къ королю, а удачное исполненіе сузило впереди заманчивую дорогу почестей и наградъ. Понятно, что, находясь въ Россіи, въ роли тайнаго агента, онъ всячески старался зарекомендовать себя передъ своимъ правительствомъ и выказать свою ловкость и дипломатическія способности. Красивый, не глупый, д'Еонъ скоро втерся въ домъ вице-канцлера графа Воронцова и другихъ русскихъ вельможъ, былъ принятъ ко двору, узнавалъ, разспрашивалъ, интересуясь, конечно, болѣе всего политическими вопросами. Доказательствомъ, что онъ желалъ ознакомиться съ Россіей и собиралъ о ней свѣдѣнія, служить довольно объемистое сочиненіе, представленное имъ королю и напечатанное впоследствии подъ заглавіемъ «Историческія и статистическія замѣтки о русскомъ государствѣ», гдѣ говорится, по немногу, обо всемъ: и о русской торговлѣ, и о русскомъ тарифѣ, и о распоряженіяхъ Петра Великаго относительно монашествующихъ, и о трактатахъ Россіи съ Англіей, и о судьбѣ царицы Евдокіи Теодоровны, и т. д. Все это написано бойкимъ, самоувѣреннымъ

²⁾ Инструкція эта напечатана г. Бутарникомъ въ изданной имъ «*Correspondance secrete, inedite de Louis XV.*» Paris. 1866. Т. I. Р. 204 и слѣд.

тономъ, наполнено, разумѣется, разнымъ вздоромъ и ложными взглядами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторую наблюдательность.

Въ 1757 году, Дугласу удалось убѣдить петербургскій кабинетъ вступить въ союзъ съ Франціей, направленный противъ Пруссіи. Успѣшному исходу переговоровъ много содѣйствовалъ д'Еонъ, что засвидѣтельствовано и самимъ Дугласомъ въ донесеніяхъ его министру иностранныхъ дѣлъ. Д'Еонъ былъ отправленъ въ Парижъ чтобы вручить Людовику XV договоръ, подписанный русской императрицей. Эта поѣздка давала ему возможность лично объяснить королю свою дипломатическую дѣятельность въ Россіи, увѣнчавшуюся успѣхомъ, который онъ исключительно приписывалъ себѣ. Есть основанія предполагать, что уже въ это время д'Еонъ мечталъ о постѣ французскаго посланника при русскомъ дворѣ, постѣ, котораго онъ и добился въ 1762 году, хотя, впрочемъ, всего лишь на нѣсколько дней, такъ какъ назначеніе его было отмѣнено, по случаю переворота, происшедшаго въ Петербургѣ. Достиженію этой цѣли, столь льстившей его самолюбію, могли препятствовать его молодость и неопытность, а потому ему необходимо было выставить себя передъ королемъ и министрами въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, вселить въ нихъ увѣренность въ своихъ дипломатическихъ способностяхъ и представить свое пребываніе въ Россіи плодотворнымъ и важнымъ для французскаго правительства. Онъ поднесъ королю свое сочиненіе о Россіи, какъ наглядное свидѣтельство того, что основательно изучилъ эту страну. Но все это могло казаться д'Еону еще недостаточнымъ для осуществленія его затаенной мечты. Въ его интересахъ было предъявить какой нибудь необыкновенный подвигъ, ярко рисующій его ловкость, усердіе, умѣнье пользоваться людьми и обстоятельствами, его обширныя связи при петербургскомъ дворѣ, благодаря которымъ для него все достижимо, даже сокровеннѣйшіе тайники русской политики. Вотъ, по нашему мнѣнію, источникъ происхожденія поддѣльнаго духовнаго «Завѣщанія» Петра Великаго,

т. I. 77.

и мы вполне увѣрены, что авторомъ его былъ ни кто иной, какъ кавалеръ д'Еонъ. Сочиненіе подобнаго акта не представляло для него трудностей. Два года вращаясь при дворѣ дочери Петра I, окружившей себя чисто русскими людьми, которые чтили память ея великаго отца и старались во всемъ слѣдовать его предначертаніямъ, д'Еонъ безпрестанно долженъ былъ слышать разсужденія о политикѣ и планахъ Преобразователя Россіи, дѣйствительно, какъ бы завѣщанныхъ имъ своимъ преемникамъ, потому что они были основаны на глубокомъ пониманіи національныхъ интересовъ. Д'Еонъ, разумѣется, не могъ уяснить ихъ себѣ; онъ схватилъ, такъ сказать, только внѣшность, перетолковалъ ее по своему и изложилъ, дополнивъ, съ отличавшей его самонадѣянностью, своими домыслами и предсказаніями. Для лучшей мистификаціи поддѣлки, онъ счелъ не лишнимъ придать ей офиціальныи видъ начальными словами: «Во имя святой и нераздѣльной Троицы, мы, Петръ, и т. д.» Однако, не смотря на это, поддѣлка была на столько очевидна, и личность д'Еона внушала такъ мало довѣрія, что французское правительство отнеслось съ полнымъ пренебреженіемъ къ представленнымъ имъ бумагамъ: — «Французскіе министры, — говоритъ по этому поводу самъ д'Еонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — не придали никакой важности моему сообщенію и признали изложенныя въ немъ планы невозможными и химерическими. На мое открытіе не было обращено серьезнаго вниманія потому, конечно, что оно было сдѣлано молодымъ человекомъ». Бумаги, доставленныя д'Еономъ, были, разумѣется, сданы въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и лежали покойно до той минуты, когда начинающему французскому литератору пришла, въ 1836 году, мысль описать жизнь загадочнаго авантюриста и разобрать относящіяся къ нему документы. Можно судить о радости Гальярде, когда онъ нашелъ въ кипѣ запыленныхъ бумагъ «Завѣщаніе» Петра Великаго и получилъ возможность съ гордостью заявить всему свѣту, что онъ первый открылъ

этотъ знаменитый актъ, который, при его полнѣйшемъ незнаніи исторіи Россіи, не могъ возбудить въ немъ какихъ-либо сомнѣній и былъ признанъ имъ, съ французскимъ легко-вѣріемъ, за несомнѣнный и дѣйствительно существующій.

Теперь мы попытаемся объяснить, какимъ образомъ, по нашему мнѣнію, «сущность» завѣщанія, сочиненнаго д'Еономъ, попала въ книгу Лезюра. Мы знаемъ, что императоръ Наполеонъ I, въ борьбѣ съ своими политическими и личными врагами, не былъ разборчивъ въ средствахъ и считалъ каждое изъ нихъ хорошимъ, лишь бы оно достигало, или содѣйствовало цѣли. Задумавъ, въ 1812 году, вступить въ рѣшительную борьбу съ такимъ опаснымъ соперникомъ, какъ Россія, онъ, естественно, желалъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе Европы, напугать его грознымъ призракомъ возрастающаго могущества Русской имперіи и представить себя оплотомъ цивилизаціи противъ завоевательныхъ замысловъ сѣверныхъ варваровъ. Въ этихъ видахъ онъ и заказалъ Лезюру написать сочиненіе: «Des progrès de la puissance russe» для распространенія его въ публикѣ. Лезюръ, какъ историкъ, не могъ совершенно легко отнестись къ такой задачѣ и, чтобы исполнить ее, не компрометируя своего имени, долженъ былъ просмотрѣть въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ бумаги, касающіяся дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ XVIII столѣтіи. Выбирая изъ нихъ преимущественно тѣ, кото-

рыя подходили къ его предвзятой идеѣ, онъ, разумѣется, обратилъ вниманіе на «Завѣщаніе» Петра Великаго; но имя лица, сообщившаго этотъ документъ и содержаніе послѣдняго, ясно указывали на поддѣлку. Затрудняясь ввести въ свое сочиненіе столь важный актъ, достовѣрность котораго ничѣмъ нельзя было подтвердить, Лезюръ могъ показать его Наполеону и просить императора высказать свое мнѣніе по этому поводу. Конечно, Наполеонъ ни минуты не колебался признать подобный документъ подложнымъ, но программа, заключающаяся въ немъ, вполне согласовалась съ цѣлями, которыя имѣлись въ виду при составленіи книги Лезюра, — напугать публику завоевательными планами Россіи, и потому было рѣшено, сократить и измѣнивъ этотъ документъ, сообразно тогдашнему политическому положенію и обстоятельствамъ, напечатать его съ объясненіемъ, что это есть сущность плановъ Петра Великаго, будто бы изложенныхъ имъ для руководства преемникамъ въ секретныхъ запискахъ, которыя, какъ увѣряютъ, хранятся въ домашнемъ архивѣ русскихъ государей.

Мы не утверждаемъ, что въ настоящей запискѣ положительно рѣшили вопросъ о происхожденіи поддѣльнаго «Завѣщанія» Петра Великаго, и будемъ очень рады выслушать мнѣнія, противоположныя нашему; они могутъ только способствовать разъясненію этого вопроса, во всякомъ случаѣ, не лишенаго интереса.

С. Шубинскій.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ИСТОРИИ РОССИИ С. М. СОЛОВЬЕВА.

оставивъ своею задачей служить дѣлу русской исторической науки, съ помощью художественныхъ произведеній и русскаго искусства, редація «Древней и Новой Россіи» съ особеннымъ удовольствіемъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на торжество современной русской науки, украшенное художественнымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ наше время одною изъ отраслей русскаго искусства. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ крышку серебрянаго бювара, сдѣланнаго извѣстнымъ московскимъ фабрикантомъ П. А. Овчинниковымъ, для поднесенія въ немъ привѣтственнаго адреса С. М. Соловьеву, по случаю завершившагося двадцатипятилѣтія его обширнаго труда объ исторіи Россіи. Произведенія Овчинникова давно уже славятся въ Россіи и за границей, но не многія изъ нихъ превосходятъ, если не по роскоши, то по изяществу отдѣлки и художественности общаго впечатлѣнія, описываемый бюваръ, и это можетъ служить новымъ подтвержденіемъ того, какъ важно для успѣховъ искусства достоинство сюжета, а это достоинство опредѣляется для художественныхъ произведеній вложенною въ сюжетъ мыслью или чувствомъ. Руководящими мотивами въ настоящемъ случаѣ были уваженіе къ русской исторіи и чувство признательности къ лицу, наиболѣе содѣйствовавшему своимъ трудами ея успѣхамъ. Имя С. М. Соловьева уже болѣе 30 лѣтъ связано съ развитіемъ исторической науки. Первое изслѣдованіе его (магистерская диссертация): «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», вышедшее въ 1845 году, обратило на него общее вниманіе людей, слѣдившихъ за движеніемъ отечественной исторіографіи и въ слѣдующемъ году было перепе-

чатано. Въ 1847 году, Соловьевъ издалъ вторую диссертацию: «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», которая давно стала библиографическою рѣдкостью. Въ 1851 году, вышелъ первый томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»; и съ тѣхъ поръ каждый слѣдующій годъ приносилъ по одному тому. Теперь разсказъ историка доведенъ до первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины Великой. Большая часть томовъ «Исторіи» переиздана: первый томъ выдержалъ пятое изданіе.

Съ первыхъ своихъ изслѣдованій С. М. Соловьевъ сталъ указателемъ извѣстнаго направленія въ литературѣ русской исторіи, которое, посредствомъ книги или лекціи, подготовляло значительный кругъ людей не только къ пониманію, но и къ ученой обработкѣ отечественной исторіи.

С. М. Соловьевъ самъ не разъ опредѣлялъ это направленіе, высказывая свой взглядъ на задачи историка: указывать «естественную связь событій, естественное развитіе изъ самого себя», слѣдить «за непосредственнымъ преемствомъ формъ», «не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодействіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ» — такова, по мнѣнію его, обязанность историка; историкъ можетъ считать эту обязанность исполненной, если явленія въ его разсказѣ слѣдуютъ одно за другимъ и одно изъ другого естественно и не обходимо.

Когда вышелъ первый томъ книги С. М. Соловьева, такой взглядъ не былъ новостію въ нашей исторической литературѣ. И прежде было нѣсколько попытокъ построить историческое повѣствованіе на этомъ прагматическомъ методѣ и его успѣли даже низвести на степень простаго искусства такъ сцѣплять событія, чтобы одно

являлось причиной или слѣдствіемъ другого. Книга С. М. Соловьева рѣзко отдѣлилась отъ этого искусственнаго прагматизма. Устанавливая внутреннюю, живую, а не механическую связь между историческими явленіями, С. М. Соловьевъ достигнулъ двухъ результатовъ, благодаря которымъ его книга не будетъ забыта при дальнѣйшемъ движеніи русской исторической науки.

Въ ряду писателей, предпринимавшихъ трудъ написать исторію Россіи, С. М. Соловьева можно назвать первымъ, который съ успѣхомъ попытался взглянуть на явленія нашей исторіи просто и трезво. Такой взглядъ, нелегкій вездѣ, для русскаго историка, можетъ быть, труднѣе, чѣмъ для кого-либо другого. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія можно назвать только двухъ русскихъ писателей, бравшихся за такой трудъ и оказавшихъ замѣтное дѣйствіе на сознание читающаго общества приемами обработки и талантомъ изложенія: это были Карамзинъ и Полевой. Но ни тому, ни другому не удалось стать на такую прямую и трезвую точку зрѣнія. Первый, руководясь эстетическими и моралистическими задачами историка, останавливался преимущественно на явленіяхъ, поражающихъ чувство или воображеніе, и часто не зналъ, какъ оцѣнить и куда дѣвать факты, въ которыхъ оказывались самыя сильныя біенія пульса народнои жизни. Много читавшій и изучавшій, Карамзинъ обо многомъ недостаточно размышлялъ. Полевой пытался восполнить пробѣлъ, оставленный Карамзинымъ въ литературѣ русской исторіи. Усвоивъ воспримчивой мыслью приемы и направленіе западной исторіографіи того времени, онъ рѣшился пересмотрѣть прошлое русскаго народа «прагматическимъ, философскимъ» взглядомъ. Но его живой, даровитой мысли не доставало ни ученой выдержки, ни знакомства съ русскимъ историческимъ матеріаломъ. Онъ слишкомъ быстро обобщалъ и рѣшалъ. Въ двухъ явленіяхъ, русскомъ и западно-европейскомъ, найти что нибудь сходное для него было достаточно, чтобы признать ихъ одинаковыми и одно назвать именемъ другого. Оттого основные факты нашего прошедшаго яв-

лялись у него въ парадной, чуждой, заимствованной одеждѣ. Поднявшись на своемъ философскомъ взглядѣ на высоту, откуда открывалось передъ нимъ «поворище дѣяній всемірной исторіи», съ смѣлой задачей связать прошедшее Россіи съ всемірно-историческими событіями, какъ причину, или слѣдствіе послѣднихъ, Полевой схватывалъ только внѣшнія, такъ сказать, геометрическія очертанія русской жизни, но типическія внутреннія черты мѣста и времени ускользали отъ его плохо вооруженнаго глаза. Совсѣмъ иначе обращался съ матеріаломъ С. М. Соловьевъ. Онъ подходилъ къ историческому факту прямо и близко, всматривался въ него пристально, старался уловить въ немъ именно мѣстные и временныя особенности и потому точно воспроизвести его дѣйствительный образъ. Прежде, чѣмъ подвергнуть отдѣльное явленіе анализу и обобщенію, онъ бережно переносилъ его изъ лѣтописи или акта на страницы своего разсказа, какъ археологъ переноситъ выкопанный обломокъ въ свою витрину. Отсюда его привычка разсказывать словами источника, его нелюбовь къ заученной исторической терминологіи и искусственному дѣленію періодовъ, чѣмъ иногда прикрывалось недостаточное пониманіе смысла и связи событій: онъ первый возсталъ противъ этихъ норманнскихъ, удѣльныхъ и монгольскихъ періодовъ, потому что эти термины описываютъ время только съ внѣшней стороны, но не захватываютъ главнаго русла русской жизни въ тѣ вѣка.

Эти приемы не остались безъ вліянія на нашу историческую литературу: писатели, которые по книгѣ С. М. Соловьева учились такъ обращаться съ фактами, не забудутъ, кто научилъ ихъ этому, даже если разойдутся съ нимъ въ пониманіи основныхъ фактовъ нашей исторіи.

Приложеніе лучшихъ приемовъ къ обработкѣ нашей исторіи—успѣхъ самъ по себѣ техническій—соединенъ въ трудѣ С. М. Соловьева съ другой заслугой, которая выходитъ за предѣлы ученой техники и касается реальнаго содержанія науки. С. М. Соловьева не разъ упрекали въ томъ, что въ нарисованной имъ картинѣ нашего прошедшаго вездѣ на первомъ планѣ по-

ставлены внѣшнія политическія явленія, а факты внутренней народной жизни, экономической, умственной и нравственной, оставлены въ тѣни, какъ будто историкъ считалъ ихъ менѣе важными, пренебрегалъ ими. Но, въ самомъ началѣ своего труда, на первой страницѣ его, онъ предупредилъ читателя, что считаетъ обязанностью историка «не раздѣлять началъ, а разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи». Научное пониманіе прошлаго Россіи ничего не потеряло въ книгѣ С. М. Соловьева отъ того, что авторъ, обращаясь къ историческимъ фактамъ, часто забывалъ, какъ размѣщены они въ ученой табели о рангахъ, и дорожилъ каждой чертой, въ которой сказывалась жизнь. Книга его въ нашей литературѣ—первая попытка найти въ событіяхъ и формахъ государственной жизни Россіи отраженіе работы ея внутреннихъ историческихъ силъ и по этимъ наружнымъ явленіямъ проникнуть въ самыя сокровенныя движенія народной жизни. Такимъ образомъ, слѣдя «за непосредственнымъ преемствомъ» политическихъ формъ, въ которыя облекалась жизнь русскаго народа на пространствѣ девяти столѣтій, С. М. Соловьевъ успѣлъ подмѣтити и изобразить нѣсколько рѣшительныхъ, поворотныхъ эпохъ, когда измѣнялось не одно государственное право, преобразовывались не однѣ политическія формы, но и теченіе всей народной жизни переломлялось и принимало иное направленіе.

Читатели книги С. М. Соловьева безъ труда припомнятъ эти эпохи, которыя поставлены въ нашей литературѣ С. М. Соловьевымъ, какъ основные факты русской исторіи, какъ главные моменты исторической жизни русскаго народа.

Въ трехъ столѣтіяхъ, слѣдовавшихъ за смертью Ярослава, Карамзинъ видѣлъ только паденіе Россіи, разрушеніе государства, созданнаго первыми князьями; онъ отказывался найти историческій смыслъ въ столь продолжительномъ періодѣ, наполненномъ княжескими усобицами, которыя называлъ «безсмысленными». Въ порядкѣ княжескаго владѣнія русскою землею, какой установился послѣ Ярослава, Полевой находилъ уже «особую систему

феодалныхъ русскихъ государствъ»; эту систему удѣловъ, «обладаемыхъ членами одного семейства подѣ властію старшаго въ родѣ», онъ характеризовалъ названіемъ феодализма семейнаго. Полевой смутно чувствовалъ значеніе этого періода, говоря, что онъ «былъ необходимъ для развитія жизненныхъ силъ по всѣмъ землямъ русскимъ, силъ, сосредоточивавшихся до смерти Ярослава только въ Кіевѣ и Новгородѣ». Всматриваясь въ княжескія отношенія, какъ ихъ изобразилъ С. М. Соловьевъ, послѣ внимательнаго изученія, не находимъ въ нихъ существенныхъ чертъ порядка, который обыкновенно называютъ феодализмомъ; за то, позади княжескихъ усобицъ, при видимомъ раздѣленіи Руси на княжескія волости, въ рассказѣ С. М. Соловьева впервые открываемъ незамѣченный до него рядъ условий, вызванныхъ къ дѣйствию или поддержанныхъ князьями, условий, которыя завязываютъ и скрѣпляютъ «общій интересъ, сознание о всеобщемъ единствѣ» русскихъ волостей.

Прежде, рассказывая о событіяхъ XII в., повѣствователи чувствовали, что со времени Андрея Боголюбскаго на Руси совершается какая-то важная внутренняя перемѣна: суздальская земля какъ-то вдругъ выступаетъ съ неожиданной силой, налагаетъ тяжелую руку на кіевскую Русь и въ этой землѣ съ тѣхъ поръ земская жизнь начинаетъ складываться въ порядокъ, непохожій на прежній кіевскій складъ. Не зная, какъ назвать и чѣмъ объяснить эту перемѣну, характеризовали ее перенесеніемъ столицы изъ Кіева во Владиміръ, или какой-нибудь другой столь же внѣшней чертой. С. М. Соловьевъ точно описалъ переломъ, совершившійся тогда въ русской жизни, обозначилъ появленіе «отдѣльной княжеской собственности», вотчины, или удѣла, смѣнившего прежній порядокъ общаго княжескаго владѣнія, и указалъ, гдѣ слѣдуетъ искать источника новаго порядка,—въ колонизаціи суздальской земли XII и XIII в. и въ тѣхъ новыхъ отношеніяхъ, какія она установила здѣсь между княземъ и населеніемъ.

Быстрый ростъ Московскаго княжества въ

XIV и XV в. былъ загадкой для Карамзина и онъ называлъ чудомъ превращеніе ничтожнаго удѣльнаго городка въ средоточіе государства Россійскаго. Онъ и писавшіе послѣ него склонны были объяснять счастливую судьбу Москвы личными качествами ея князей, Ивана Калиты и его преемниковъ, и поддержкой, какую они умѣли находить въ Ордѣ. Прослѣдивъ дѣятельность московскихъ князей шагъ за шагомъ, перебравъ мелкія явленія, которыми обозначались ихъ успѣхи, С. М. Соловьевъ разглядѣлъ другія, болѣе могущественныя и менѣе случайныя силы, работавшія надъ судьбой этого княжества: онъ отмѣтилъ или описалъ рядъ географическихъ и экономическихъ условий, создавшихъ матеріальную силу Москвы еще прежде, чѣмъ она достигла политическаго, земскаго значенія, и рядъ обстоятельствъ, которыя, при тогдашнемъ положеніи другихъ княжествъ и при внѣшнихъ отношеніяхъ Руси, открыли московскимъ князьямъ, съ ихъ матеріальными средствами, просторную дорогу къ политическимъ успѣхамъ. Собираніе сѣверной Руси Москвой является въ разсказѣ С. М. Соловьева послѣдовательнымъ процессомъ, движущія пружины котораго вскрыты на столько ясно, чтобы не подозрѣвать въ немъ ничего необычайнаго.

Въ исторіи XV и XVI стол. С. М. Соловьевъ первый изобразилъ ярко появленіе и борьбу политическихъ понятій и страстей, вызванныхъ въ высшихъ классахъ московскаго общества территоріальнымъ расширеніемъ и внутреннимъ устроеніемъ государства. Далѣе исторіку предстояли вѣка, истинная исторія которыхъ лежала похороненной въ нетронутыхъ массахъ архивскаго матеріала. Разсказывая его, С. М. Соловьевъ чутко выслѣдилъ первые признаки начинавшагося новаго перелома русской народной жизни, который такъ рѣзко и тревожно обнаружился при вступѣ перваго царя новой династіи. Разсказъ С. М. Соловьева о Россіи въ XVII в. впервые освѣтилъ научнымъ свѣтомъ реформы Петра Великаго. Издавна у насъ сложилась привычка судить объ этихъ реформахъ, какъ судить публицистъ о законодательномъ проектѣ, открытомъ для попра-

вокъ. Преобразовательныя мѣры Петра взвѣшивали и цѣнили преимущественно по ихъ практическимъ послѣдствіямъ, болѣе предполагаемымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ: къ нимъ обращались съ разными требованіями, нравственными и другими, и такъ какъ послѣдствія выходили очень разнообразными, а требованія часто совершенно капризными, то сужденіе о дѣлѣ Петра было низведено на почву вкуса или чувства, превратилось въ простую хвалу или порицаніе. Въ книгѣ С. М. Соловьева преобразовательная дѣятельность Петра впервые является не дѣломъ личнаго произвола, не исторической невозможностью, а историческимъ фактомъ, корни котораго таились въ глубинѣ народной жизни. Нарисованная историкомъ картина экономическаго, соціальнаго и нравственнаго разстройства Московской Руси передъ эпохой преобразования вскрыла эти корни и показала, чѣмъ внушены, какъ опредѣлились основныя стремленія Преобразователя и даже какъ воспитаны были самыя приемы преобразования.

Обновивъ въ памяти эти главные итоги многолѣтняго труда С. М. Соловьева, почитатели историка, по выходѣ XXV тома его книги, привѣтствовали его за то, что онъ, если не первый вывелъ русскую исторіографію изъ области простаго воспоминанія и чувства, то первый укрѣпилъ ее на почвѣ научной мысли, которой, надобно надѣяться, она никогда уже не покинетъ.

Привѣтственный адресъ былъ слѣдующаго содержанія:

Сергѣй Михайловичъ,

Не только тѣ, для кого исторія Россіи представляетъ предметъ научнаго интереса, но и всѣ русскіе люди, которымъ дорогъ историческая судьба ихъ отечества, высоко цѣнятъ Ваше имя и съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдятъ за Вашей ученой дѣятельностью. Въ теченіи 25 лѣтъ, каждый годъ Вы приносили имъ изъ глубины архивныхъ рудниковъ рядъ обработанныхъ фактовъ, увеличивавшихъ собою прочный запасъ нашей исторической науки. Ждать этого стало для нихъ потребностью и они напередъ привыкли заносить съ нетерпѣніемъ ожидаемый новый томъ въ число своихъ ежегодныхъ научныхъ приобрѣтеній.

Начавъ съ первыхъ ростковъ русской народно-

сти, показавшихся на ея исторической почвѣ, Вы мѣрнымъ и безустаннымъ шагомъ шли все дальше въ чащу развивавшейся жизни Россіи, поднимая нетронутыя Вашими предшественниками новы. Теперь Вы стоите у колыбели поколѣнія, къ дѣтямъ котораго принадлежите сами; Вы уже рассказываете о явленіяхъ, среди которыхъ родились понятія и чувства, памятные многимъ изъ насъ, какъ впечатлѣнія молодости. При Вашей преданности наукѣ и неослабной энергіи въ трудѣ, Вы доведете рассказъ до той исторической минуты, когда Ваши изысканія встрѣтятся съ Вашими воспоминаніями и ученое сказаніе историка смѣнится повѣстью наблюдательнаго современника. Это—искреннее наше желаніе и, когда оно исполнится, прошедшее Россіи впервые будетъ рассказано писателемъ, мысль котораго руководилась не минутнымъ настроеніемъ современнаго ему общества, а неизмѣннымъ разумомъ историческихъ фактовъ.

Эти чувства и желанія мы сочли обязанностью высказать Вамъ по поводу выхода тома, завершившаго первое двадцатипятилѣтіе Вашего обширнаго труда, и мы увѣрены, что къ тѣсному кругу лицъ, принявшихъ участіе въ нашемъ заявленіи, присоединились бы, если бы имъ была дана возможность, всѣ почитатели русской исторической науки.

На это С. М. Соловьевъ отвѣчалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Люди, отутившіеся въ положеніи, подобномъ тому, въ какое Вамъ угодно было поставить меня, господа, обыкновенно говорятъ, что не находятъ словъ для выраженія своей благодарности, полноты чувствъ, ихъ волнующихъ. И я имѣлъ бы право сказать это, еслибъ не чувствовалъ обязанности отрѣшиться нѣсколько отъ своихъ личныхъ отношеній и взглянуть на дѣло спокойнѣе и шире.

Нашему обществу слышатся упреки, что оно еще молодо, неразвито, что научный интересъ въ немъ слабъ. Но дѣйствительно-ли это такъ? Въ обществѣ молодомъ и неразвитомъ, человѣкъ, посвящающій себя обширному ученому труду, не долженъ разсчитывать на сочувствіе общества, сочувствіе, всегда дорогое человѣку, и въ молодости, и въ старости. Въ молодомъ, неразвитомъ обществѣ, человѣкъ, желающій приобрести сочувствіе общества, популярность, долженъ постоянно напоминать о себѣ, попадаясь ежедневно на глаза, участвуя во всѣхъ вопросахъ дня, занимающихъ общество, а главное, долженъ применить къ вліятельному кружку, члены котораго постоянно трубили бы его славу, его заслуги и значеніе, не давали бы забывать о немъ.

Но человѣкъ, занятый обширнымъ ученымъ трудомъ, не имѣетъ времени напоминать о себѣ, постоянно попадаясь на глаза и трубя въ уши, не имѣетъ времени и не считаетъ достойнымъ для

себя плясать подъ первую раздавшуюся музыку; если въ обществѣ происходятъ важныя явленія, возбуждающія его сочувствіе, то онъ одинъ изъ первыхъ выразитъ его, но такія явленія не бывають часты. Что же касается кружка, то примкнуть къ кружку обыкновенно значить отказаться отъ своей независимости, самостоятельности, на что ученый, крѣпко держащійся за знамя науки, имѣющій въ виду только свои обязанности къ ней, согласиться не можетъ, и потому долженъ осудить себя на одиночество, тяжелое для человѣка во всѣхъ отношеніяхъ.

Такъ бываетъ въ обществѣ молодомъ, незрѣломъ. Но Вашъ настоящій поступокъ, господа, показываетъ, что наше общество не таково: Вы, изъ любви къ наукѣ, выразили свое сочувствіе человѣку, который не имѣлъ времени искать сочувствія; Вы пришли сказать труженику науки дорогой ему привѣтъ, пришли сказать ему: «Богъ поможетъ!» При видѣ такого общественнаго явленія, личное дѣло идетъ въ сторону, и я считаю себя въ правѣ высказать Вамъ благодарность не за себя, а за русскую науку, за русскихъ ученыхъ, настоящихъ и будущихъ.

Со стороны участниковъ въ заявленіи предполагалось дать ему совершенно частный характеръ. Но слухи о предстоящемъ заявленіи разнеслись по городу и въ назначенный для поднесенія бювара день къ С. М. Соловьеву пріѣхали много лицъ изъ образованнаго общества для выраженія ему своего сочувствія. Это служитъ доказательствомъ, что труды почтеннаго историка имѣють не только научныя достоинства, но и общественное значеніе. Его сочиненіе есть первый полный разсказъ историческихъ судебъ Россіи, доведенный почти до начала нашего вѣка. Что такой подвигъ былъ совершенъ силами одного человѣка, что эти силы не ослабѣли въ теченіи столь долгаго времени, достойно удивленія современнаго общества. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» есть капитальное сооруженіе науки, которымъ должно гордиться современное поколѣніе. Какъ полотно желѣзной дороги прокладывается прямою линіей на сотни верстъ, то на ровной мѣстности, то сквозь тѣса и болота, прежде не проходимыя,—такъ изложеніе историка ровно и гладко идетъ на протяженіи 9 вѣковъ, то освѣщая новымъ свѣтомъ уже извѣстные факты, то прокладывая твердый путь для изученія такихъ эпохъ, такихъ сто-

ронъ прошедшаго, которыя оставались еще неизслѣдованными; и если желѣзныя дороги, соединившія на глазахъ нынѣшняго поколѣнія отдаленныя области и содѣйствовавшія духовному объединенію страны, признаются національнымъ дѣломъ, то въ другомъ смыслѣ и съ большимъ основаніемъ долженъ быть признанъ національнымъ дѣломъ подвигъ историка, связавшаго въ первый разъ общую нить поколѣнія, изъ которыхъ сложилась жизнь Россіи, освѣтившаго смыслъ этой жизни и содѣйствовавшаго духовному самосознанію науки.

Символическимъ изображеніемъ этой мысли долженъ былъ служить художественный памятникъ, изображенный въ прилагаемомъ рисункѣ. Это бюваръ изъ темно-синяго бархата, роскошно отдѣланный серебромъ, золотомъ и эмалью. По срединѣ его серебряный медальонъ съ портретомъ С. М. Соловьева, обвитый кругомъ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ. Борта и остальные украшенія бювара изъ разноцвѣтной эмали. На верху и внизу помѣщенъ видъ двухъ городовъ—Кіева и Москвы—которые составляли колыбель и центръ исторической жизни Россіи въ два долгіе періода, вполне законченные въ изложеніи историка. По угламъ помѣщены памятники великихъ государей, которымъ Россія обязана своимъ возвышеніемъ и своей цивилизаціей. Въ четвертомъ углу помѣщенъ памятникъ тысячелѣтія Россіи, какъ выраженіе общаго желанія, чтобы историкъ довелъ до конца свой рассказъ и чтобы его историческій трудъ сталъ, такимъ образомъ, другимъ памятникомъ тысячелѣтнихъ судебъ Россіи, который бы жилъ въ умахъ почитателей русской исторической науки.

Въ заключеніе нашей замѣтки приводимъ текстъ адресовъ, присланныхъ С. М. Соловьеву С.-Петербургскимъ университетомъ и Академіею Наукъ:

Адресъ С.-Петербургскаго Университета.

Милостивый Государь

Сергѣй Михайловичъ!

Въ настоящемъ году свершилось 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ первый томъ Вашей «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». За

этимъ первымъ томомъ появилось еще 24 тома и теперь «Исторія Россіи» доведена до первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II. Въ этихъ 25 томахъ русская наука получила первую попытку связать въ стройное цѣлое событія тысячелѣтней жизни народа, внести свѣтъ идеи въ тѣ «темные лѣса», о которыхъ говорилъ Карамзинъ, поставить исторію Россіи на подобающее ей мѣсто во всемирной исторіи. Одна такая попытка сама по себѣ составила-бы заслугу; но этой заслугой не исчерпывается все значеніе «Исторіи Россіи»: если, слѣдуя за своимъ великимъ предшественникомъ, историкъ сумѣлъ многое понять вѣрнѣе и объяснить полнѣе, если онъ, напримѣръ, внесъ свѣточъ во мракъ удѣльнаго времени, пользуясь аналогіей съ другими славянскими народами, если онъ точнѣе оцѣнилъ Грознаго, если онъ могъ уловить смыслъ Смутнаго времени,—то можно было сказать, что многое онъ нашелъ готовымъ; но вотъ, съ начала XVII в., онъ вступилъ на поле новое и неразработанное, ему пришлось и обжигать кирпичи и строить зданіе. Трудность задачи какъ-бы удвоила силы трудившагося: опираясь на матеріалъ, извлеченный изъ множества архивовъ, матеріалъ, по большей части, никѣмъ не изученный и даже никому не извѣстный, историкъ смогъ не только группировать этотъ матеріалъ, но и сдѣлать изъ него общіе выводы: онъ сумѣлъ указать на связь вѣка Петрова съ предъидущимъ, опредѣлить почву, на которой развилась дѣятельность Петра и тѣмъ перенести величайшаго изъ царей земныхъ изъ области мѣга въ область дѣйствительности; онъ сумѣлъ оцѣнить забытое и даже пристрастно истолкованное время Елизаветы. Гордясь честью считать въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ такого, какъ Вы достойнаго истолкователя судебъ родной земли, Петербургскій университетъ спѣшитъ принять участіе въ выражаемомъ Вами сочувствіи и не можетъ не пожелать еще многихъ лѣтъ продолженія такой высокой и плодотворной дѣятельности. Пусть вѣкъ Екатерины и великая пора XII года найдутъ себѣ мѣсто на страницахъ Вашей книги.

Ноября 9 дня 1876 года.

Адресъ Академіи Наукъ.

Многоуважаемый Сергѣй Михайловичъ!

Императорская Академія Наукъ получила отъ Васъ вышедшій недавно XXVI томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Съ живѣйшею признательностію принявъ этотъ даръ, она съ особеннымъ удовольствіемъ перенеслась мыслію къ началу обширнаго труда своего достойнаго Члена.

Въ 1851 году явился первый томъ Вашей исторіи, и съ того времени, въ теченіи 25 лѣтъ, Вы неуклонно, съ неослабѣвающей дѣятельностію, съ правдивостію первыхъ нашихъ лѣтописателей, знакомили насъ съ прошлыми судьбами отечества,

дѣлились каждый годъ съ читающею Россіею новыми свѣдѣніями объ ея жизни, добытыми Вами въ пыли архивовъ, въ грудахъ матеріаловъ, къ которымъ до Васъ никто не прикасался, и по мѣрѣ приближенія къ нашей эпохѣ, Вы все болѣе и болѣе становились единственнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ надежнымъ проводникомъ среди совершившихся событій, а въ новѣйшей исторіи Вамъ самимъ пришлось прокладывать первые пути, за которые несомнѣнно и настоящіе и будущіе изслѣдователи прошлаго Россіи будутъ всегда съ признательностію произносить Ваше имя.

Въ насъ, членахъ императорской Академіи

Наукъ, при видѣ новаго тома Вашей исторіи, является естественное желаніе, чтобы Вы, многоуважаемый Сергѣй Михайловичъ, еще долго не переставали трудиться на пользу отечественной исторіи, чтобы продолженіе блистательнаго царствованія Екатерины II и послѣдующія времена ласкали въ Васъ достойнаго повѣствователя, чтобы Ваша исторія, по счастливому выраженію Карамзина, сдѣлалась священною книгою русскаго народа, и чтобы она, вмѣстѣ съ развитіемъ его просвѣщенія, послужила къ достиженію имъ самопознанія.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева. Т. XXVI. Москва. 1876.

Двадцать шестой томъ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева обнимаетъ 1764 и 1765 года царствованія Екатерины II, которымъ посвящены первыя двѣ главы этого тома. Третья глава и послѣдняя обобщаетъ исторію просвѣщенія въ Россіи отъ основанія Московскаго университета до смерти Ломоносова, т. е. отъ 1755 до 1765 года.

Говоря о XXVI томѣ обширнаго труда С. М. Соловьева, мы, по нашему обычаю, остановимся въ этой краткой рецензій на нѣкоторыхъ частностяхъ третьей главы, оставляя разборъ первыхъ двухъ главъ до слѣдующихъ томовъ. Это мы дѣлаемъ потому, что первыя двѣ главы представляютъ начало событій, развитіе которыхъ увидимъ только въ слѣдующихъ томахъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», ибо теперь трудно судить, насколько авторъ выяснитъ нѣкоторые изъ этихъ событій и дастъ или нѣтъ новое освѣщеніе уже извѣстнымъ фактамъ.

Однако, при всемъ нашемъ уваженіи къ труду автора, мы не можемъ не замѣтить, что если каждае два года Екатеринина царствованія потребуютъ по цѣлому тому, то публикѣ придется долго дожидаться окончанія исторіи царствованія Екатерины, ибо для этого царствованія потребуется не менѣе XVI или XVII томовъ. Это соображеніе тѣмъ болѣе приходитъ въ голову, что далѣе встрѣчаются года важнѣе 1764 и 1765 годовъ.

Видимо, что, при обширности своего труда, авторъ не успѣлъ опредѣлить себѣ границъ и размѣровъ въ описаніи событій царствованія Екатерины II.

Приступая къ обзору исторіи просвѣщенія въ Россіи съ основанія Московскаго университета до смерти Ломоносова, авторъ напоминаетъ о тѣсной связи между царствованіемъ Елизаветы и Екатерины.

Уже при обзорѣ царствованія Елизаветы онъ указывалъ на эту связь. «Народъ—говоритъ онъ,—при-

шедшій въ себя (т. е. опомнившійся отъ ужасовъ Бироновщины), начинаетъ говорить отъ себя и про себя, и является литература, является языкъ, достойный говорящаго о себѣ народа, являются писатели, которые остаются жить въ памяти и мысли потомства, является народный театръ, журналъ, въ старой Москвѣ основывается университетъ».

«Для будущаго времени готовится новое поколѣніе, воспитанное уже въ другихъ правилахъ и привычкахъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ прежнія царствованія, воспитывается, готовится цѣлый рядъ дѣятелей, которые сдѣлаютъ знаменитымъ царствованіе Екатерины II.» (т. XXIV, стр. 421).

«Екатерина II—говоритъ онъ во вновь вышедшемъ томѣ—вмѣстѣ со многими сотрудниками своими воспитывалась, росла этимъ общимъ ростомъ при Елизаветѣ» (т. XXVI, стр. 203).

Что связь между обѣими царствованіями основывалась на внутреннемъ развитіи общества, то это ясно доказывается фактами. Такъ, напр., кому неизвѣстны сношенія Екатерины II съ тогдашними французскими писателями и особенно съ Вольтеромъ? Но при этомъ общеизвѣстномъ фактѣ какъ-то забываютъ, что сношенія съ Вольтеромъ начались уже въ царствованіе Елизаветы, забываютъ другой общеизвѣстный фактъ, что, при Елизаветѣ, Вольтеръ былъ въ сношеніяхъ съ Шуваловымъ, по порученію котораго писалъ исторію Петра Великаго, къ немалой досадѣ Фридриха II-го Прусскаго.

Досада Фридриха замѣчательна; она показываетъ, что съ Карла V, остановившаго пріѣздъ въ Россію мастеровыхъ при Грозномъ, Европа, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, мало измѣнилась въ своихъ чувствахъ къ Россіи.

«Скажите мнѣ, пожалуйста—писалъ онъ Вольтеру, когда тотъ занимался (хотя и плохо) исторіею Пе-

тра—съ чего вы это вдумали писать исторію волюковъ и медвѣдей сибирскихъ? И что вы можете еще разсказать о царѣ, чего нѣтъ въ исторіи Карла XII? Я не буду читать исторію этихъ варваровъ, мнѣ бы хотѣлось даже вовсе не знать, что они живутъ на нашемъ полушаріи».

Если слова эти сопоставить съ таковою же его ненавистію къ полякамъ, какая обнаруживается въ этихъ словахъ къ Россіи, ненавистію, которая не погнушалась снабжать Польшу фальшивою монетою, и съ его нетерпѣливымъ желаніемъ истребить бѣдные остатки славянскихъ нарѣчій въ его владѣніяхъ, то мы получимъ въ этомъ гениальномъ государственномъ человѣкѣ обращикъ воззрѣній Европы на насъ въ частности и на славянъ вообще.

Несмотря на досаду своего царственного друга, Вольтеръ продолжалъ свое дѣло, надѣясь, что императрица Елизавета выхлопочетъ ему дозволеніе возвратиться въ Парижъ. Узнавши о кончинѣ Елизаветы Петровны, Вольтеръ писалъ своей племянницѣ: «моя императрица Россіи умерла и по странности моей звѣзды выходитъ, что я понесъ чрезвычайно большую потерю».

Русскія отношенія Вольтера при Елизаветѣ и положили начало сношеніямъ Вольтера съ Екатериною II-ю. Узнавши, что Шуваловъ внушаетъ Вольтеру невыгодное о ней мнѣніе и зная силу его вліянія на общественное мнѣніе, Екатерина поручила завести съ нимъ переписку женецу Пикте. Черезъ посредство Пикте Екатерина и Вольтеръ обмѣнялись взаимными комплиментами, что и повело къ личнымъ сношеніямъ.

При Елизаветѣ же и началось на русское общество вліяніе французской литературы XVIII вѣка, которой С. М. Соловьевъ представляетъ очеркъ, полный оригинальныхъ взглядовъ и замѣтокъ.

Вліяніе на русское общество французской литературы XVIII вѣка, при всѣхъ ея крайностяхъ, было велико и благотворно, оно отразилось въ смягченіи нравовъ, въ развитіи гуманныхъ понятій. Не вина была уже французской литературы, что немногіе, запасаясь знаніями изъ этой литературы, счумѣли остаться такими горячими русскими патриотами, какъ Порошинъ; не вина французской литературы XVIII в., что въ большинствѣ, какъ тогда еще говорили, шляхетства вліяніе это отразилось образованіемъ жаргона, который, въ началѣ XIX в., Грибоѣдовъ назвалъ смѣсью французскаго съ нижегородскимъ.

Большинство образованнаго общества, еще не опомнившася отъ Бироновщины подъ вліяніемъ той же литературы потеряло почти совсѣмъ чувство патриотизма и вѣру въ свой народъ, что не могло гибельно не отзываться не только надъ тогдашнимъ, но и надъ послѣдующимъ нашимъ развитіемъ. За то немногіе, сохранившіе вѣру въ свой народъ, поработали за многихъ.

Весьма жалко, что нашъ историкъ почти совсѣмъ не обратилъ вниманія на эту сторону нашего развитія, которая, будучи освящена надлежащимъ об-

разомъ, была бы поучительна и для нашего времени. Но для объясненія этой стороны нашего развитія пришлось бы коснуться и условій, при которыхъ укрѣпляется или гаснетъ въ народахъ чувство патриотизма.

Тѣ немногіе, о которыхъ мы сказали, всегда и вездѣ стояли на стражѣ русскихъ интересовъ, и, какъ ни слабо было развито общество, но оно инстинктивно цѣнило этихъ немногихъ. Первое мѣсто въ средѣ этихъ немногихъ занималъ Ломоносовъ. «Екатерина—говоритъ нашъ историкъ—не могла позволить себѣ выразить неудовольствіе противъ перваго писателя, противъ знаменитаго патриота, въ то время, когда всѣми силами старались придать перевороту 1762 г. патриотическое значеніе. Очень можетъ быть, что отношенія Ломоносова къ Шуваловымъ не нравились, ибо въ этихъ отношеніяхъ нельзя было не признать заслуги Шувалова, его права на славу, на вѣчную славу, а это признаніе было непріятно; но «тамъ» (этимъ таинственнымъ словомъ обозначали Екатерину) были очень умны, поэтому тамъ и остерегались высказывать подобныя непріятныя чувства».

Ломоносова упрекаютъ въ пристрастіи, въ грубости относительно ученыхъ иностранцевъ, приводя его извѣстный отзывъ о Шлецерѣ: «какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ російскихъ древностяхъ сія допущенная въ нихъ скотина».

Но упрекающіе его доктринеры, всегда умѣющіе на своихъ дудочкахъ издавать одинъ какой-либо звукъ или смотрѣть упорно въ одну какую либо точку въ пространствѣ, забываютъ, какое время пережилъ Ломоносовъ, забываютъ, какъ страдала эта великая душа въ царствованіе Петра III. Стоитъ вспомнить его стихи на вступленіе Екатерины II на престолъ, стихи, въ которыхъ онъ заставляетъ такъ говорить Петра Великаго:

«Я мертвъ, терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ то моя Россія,
Подъ игомъ области чужія,
Лишилась власти славы, силъ?

А какова была эта рана для живого Ломоносова, того доктринеры-педанты знать не могутъ.

Мы не думаемъ, однако, чтобы Екатериною II въ ея отношеніяхъ къ Ломоносову руководилъ бы одинъ только политическій расчетъ, который, конечно, игралъ свою роль. Но, кромѣ расчета, гениальная Екатерина по своей натурѣ должна была уже чувствовать благорасположеніе къ таланту.

«Государыня—писала она Даламберту—обязаны поощрять таланты, иначе заподозрять, что у нихъ у самихъ нѣтъ талантовъ».

Такое подозрѣніе было бы не безъ основанія, относительно Петра III, отъ котораго Ломоносову нельзя было ждать благоволенія.

Слова маленькаго в. князя Павла Петровича о Ломоносовѣ, по смерти послѣдняго, служатъ отто-

лоскомъ того, что думалось и говорилось врагами Ломоносова до и послѣ смерти Петра III, не любившаго холмогорскаго рыбака. «Что о дуракѣ жалѣть—говорилъ ребенокъ в. к. — казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ».

Но самъ Ломоносовъ, сознавая свои заслуги передъ отечествомъ, умеръ съ увѣренностью, что истинныя дѣти отечества его пожалѣютъ. «За то терплю—писалъ Ломоносовъ—что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ».

Говоря о первомъ десятилѣтіи Московскаго университета, историкъ замѣчаетъ, что мы присутствуемъ при истокахъ большой рѣки въ видѣ ничтожнаго болотнаго ручейка. Любопытно было бы сдѣлать при этомъ случаѣ сравненіе результатовъ дѣятельности Академіи въ первое ея тридцатипятилѣтіе и дѣятельности Московскаго университета въ первое его десятилѣтіе. Если мы вспомнимъ бѣдность учебно-приготовительныхъ средствъ, отсутствіе гимназій, за исключеніемъ двухъ, Московской и Казанской, то по истинѣ заслуги Московскаго университета представляется намъ въ грандіозныхъ размѣрахъ.

Потребность въ образованіи уже довольно обозначилась въ обществѣ, а между тѣмъ средства къ удовлетворенію оной были крайне бѣдны. Поэтому не мудрено, что отдавали учить дѣтей первому встрѣчному иностранцу: такъ, по свидѣтельству Державина, въ Оренбургѣ каторжанинъ Роза училъ дѣвочекъ и мальчиковъ и обращался съ ними варварски. Такихъ примѣровъ было довольно. Потребность въ образованіи въ концѣ царствованія Елизаветы вызвала учрежденіе частныхъ пансіоновъ.

Такимъ образомъ, въ очеркѣ русскаго образованія съ 1755 по 1765 г. обнаруживается близкая связь царствованія Екатерины II съ царствованіемъ Елизаветы, связь, основанная на внутреннемъ развитіи общества и этимъ указаніемъ историкъ еще разъ бросаетъ новый свѣтъ на царствованіе Елизаветы.

Конечно, въ этомъ обзорѣ недостаетъ цѣльности, приводятся факты весьма любопытные, но факты эти не освѣщаютъ другъ друга, ибо о группировкѣ ихъ не было времени думать историкъ.

Такъ, напр., приведенныя авторомъ слова изъ статьи Сумарокова: «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка», взятыя отдѣльно, конечно, любопытны, но въ связи въ общей картинѣ они получили бы и болѣе смысла, и болѣе значенія.

«Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости—говоритъ Сумароковъ—есть не обогащеніе, а порча языка... Сказывано мнѣ, что нѣкогда нѣмка московской Нѣмецкой слободы говорила: «Mein мужъ каш домой, stieg черезъ заборъ und fiel ins грязь». Это смѣшно, да и это смѣшно: «я въ дистракціи и дезесперѣ, аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я ку сюръ противъ ривала своего буду реванжироваться».

Авторъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» ни слова не говоритъ отъ себя объ этой замѣткѣ Сумарокова, но въ приведенной выше тарабарщинѣ не одно смѣшное и комичное, какъ выражался Сумароковъ.

Естественно подумать, до какой степени, у людей, говорившихъ если не совсѣмъ такою тарабарщиною, но подходящимъ къ ней языкомъ, должны были портиться врожденныя человѣку чувство красоты, естественная логика или здравый смыслъ, насколько подобное обезьянство должно было деморализировать національное чувство.

Мы говоримъ это не въ порицаніе громаднаго труда С. М. Соловьева, а только указываемъ, что по проложенной имъ бороздѣ еще много рукъ потребуются для работы, точно такъ, какъ потребовалось и требуется еще и теперь много рукъ для разработки нашей исторіи до-петровскаго времени, послѣ трудовъ Карамзина и того же С. М. Соловьева.

Вовсякомъ случаѣ, исторія С. М. Соловьева—знаменіе нашего времени, времени тяжелаго, подготовительнаго и его исторія будетъ также неразрывна съ славой царствованія Александра II, какъ исторія Карамзина съ славой Александра I-го.

Евгеній Блюмъ.

ЗАМѢТКИ И НОВОСТИ.

VII.

Григорій Богословъ въ древне-Славянскомъ переводѣ XI вѣка.—Неизданное письмо митрополита Евгенія о неурядкѣхъ въ Кіевской лаврѣ (изъ портфеля редактора). — Библіотека графовъ Красинскихъ. — «Безбѣдное страхомъ молчаніе». — Путеводитель по Люблину.—Древній щитъ. — Безбожники въ селѣ Брюховѣ (изъ портфеля редактора). — Библіографія Польской геральдики. — Русскіе въ Америкѣ. — Константинъ Ивановичъ Скворцовъ. — Памятникъ Тому Андерсону въ Царскомъ Селѣ. — Издатель «Будильника» крестьянинъ Суховъ. — Гуверньеръ-французъ въ Россіи въ 1726 году (изъ портфеля редактора).—Образъ мыслей М. Н. Лонгинова (изъ портфеля редактора).—Древности Кіево-Софійскаго собора.—«Патериконъ» Сильвестра Коссова. — Письмо комедіанта къ императрицѣ Екатеринѣ (изъ портфеля редактора).—Къ исторіи Латинно-Нѣмецкаго обычая въ православной церкви.

Григорій Богословъ въ древне-славянскомъ переводѣ XI вѣка. Мы бы оказались въ большомъ долгу передъ вѣчными на себя дѣломъ и передъ нашими читателями, если бы не дали отчета о прекрасномъ, выходящемъ изъ ряда вонъ, трудѣ А. С. Будиловича (нынѣ — профессора Нѣжинскаго историко-филологическаго института): «Тринадцать словъ Григорія Богослова въ древне-Славянскомъ переводѣ XI вѣка». Этотъ критико-палеографическій трудъ отличается рѣдкими въ нашемъ археографическомъ дѣлѣ качествами, касающимися какъ самого исполненія, такъ и тѣхъ подготовительныхъ работъ, которыя потребовались для изданія помнятаго древне-Славянскаго текста. Текстъ появился въ исходѣ 1875 года, а ему предшествовало (1871) «Исслѣдованіе языка XIII словъ», давшее руководственные начала для изданія Славянскаго текста. Большая часть этого труда (стр. 27—141), какъ и слѣдовало ожидать отъ ученаго ислѣдователя и будущаго образцоваго издателя, отана сравненію языка Славянскаго перевода съ языкомъ Греческаго подлинника и лексическимъ параллелямъ между оригиналомъ и переводомъ. Просматривая эти любопытныя параллели, невольно приходятъ на память слова инока Исаія, извѣстнаго переводчика творений Діонисія Ареопагита (Макарьевскія «Четыи Миней», октябрь, вып. I, столбц. 263) что «Еллинскій языкъ многопремудръ, художень и зѣло скупъ», т. е., что одно и то же Греческое слово переводится на Славянскій языкъ разными словами, или требуетъ описательной формы. Выводъ изъ лексическаго разсмотрѣнія словъ Григорія Богослова тотъ, что только 50 словъ заимствованы изъ Греческаго (стр. 124—125), и это—въ языкѣ столь обширнаго и отвлеченнаго памятника. «Что же касается — замѣчаетъ г. Будиловичъ—довольно значительнаго числа словъ новосоставленныхъ по аналогіи Греческихъ, то и здѣсь подражательность является далеко не рабскою и не механическою: такъ, на примѣръ, можно признать за фактъ, что Славянскій языкъ предпочитаетъ образованія составныя предложныя—сложнымъ». Конечно, не забыты г. Будиловичемъ и синтаксическія особенности;

почтенный ученый былъ такъ обязателенъ, что привелъ (въ своемъ «Исслѣдованіи», стр. 126—141) даже варианты для издателей Греческаго текста «Словъ» Григорія Богослова; и мы, признаться сказать, ожидали, что, при изданіи древне-Славянскаго перевода, встрѣтимъ и оригиналъ, положенный насупротивъ, для лучшаго пониманія перевода и для нагляднѣйшаго обозрѣнія построенія рѣчи въ подлинникѣ и переводѣ. Хотя при всѣхъ темныхъ мѣстахъ перевода стоитъ въ примѣчаніяхъ Греческій текстъ, но, ради такого важнаго памятника нашей древне-переводной святоотеческой литературы, слѣдовало бы «творить милость до конца», помѣстивъ сполна Греческій текстъ, какъ это, на примѣръ, сдѣлано Билярскимъ при изданіи отрывка изъ Манассіиной лѣтописи. Заключительный выводъ г. Будиловича о языкѣ древне-Славянскаго перевода «Тринадцати словъ Григорія Богослова» отличается нѣкоторою восторженностью: «При первомъ почти своемъ выступленіи на поприще литературной дѣятельности, гений Славянскаго языка проявилъ столько свѣжести и силы, такое обиліе словообразовательныхъ средствъ и широту лексическаго объема, что мы должны назвать его единоборство съ Греческимъ болѣе преждевременнымъ, чѣмъ неравнымъ. Каждому суффиксу, каждой почти флексіи, каждому корню и слову Греческаго—Славянскій языкъ могъ противопоставить свое, а во многихъ случаяхъ и нѣсколько своихъ». Дѣйствительно, единоборство Славянскаго языка съ Греческимъ было нѣсколько «преждевременно», а потому и неравно. Эта неравность чувствовалась еще и гораздо позднѣе, даже въ послѣдней четверти XIV вѣка, когда приведенный нами выше инокъ Исаія, знавшій Греческій языкъ на столько, «сѣлико мощно разумѣти скупость того и тяжесть прелаганія отъ оного въ нашъ языкъ», приступилъ къ переводу творений Діонисія Ареопагита. Эта неравность, по справедливому замѣчанію того же инока, заключалась въ томъ, что Греческій языкъ «исперва художень и пространъ бысть» и «отъ различныхъ по временѣхъ любомудрець ухищренъ бысть»; нашъ же Славянскій «хитрости не удостоися»,

благодаря отсутствію «любоученія любочестивыхъ слова мужей». Что касается изданнаго г. Будиловичемъ текста древне-Славянскаго перевода «Тринадцати словъ Григорія Богослова», мы можемъ прямо, безъ малѣйшаго преувеличенія, сказать, что это—образецъ ученой добросовѣстности, палеографическаго знанія и системы; правила, касающіяся внѣшнихъ сторонъ изданія (стр. XI—XII), отличаются замѣчательною несложностью и удобопонятностью, причемъ палеографическія особенности вполне сохранены и примирены съ логическими требованіями критическаго изданія: ни тѣ, ни другія другъ другу не мѣшаютъ, идутъ своею дорогою, первыя — по верхнему уровню строки, вторыя — по нижнему. Отсюда можно видѣть, какой громадный трудъ, какая настойчивость, можно сказать, упорство — требовались для одной только внѣшней стороны изданія, для того, чтобы довести дѣло до конца, отъ 1-й страницы и кончая 285-ю! И вотъ — дѣло кончено: одинаковая энергія, неослабѣвающее вниманіе видны на каждой страницѣ; текстъ обогащенъ множествомъ необходимѣйшихъ примѣчаній, сличеній съ оригиналомъ; предисловіе снабжено весьма важнымъ указателемъ мѣстъ св. писанія, т. е., тѣхъ текстовъ, которые встрѣчаются въ изданномъ памятникѣ. Конечно, можно было бы пожелать изданія общаго словаря къ этому памятнику; но на этотъ трудъ можно смотрѣть, какъ на особый, выполненіе котораго остается открытымъ для новыхъ филологическихъ силъ: такъ, текстъ Ипатьевской лѣтописи изданъ особо, а словарь къ ней также особо; тоже самое можно сдѣлать и со «Словами» Григорія Богослова. Мы должны благодарить достопочтеннаго слависта А. С. Будиловича и за эту жертву, которую онъ принесъ наукѣ и которая всегда будетъ занимать одно изъ видныхъ мѣстъ. Трудъ г. Будиловича заставляетъ насъ вспомнить и о другой сторонѣ дѣла, на которую обращаетъ вниманіе замѣтка профессора Московской духовной академіи, Н. И. Барсова, именно—о современномъ состояніи изученія святоотеческихъ твореній въ нашей духовной литературѣ («Прав. Обзоръ» 1875, дек.). Отрывочные и случайные переводы лучшихъ мѣстъ изъ Отцовъ Церкви стали въ обиліи появляться въ двухъ старѣйшихъ духовныхъ журналахъ «Христіанскомъ Чтеніи» и «Воскресномъ Чтеніи» (кстати: сжатую и мѣткую характеристику нашей духовной журналистики можно прочесть въ «Правосл. Собес.» 1875, февр.) за первые годы ихъ изданія. Затѣмъ, въ болѣе научной и болѣе систематической формѣ взялся за это дѣло Московскій митрополитъ Филаретъ, и тамошняя академія дала намъ почти всѣхъ главнѣйшихъ Отцовъ періода вселенскихъ соборовъ — этого золотого вѣка отеческой литературы (переводъ былъ начать съ твореній Григорія Богослова). По отзыву специалистовъ, это Московское изданіе, относительно хронологическаго порядка и систематичности, не напоминало «Patro-

logiae cursus completus» Мина, а переводчики непо-
мѣрно заботились о близости перевода къ подлин-
нику, жертвуя при этомъ чистотою и правильно-
стью Русской рѣчи. Вскорѣ затѣмъ переводы рас-
пространились по всѣмъ нашимъ духовнымъ жур-
наламъ, между прочимъ, Кіевская академія пред-
приняла, по мысли государыни императрицы,
изданіе перевода твореній Отцовъ западной Церкви.
Но съ 1875 года переводное «движеніе» какъ-то
вдругъ и почти повсемѣстно прекратилось, въ то
время, когда еще не сдѣлано и половины дѣла.
Г. Барсовъ справедливо сѣтуетъ объ этомъ, дока-
зывая, примѣромъ Хомякова, важность для лю-
бителей духовной науки непосредственнаго изуче-
нія отеческой литературы, такъ какъ курсы бо-
гословія издавна носятъ на себѣ характеръ болѣе
отрывочный, сентенціонный, т. е., пользуются
изреченіями, классическими мѣстами изъ свято-
отеческихъ твореній. «Необходимо намъ имѣть
полный переводъ святоотеческихъ твореній на
Русскомъ языкѣ—говоритъ г. Барсовъ: только въ
этомъ случаѣ такое изученіе (цѣлостное—каждо
Отца Церкви) можетъ сдѣлаться общедоступнымъ
и одинаково возможнымъ не только для лицъ про-
фессіональных, но и для каждаго желающаго по-
святить себя этой отрасли знаній». Но — какъ
достигнуть этого, какъ совершить этотъ полный
переводъ всей отеческой литературы—г. Барсовъ
не рѣшаетъ. Между тѣмъ, вопросъ этотъ очень
важенъ. Опытъ прежнихъ лѣтъ съ очевидностью
доказалъ, что это грандіозное, монументальное
дѣло не можетъ быть выполнено частною иници-
ативою нашихъ духовныхъ журналовъ. Впервыхъ,
чтобы не испортить этого дѣла, чтобы не сдѣлать
его разношерстнымъ, нужны десятки лицъ, объ-
единенныхъ высшимъ уровнемъ знанія, богослов-
скаго и филологическаго, и одинаковыми приемами.
Вовторыхъ, нужны немалыя матеріальныя сред-
ства. Втретьихъ: какъ бы ни былъ безупреченъ
Русскій переводъ, но текстъ оригинала непре-
мѣнно долженъ быть помѣщенъ насупротивъ
перевода, который, вслѣдствіе этого, вслѣдствіе
возможности немедленной провѣрки, будетъ и
точнѣе, и свободнѣе, и не заставитъ прибѣгать
къ отыскиванію (особенно — въ провинціи) или
пріобрѣтенію стоящаго недешево Мина (кстати:
мы до сихъ поръ еще не имѣемъ порядочно-издан-
наго древне-Греческаго текста полной Библіи;
крайне-сѣрое синодальное изданіе этого текста
сдѣлалось рѣдкостью, да и къ тому же преиспол-
нено опечатокъ; исключеніе составляетъ Новый
Завѣтъ, съ замѣчательною тщательностью издан-
ный, параллельно со Славянскимъ текстомъ, П. И.
Савваитовымъ на иждивеніе Норова). Вчетвер-
тыхъ: оригинальный текстъ твореній Отцовъ Цер-
кви еще важенъ и для правильнаго уразумѣнія,
для оцѣнки древне-Славянскихъ переводовъ, кото-
рые равнымъ образомъ требуютъ изданія, какъ
древнѣйшіе памятники языка, какъ краснорѣчи-
вые свидѣтели древне-Русской любви къ духовной

наукѣ, къ духовному просвѣщенію. Такимъ образомъ, внѣшній видъ предполагаемаго новаго изданія отеческой литературы, изданія серьезнаго, которое вполне упразднить Миня и во многомъ превзойдетъ его, представить три параллели: 1) Греческій или Латинскій текстъ (Отцы западной Церкви), 2) древне-Славянскій переводъ (тамъ, гдѣ онъ есть) и 3) современный Русскій; словомъ, со внѣшней стороны, это изданіе будетъ похоже на «Богослуженные Каноны на Греческомъ, Славянскомъ и Русскомъ языкахъ», изданные г. Е. Ловягинымъ. Мы заранее соглашаемся съ замѣчаніями, которыя будутъ направлены противъ обширныхъ замысловъ нашего проекта, но замѣтимъ, что если дѣлать дѣло, то его нужно дѣлать, какъ слѣдуетъ и исполнѣ, безъ отговорокъ, на примѣръ, слѣдующихъ: что иностраннымъ текстомъ мы можемъ пользоваться по изданію Миня, и что обнаруженіе древне-Славянскихъ текстовъ есть дѣло археографическихъ комиссій и другихъ ученыхъ историческихъ обществъ. При такихъ отговоркахъ, трудно будетъ сдѣлать что-нибудь полное, стройное, цѣлое, части котораго всегда будутъ разбросаны то тамъ, то сямъ. Мы думаемъ, что наше отечество, съ первыхъ шаговъ своихъ обнаружившее особенную любовь къ отеческой литературѣ, къ духовному просвѣщенію, обязано своимъ прошедшимъ и своимъ будущимъ — собрать всѣ эти памятники во-едино, въ одно монументальное изданіе, которое удовлетворяло бы и цѣлямъ духовнымъ, и историческимъ, и филологическимъ. Понятно, что такое предпріятіе не подъ силу частной инициативѣ, и потому взоры невольно обращаются къ нашему высшему духовному вѣдомству, къ синоду, который одинъ только будетъ въ силахъ разрѣшить этотъ вопросъ и отыскать для этого дѣла необходимыя средства.

Неизданное письмо митрополита Евгенія о неурядицахъ въ Киевской лаврѣ (изъ портфеля редактора). Въ декабрьской книжкѣ «Древней и Новой Россіи» за прошлый годъ мы привели любопытное мнѣніе Черноморскаго епископа Игнатія Брянчанинова о современномъ состояніи монашества въ Россіи и о причинахъ его паденія. Теперь С. Н. Шубинскій передалъ намъ письмо Киевскаго митрополита Евгенія, найденное въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго М. Я. Морошкина. Письмо это помѣчено 2-мъ ноября 1827 года и писано къ намѣстнику Киевской лавры архимандриту Авксентію. Оно служитъ, какъ увидитъ читатель, весьма яркою иллюстраціею къ приведенному мнѣнію епископа Игнатія о монастыряхъ. «По полученному мною изъ Ковельца отъ 17 октября донесенію, вамъ уже извѣстно, какіе развраты скрываются въ святой чудотворной Киевопечерской лаврѣ. Еще бывшій Киевскій губернаторъ Бухаринъ, со вступленія моего въ начальство лавры, предостерегалъ меня и обращалъ мое вниманіе на оныя; но я, не зная еще ясныхъ обстоятельствъ, ожи-

далъ открытія оныхъ, и нѣкоторые только гнѣздилища развратовъ старался упразднить. Доходили до меня о томъ вѣсти и въ Петербургъ. Но заочно не могъ я также войти въ изслѣдованіе оныхъ. Въ бытность вашу при мнѣ прошлаго 1826 года, въ Москвѣ, одинъ исключенный изъ лавры послушникъ доносилъ мнѣ и разносилъ таковыя вѣсти по монастырямъ и домамъ, особенно о мерзостяхъ одного нашего брата. Изъ сего можно видѣть, что какъ ни скрываются развратные, но народъ ихъ знаетъ уже поимянно. Нѣсть бо тайны (особливо—зло), еже не открытается и въ явленіе не придетъ. Если міръ и безъ того непріязненъ монашеству и монастырямъ и иногда оклеветывается невинныхъ для извиненія своихъ развратовъ, то чѣмъ оправдаться передъ міромъ и предъ невинною братіею виновные, подающие справедливыя поводъ къ таковымъ нареканіямъ! Какъ можно строго винить и послушниковъ, не спасеніе, а душевную пагубу получающихъ отъ примѣра начальствующихъ надъ ними? Какъ дерзаютъ, безъ мученія совѣсти, входить въ храмъ Покровительницы оного, Пречистыя Дѣвы, таковыя осквернители, и даже приступать къ причащенію пречистаго тѣла Спасителя нашего безъ страха и трепета казни Божіей? Яднъ бо и пійя недостойне судъ себѣ ясть и петь. Мы видимъ, что и стекающіеся въ Киевѣ со всѣхъ сторонъ Россіи міряне съ благоговѣйнымъ чувствованіемъ входятъ въ святую Лавру, воздержаніемъ и строгою молитвою пріуготовляются въ ней къ принятію святыхъ таинъ. Какимъ же образомъ, безъ зазрѣнія совѣсти, оскверненные сами дерзаютъ преподавать имъ пречистыя таинны, и паче всего развратомъ своимъ соблазнять приходящихъ здѣсь научиться благочестію и святости? Горе человѣку, имже соблазнъ приходитъ, рекъ Спаситель. Итакъ, если ни христіанская совѣсть, ни монашескіе обѣты, ни древняя святость лавры, ни примѣры святыхъ богоугодниковъ Печерскихъ, коихъ именемъ они питаются и довольствуются до пресыщенія,—то поношеніе, разносимое о нихъ по всей Россіи, свѣдѣніе всѣхъ Киевскихъ жителей и начальниковъ, болтливость и похвальба самихъ пользующихся сими развратами и надзоръ полиціи, могущій обнаружить ихъ еще гласнѣе къ поруганію всей лавры, должны образумить ихъ. А какъ вы ближе меня при нихъ находитесь, то вамъ предписываю строжайшее имѣть вниманіе на таковыхъ и отвращать ихъ и увѣщаніями, и угрозами наказаній начальническихъ, и страхомъ казней Божіихъ; ибо и мы за нихъ, и за послабленіе имъ должны отдать отвѣтъ Богу».

Библиотека графовъ Красинскихъ. Мы получили вышедше недавно два тома «Biblioteki ordynacyi Krasinskiach» носящей еще и второе заглавіе «Muzeum Konstantego Swidzinskiego». Этотъ второй титулъ объясняется тѣмъ, что наслѣдники Константина Свидвинскаго присоединили богатые коллекціи по-

койнаго собирателя къ библиотекѣ графовъ Красинскихъ (въ Варшавѣ) и, въ память ученыхъ заслугъ Свидзинскаго, столь много (замѣтимъ кстати) помогшаго Киевской археографической комиссіи, дали капиталъ на изданіе историческихъ матеріаловъ, подъ вышеназваннымъ вторымъ заглавіемъ. Припомнимъ здѣсь, что порядочное количество матеріала изъ собранія Свидзинскаго вошло въ Киевскія археографическія изданія; затѣмъ маркиграфъ Мышковскій (иначе—графъ Велепольскій), наслѣдовавшій Свидзинскому не по завѣщанію, но по опредѣленію сената, издалъ два тома «Библиотеки ординаціи Мышковской» (Краковъ, 1859—1860), составленной изъ помянутаго собранія. Но потомъ, когда душеприкащики возбудили протестъ, маркиграфъ Мышковскій послѣдилъ отказаться отъ ученыхъ сокровищъ въ пользу библиотеки графовъ Красинскихъ, которая и приступила съ 1875 года къ обнародованію «Музея Константина Свидзинскаго». Редакторомъ этихъ двухъ томовъ былъ Владиславъ Хоментовскій, скончавшійся въ маѣ прошлаго года; и это обстоятельство едва ли не послужитъ для перерыва въ изданіи. Покойный давно уже завѣдывалъ библиотекою графовъ Красинскихъ и издалъ (1868—1871) пять томовъ историческихъ матеріаловъ, подъ вышеприведеннымъ первымъ титуломъ. Первый томъ (193 стр.) «Музея Константина Свидзинскаго» почти весь отданъ перепискѣ великаго гетмана Яна-Карла Ходкевича съ королемъ, государственными людьми, женою, сыномъ и т. д.; сюда вошло нѣсколько писемъ изъ прежде-напечатанныхъ; въ общемъ же все это собраніе писемъ, обнимающее періодъ отъ 1603 до 1621 года даетъ довольно полный матеріалъ для біографіи Ходкевича, для исторіи Литовской и тогдашней Московской. Этой перепискѣ предшествуетъ довольно обстоятельная замѣтка редактора о рукописяхъ изъ Радзивилловскаго архива, вошедшихъ въ составъ музея Константина Свидзинскаго. Въ этой замѣткѣ особенно интересна опись (стр. 8—15) 33-хъ подлинныхъ документовъ на Русскомъ языкѣ (1521—1597); желательно, чтобы наши археографическія комиссіи обратили на нихъ свое вниманіе. Не менѣе важно сообщеніе о найденномъ, наконецъ, Польскомъ оригиналѣ «Путешествія въ Землю Святую Николая Радвила». До сихъ поръ, какъ извѣстно, мы пользовались Латинскимъ переводомъ Өомы Третера, съ котораго Варгоцкій сдѣлалъ Польскій переводъ, а уже съ этого произведенъ и старинный Русскій, въ исходѣ XVII вѣка, нынѣ приготавливаемый къ печати Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Второй томъ (424 стр.) «Музея Константина Свидзинскаго» отданъ матеріаламъ для исторіи земледѣлія въ Польшѣ въ XVI и XVII вѣкахъ, между которыми попадаетъ не мало данныхъ и для исторіи крестьянства. Этихъ матеріаламъ предшествуетъ обширная статья редактора о жизни и сочиненіяхъ Познанскаго

воеводы Яна Остророга. Нѣкоторые изъ этихъ сочиненій, наприм., «*Kalendarz gospodarski*» и др., являются въ первый разъ въ печати. За ними идутъ одиннадцать инвентарей (1553—1726), не считая въ этомъ числѣ обширнаго Книшинскаго инвентаря (1561—1564) и двухъ люстрацій этого же времени. Въ концѣ помѣщены три частныхъ устава для управленія панскими крестьянами. Такимъ образомъ, этотъ томъ «Музея Константина Свидзинскаго», «Памятники» и другія изданія Киевской комиссіи, «Археографическій Сборникъ», изданія Виленской комиссіи и Витебскаго центрального архива, «*Album literackie*» (2-й т. 1849) и пр. сообщили громадую массу инвентарей, люстрацій, уставовъ; и эта масса давно ждетъ своего изслѣдователя, который найдетъ въ ней богатые данныя для исторіи крестьянства, для археологіи быта и языка.

«Безбѣдное страхомъ молчаніе» (изъ портфеля редактора). Ниже мы объяснимъ, откуда, и почему, взято нами это выраженіе для заголовка; а пока сообщимъ любопытнѣйшій документъ, полученный С. Н. Шубинскимъ отъ одного изъ усерднѣйшихъ корреспондентовъ «Древней и Новой Россіи», г. Льва Мацѣвича, преподавателя Кишиневской семинаріи. Документъ этотъ—циркулярное письмо (отъ 6 іюля 1726) синодальнаго оберъ-прокурора кн. Петра Мещерскаго, написанное по высочайшему повелѣнію и по тому случаю, что однажды государь, во время проѣзда, былъ остановленъ священникомъ, выпедшимъ на дорогу и сказавшимъ государю рѣчь, при чемъ была поднесена икона, «безъ особеннаго, впрочемъ, случая, для сего приличнаго»—замѣчаетъ кн. Мещерскій. Въ письмѣ сообщаются «для надлежащаго исполненія» два главные пункта: 1) Что во время дальнихъ токмо путешествій его величества не возбраняется выходить изъ церквей священникамъ, а изъ монастырей монашествующимъ; но иконъ при высочайшемъ проѣздѣ не представлять. 2) Что его императорское величество дозволяетъ преосвященнымъ архіереямъ, по древнему обыкновенію, говорить въ присутствіи его рѣчи, но не пространныя, и не въ проѣздъ его величества во время высочайшихъ вояжей, а тамъ, гдѣ пребывать изводить постоянно. Въ семъ случаѣ, когда обстоятельства требуютъ будутъ, чтобы преосвященные архіереи говорили рѣчи, оныя предвѣрительно представляемы быть должны его императорскому величеству на разсмотрѣніе. Письмо это найдено г. Мацѣвичемъ въ бумагахъ покойнаго архіепископа Димитрія. Оно очень важно потому, что объясняетъ истинную причину лаконизма привѣтственныхъ рѣчей, говорившихся архіепастырями въ прежнее время. Наши гомилеты, по большей части, привыкли считать этотъ лаконизмъ внутреннимъ плодомъ ораторскаго таланта самихъ проповѣдниковъ; но

оказывается, что лаконизм привѣтственныхъ рѣчей обязанъ своимъ происхожденіемъ, между прочимъ, и внѣшней мѣрѣ, которая повела за собою не одну только краткость рѣчей. Нерѣдко она и совсѣмъ заграждала уста, готовые привѣтствовать государя. Въ доказательство этого есть фактъ въ «Письмахъ Иннокентія Херсонскаго къ Гавріилу Рязанскому» («Чтенія», 1869, кн. I). Въ письмѣ отъ 18 іюня 1842, Иннокентій (тогда еще епископъ Харьковскій) пишетъ, между прочимъ, Гавріилу: «На дняхъ получено нами официальное увѣдомленіе, что городъ нашъ въ будущемъ мѣсяцѣ будетъ осчастливленъ присутствіемъ государя императора. При семъ случаѣ невольно рождается у меня вопросъ: какъ срѣтить его — безмолвно, или съ какимъ есть привѣтствіемъ? У меня собственно нѣтъ никакого побужденія выставить слабое слово свое на показъ и отдѣляться въ семъ случаѣ отъ сонма безмолвующей собратіи. Но для публики здѣшней, привыкшей къ моей говорливости, можетъ показаться весьма страннымъ, если я останусь безмолвнымъ тогда именно, когда бы она желала видѣть во мнѣ истолкователя ея собственныхъ чувствованій. Даже, что мудренаго, нѣкоторые, пожалуй, могутъ изъяснить сіе молчаніе неблагоприятнымъ образомъ, напримѣръ, какою либо холодною съ моей стороны къ августѣйшему посѣтителю. Итакъ, благоволите принять отеческій трудъ — взглянуть съ высоты вашего положенія на наши обстоятельства и сказать намъ, какое изъ двухъ временъ Екклесіаста идетъ къ нашему положенію: время молчати, или время глаголати? А мы во всемъ поступимъ такъ, какъ вы намъ скажете; ибо, еще повторяю, для меня самого «удобнѣе любить, яко безбѣдное страхомъ, молчаніе». Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 21 сентября того же года) Иннокентій пишетъ: «... Вопросъ, комъ осмѣлился я утруждать вниманіе ваше, разрѣшился самъ собою еще до полученія вашего мудраго и милостиваго отвѣта. Предлагая его, я не зналъ, что въ 26 году былъ циркуляръ къ епархіальнымъ преосвященнымъ съ высочайшею волею о неговореніи рѣчей. По отысканіи его въ здѣшнемъ архивѣ, нечего было и спрашивать». Теперь два слова о заголовкѣ, данномъ этой замѣткѣ. Онъ взятъ изъ приведеннаго выше письма архіепископа Иннокентія, а имъ заимствованъ изъ втораго канона на Рождество Христово Іоанна Дамаскина, изъ извѣстнаго ирмоса 9-й пѣсни. Благодаря рабскому подражанію Греческому синтаксису, Славянскій переводъ этого ирмоса особенно труденъ для пониманія: «Любити убо намъ, яко безбѣдное страхомъ удобнѣе молчаніе, любовію же, Дѣво, пѣсни твати спротивлено сложенныя, неудобно есть: но и Мати силу, елико есть произволеніе, даждь». По соображеніи съ Греческимъ подлинникомъ, г. Е. Ловягинъ перевелъ этотъ ирмосъ такъ: «По страху намъ удобнѣе бы

хранить молчаніе, какъ (дѣло) безопасное; и по любви къ тебѣ, Дѣва, составлять пѣсни, стройно сложенныя, не легко: но ты, Матерь, Сама дай намъ и силу по нашему усердію».

Путеводитель по Люблину. Въ «Географическо-Статистическомъ Словарѣ Россійской Имперіи» вы не найдете юблина, такъ какъ, «согласно первоначальнымъ планомъ, географическій словарь объемлетъ только Россійскую Имперію, безъ Царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, но со всѣми Азіатскими и Американскими владѣніями». Между тѣмъ, городъ этотъ — очень интересный, игравшій одну изъ первыхъ историческихъ ролей въ судьбахъ Западной Руси, сохранившій о себѣ массу любопытѣйшихъ мемуаровъ и другихъ документовъ и теперѣ еще имѣющій претензію на интеллигентное существованіе. Объ этомъ послѣднемъ мы судимъ по выходящимъ въ этомъ городѣ двумъ частнымъ газетамъ («Kurier Lubelski» и «Gazeta Lubelska»), помимо казенныхъ губернскихъ вѣдомостей и довольно любопытной «Памятной книжки», выходящей подъ редакцію г. Михаила Киркора. На случай, если кого либо изъ нашихъ читателей занесетъ судьба, или желанная дорога въ Люблинъ, обращаемъ вниманіе на небольшую книжечку (97 стр. въ 18-ю долю) г. Владислава Зелинскаго («Opis Lublina, jako przewodnik dla zwiadzajacych miasto i jego okolice»), вышедшую въ прошломъ году. Послѣ небольшого историческаго очерка, почтенный Люблинскій старожилъ передаетъ значительное количество свѣдѣній о современномъ положеніи города, его достопримѣчательностяхъ. Развалины замка Казимира Великаго еще до сихъ поръ видны, а равно — остатки Фирлеевскаго замка въ Дубровицахъ (близъ Люблина), дворецъ Карла XII въ Якубовицахъ, и пр. Планъ, приложенный ко книжкѣ, даетъ весьма наглядное представленіе о городѣ и его окрестностяхъ.

Древній щитъ. «Голосу» сообщаютъ изъ города Ровна (Волинск. губ.), что въ окрестностяхъ его, въ октябрѣ прошлаго года, при копаніи глубокаго рва, найденъ въ землѣ великолѣпный древній щитъ. Нѣкоторые объясняютъ, что щитъ этотъ, «по всей вѣроятности», Римскій. Онъ имѣетъ круглую форму, приготовленъ изъ желѣза, покрытаго весьма изящными рисунками, выдавленными на желѣзѣ съ обѣихъ сторонъ. Владѣлецъ земли, въ которой найденъ этотъ щитъ, и которому принадлежит эта находка, намѣревается отправить ее или въ Кіевскій университетъ, или въ здѣшнюю археологическую комиссію.

Безбожники въ селѣ Брюховѣ (изъ портфеля редактора). Инспекторъ Царицынской прогимназіи, А. Д. Иновемцевъ прислалъ въ редакцію весьма любопытный документъ, характеризующій одинъ изъ способовъ вліянія монастырей на религіозную жизнь своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1660 году, въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Брюховѣ,

принадлежавшемъ Спасскому монастырю, нѣкоторые крестьяне заупрямились: не говѣли въ великій постъ, а также и своихъ женъ и дѣтей не пустили къ духовному отцу. Причина этого упорства не объясняется въ доставленномъ намъ документѣ: были ли эти упрямцы — пионеры нарождавшагося раскола въ Кашинскомъ уѣздѣ, или почему либо недовольные своимъ духовнымъ отцомъ, или, наконецъ, вольнодумцы? Разъясненіемъ этой причины не интересовался и самъ настоятель. Въмѣсто духовнаго увѣщанія упрямцевъ, архимандритъ послалъ немедленный приказъ Брюховскимъ управляющимъ «доправить на тѣхъ крестьянѣхъ по гривнѣ денегъ, да ихъ же бити батоги» и заставить ихъ говѣть въ Петровъ постъ; а если «и сіе преслушаютъ», то доправить съ нихъ уже по два рубля и «бити батоги вмѣсто кнута». А кто изъ крестьянъ не ходитъ въ церковь по воскреснымъ днямъ и властичнымъ праздникамъ, «на тѣхъ правити за тѣ дни по алтыну». Документъ закончивается такъ: «а скажите на сходѣ крестьяномъ, чтобъ они къ церкви Божіей, къ пѣнію, къ вечернѣ и къ заутренѣ и къ обѣднѣ въ женами и въ дѣтьми ходили, и ко отцу духовному говѣли». При такомъ вышнемъ, чисто полицейскомъ отношеніи къ высшимъ, религіознымъ, потребностямъ народа, немудрено, что отпаденія въ расколъ стали увеличиваться; тамъ, гдѣ нужны были увѣщатели, проповѣдники, истинные духовные отцы, — появились прикащики съ штрафами въ алтынъ, гривну и рубль, и съ батогами и кнутами...

Библиографія Польской геральдики. Въ нѣкоторыхъ Польскихъ изданіяхъ напечатано письмо г. Дембно-Крыжановскаго, проживающаго въ настоящее время въ Львовѣ. Содержаніе его слѣдующее: г. Крыжановскій, давно уже занимающійся Польскою геральдикой, приступилъ теперь къ составленію подробнѣйшей библиографіи; собранныя имъ сочиненія раздѣлены на пять отдѣловъ: геральдика вообще, ея исторія и теорія (25 сочиненій); законы о рыцаряхъ и дворянствѣ (9 соч.); гербовники (108 соч.); біографіи и генеалогіи фамилій (815 соч.); панегирики (около 2000 соч.). Въ заключеніе, г. Крыжановскій обращается къ просвѣщенному содѣйствію библиотекъ и проситъ прислать къ нему списки сочиненій, подходящихъ подъ поименованныя рубрики. Не знаемъ, найдутъ ли библиотечныя управленія возможнымъ и удобнымъ послать къ г. Крыжановскому свои каталоги, да еще рукописные; но не можемъ не посовѣтовать г. Крыжановскому посѣтить Виленскую публичную бібліотеку, гдѣ онъ найдетъ массу подходящаго для его труда матеріала, особенно — панегириковъ, которыми, какъ намъ извѣстно, занимался весьма усердно и съ тою же, какъ и г. Крыжановскій, цѣлью нѣкто д-ръ Адамовичъ. Трудъ г. Крыжановскаго, если только онъ будетъ исполненъ не по однимъ заголовкамъ, а въ формѣ болѣе или менѣе описательной, съ подробнымъ указателемъ фамилій, т. I. 77.

входящихъ въ общіе гербовники (въ родѣ Нѣсекаго), — сдѣлается непремѣнно настольною книгою у занимающихся западно-Русскою исторіею: это то соображеніе и заставило насъ сказать нѣсколько словъ о полезномъ предпріятіи г. Крыжановскаго, а также «по сему удобному случаю» припомнить, что Русская геральдическая литература, кромѣ пережевываемыхъ то тѣмъ, то другимъ поколѣніемъ росписей, не собралась до сихъ поръ, къ стыду своему, представить нѣчто цѣльное и полное, хотя бы чуточку похожее на монументальный, десяти томный «Herbarz» Kaspra Niesieckiego, въ послѣднемъ изданіи Вобровича.

Русскіе въ Америкѣ. Въ «Голосѣ» (1876, № 326) появилось начало любопытнѣйшихъ писемъ изъ Нью-Йорка, которыя со временемъ сдѣлаются полезнымъ матеріаломъ для исторіи Русской колоніи въ Сѣверной Америкѣ. Большинство этой колоніи составляетъ хотя и изъ бывшихъ Русскихъ подданныхъ, но — главнымъ образомъ, Поляковъ и инородцевъ, раздѣляющихся на слѣдующія категоріи: 1) Поляки, 2) Евреи, 3) Нѣмецкіе колонисты, и 4) коренные Русскіе. Первые три разряда — самые многочисленные; цифра ихъ, по отчету эмиграционныхъ комиссій за 1872 годъ, равняется 3,917. Поляки, ранѣе другихъ начавшіе переселяться, вмѣстѣ со своими одноплемениками изъ Пруссіи и Австріи, успѣли уже достаточно окрѣпнуть и организоваться на новой почвѣ: въ большихъ городахъ они имѣютъ свои общества взаимнаго вспоможенія и свои газеты; есть Польскія колоніи, заселенныя исключительно Поляками, напримѣръ, Радомъ и Калишъ въ южномъ Иллинойсѣ. Евреи, которые выселяются уже болѣе десяти лѣтъ, преимущественно изъ западныхъ губерній, съ каждымъ годомъ эмигрируютъ все въ большемъ и большемъ числѣ; хотя ихъ эксплуататорскія стремленія не находятъ себѣ такой же почвы среди развитаго и болѣе экономически обезпеченнаго населенія республики, какъ между крестьянами Бѣлоруссіи и Литвы, но, все таки, при своемъ нахальствѣ и ловкости, они быстро и отлично устроиваются и «дѣлаютъ деньги» въ новой странѣ. Съ того же времени началось и до сихъ поръ продолжается переселеніе нашихъ Нѣмецкихъ колонистовъ въ Америку. Выпахавъ Русскія степи и не неся въ это время почти никакихъ повинностей, эти Нѣмецкіе выходцы покинули насъ при первой попыткѣ правительства привлечь ихъ, наравнѣ съ другимъ населеніемъ, къ военной службѣ и уплатѣ различныхъ податей. Увѣжаютъ они изъ Россіи вполне обезпеченными; объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру: въ одной изъ первыхъ партій менонитовъ самый бѣднѣйшій членъ ея привезъ съ собою 5000 долларовъ. Послѣдняя категорія эмигрантовъ, коренные Русскіе, представляетъ наиболѣе интересный, а подъ часъ и курьезный матеріалъ: тогда какъ масса переселенцевъ изъ другихъ земель принадлежитъ низшимъ слоямъ, — изъ Россіи, наоборотъ, пере-

селяются исключительно люди интеллигенции, преимущественно молодежь; разочарованіе наступает скоро, и наши коренные Русаки обращаются изъ ярыхъ поклонниковъ всего Американскаго въ самыхъ непримиримыхъ порицателей, ѣдущихъ обратно на родину.

Константинъ Ивановичъ Сиворцовъ, профессоръ Кіевской духовной академіи, скончался 12 октября 1876 года, на 54-мъ году жизни. Кромѣ мелкихъ статей и переводовъ, имъ написано нѣсколько обширныхъ сочиненій: 1) «Философія Отцевъ и учителей церкви первыхъ трехъ вѣковъ»; 2) «Блаженный Августинъ, какъ психологъ»; 3) «Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита»; 4) «Patrologische Untersuchungen», и наконецъ 5) «Жизнь Иисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ». Это было послѣднимъ его сочиненіемъ. Скоропостижная смерть постигла его въ тотъ моментъ, когда онъ прочелъ послѣднюю корректуру послѣдняго листа «Жизни Иисуса Христа».

Памятникъ Тому Андерсону въ Царскомъ Селѣ. Лицо, сообщившее редакціи замѣтку объ Андерсонѣ (см. 12 кн. «Древней и Новой Россіи» 1876 г.), прислало намъ теперь дополнительное извѣстіе, что «эта собачка», носившая столь громкое названіе, которое ввело нашего почтеннаго корреспондента въ заблужденіе, зарыта въ Царскомъ Селѣ, за пирамидой, подъ особымъ монументомъ.

Издатель «Будильника» крестьянинъ Суховъ, родившійся въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, скончался 18 ноября 1876 года, на 38-мъ году. Одушевленный, исполненный горячаго чувства къ покойному некрологъ помѣщенъ въ 324-мъ № «Голоса». По свидѣтельству почтеннаго автора некролога, убита Сухова людская клевета, пущенная въ ходъ «нечистыми руками газетныхъ доносчиковъ», отставного канцелярскаго служителя А. Лукина и отставнаго юнкера Е. Кочетова, оклеветавшихъ его въ мнимой растратѣ денегъ, собранныхъ имъ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Вслѣдствіе доносовъ упомянутыхъ лицъ, помѣщенныхъ ими въ началѣ прошлаго года въ разныхъ газетахъ, покойный Суховъ былъ неосторожно арестованъ, отвезенъ въ острогъ, продержанъ тамъ нѣсколько недѣль, потомъ былъ выпущенъ и скорѣй совершенно освобожденъ отъ слѣдствія, такъ какъ растрата не подтвердилась: оказалось, что Суховъ не выслалъ въ Самару лишь ту сумму, въ которую обошлось ему самому изданіе пяти тысячъ экземпляровъ благотворительнаго нумера «Будильника». Незаслуженный поворотъ сильно потрясъ Сухова: вышедши изъ острога, онъ заболѣлъ, зачахъ и чрезъ семь мѣсяцевъ скончался. Суховъ былъ сынъ Касимовскаго крестьянина, умершаго отъ холеры въ 1848 году. Похоронивъ мужа, мать Сухова пришла съ нимъ, девятилѣтнимъ мальчикомъ, пѣшкомъ въ Москву, нанялась здѣсь въ работницы, а сына отдала въ ученье къ живописцу вывѣсокъ. Девять лѣтъ

прожилъ Суховъ у живописца, среди ежедневнаго битья и колотушекъ, учась тайкомъ отъ хозяина чтенію и письму. Затѣмъ онъ поступилъ къ иконнику и сталъ писать образа, а мать — кухаркою къ одному профессору Московскаго университета. Этотъ профессоръ замѣтилъ въ молодомъ Суховѣ дарованіе, обласкалъ, ободрилъ его, далъ средства къ болѣе серьезному образованію. Будучи отъ природы необыкновенно способнымъ человекомъ, обладая желѣзнымъ здоровьемъ, терпѣніемъ и усидчивостью, Суховъ сдѣлалъ такіе успѣхи въ два года, что, при разговорѣ съ нимъ, никто не могъ предположить въ немъ крестьянина, нигдѣ и ни у кого неучившагося. Онъ сталъ сотрудничать (26-ти лѣтъ отъ роду) въ «Развлеченіи», доставляя туда не только повѣсти и очерки, но и карриатуры. Произведенія его въ извѣстной средѣ имѣли огромный успѣхъ и вышли отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ «Типы темнаго царства». Псевдонимъ его былъ «Желѣзная Маска». Въ 1872 году онъ завелъ свою типографію и литографію, и рѣшился основать свой журналъ. Когда это не удалось, онъ купилъ «Будильникъ», введши въ него въ большіе долги. Кончина несчастнаго Сухова, написанная мастерскимъ, дружескимъ перомъ, ужасна: она способна тронуть и самую черствую душу. Повторимъ заключительное слово достопочтеннаго автора некролога: «да покроетъ вѣчный поворотъ тѣхъ газетныхъ клеветниковъ, что свели его (Сухова) въ преждевременную могилу!...»

Губерноръ-французъ въ Россіи въ 1726 году (изъ портфеля редактора). 18 іюля 1726 года гр. Александръ Ѳеодоровичъ Головинъ (сынъ извѣстнаго Петровскаго генераль-адмирала Ѳедора Алексѣевича) заключилъ довольно характерный контрактъ съ французомъ Пираромъ, для обученія графскихъ дѣтей «французскому языку и хорошимъ манерамъ». Документъ этотъ сообщенъ редакціи Г. В. Есиповымъ и переданъ намъ С. Н. Шубинскимъ со слѣдующею замѣткою: «графъ А. Ѳ. р. 1694, у. 1731, служилъ во флотѣ капитанъ-лейтенантомъ и былъ женатъ два раза, на баронессѣ Натальѣ Петровнѣ Шафировой (р. 1698, у. 1728) и потомъ на Аннѣ Петровнѣ Татищевой, которая, послѣ его смерти, вышла замужъ за кн. Сергѣя Ивановича Барятинскаго». Приводимъ этотъ документъ въ переводѣ съ французскаго: «Я, нижеподписавшійся (гр. Ал. Головинъ) заключилъ этотъ контрактъ съ французомъ Генрихомъ-Яковомъ Пираръ, по которому я пригласилъ сказаннаго господина быть губерноромъ моихъ дѣтей на два года; въ продолженіе этого времени вышепоименованный Пираръ будетъ преподавать моимъ двумъ сыновьямъ не только французскій языкъ, но и хорошіе манеры. Сверхъ того, онъ исполнитъ свои обязанности съ прилежаніемъ и будетъ вести себя честно. 1) Съ моей стороны я обещаю сказанному Пирару давать 60 рублей и новое платье. 2) Сказанный Пираръ будетъ жить въ особой комнатѣ, вмѣстѣ съ моими

дѣтьми; ѣдать и ужинать за моимъ столомъ; но когда насъ не будетъ дома, то ему пошлютъ ѣсть въ его комнату. Также ему будетъ отпускаться двѣ кружки пива ежедневно и бутылка брандвейна на недѣлю; для верховой ѣзды ему будутъ давать, по его требованію, одну изъ моихъ лошадей. А когда мы поѣдемъ въ Москву, онъ будетъ обязанъ отправиться туда вмѣстѣ съ нами, также и въ деревню. Общаемся хранить твердо вышеозначенныя условія этого контракта».

Образъ мыслей М. Н. Лонгинова (изъ портфеля редактора). И. Г. Мартыновъ сообщилъ редакціи весьма любопытное подлинное письмо Михаила Николаевича Лонгинова къ Н. И. Гречу, которое, вѣроятно, будетъ принято къ свѣдѣнію при составленіи біографіи бывшаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Приводимъ выдержку изъ этого письма изъ Москвы (1 мая 1864): «Приношу вамъ искреннюю благодарность за присылку любопытной вашей брошюры о покойномъ А. Х. Востоковѣ. Интересъ ея содержанія тѣмъ выше, что вы говорите въ ней не объ одномъ знаменитомъ ученомъ, извѣстія о которомъ одни были бы уже достаточны, чтобы возбудить сочувствіе въ читателяхъ, но и о цѣломъ циклѣ людей, въ средѣ которыхъ образовался онъ. Это — цѣлый, небольшой міръ, отшедшій отъ насъ и столь мало извѣстный нынѣ, благодаря легкомыслію и забывчивости послѣдующихъ поколѣній. Нынѣшніе дѣятели хвастаются тѣмъ, что игнорируютъ (подчеркнуто Лонгиновымъ) все это и радуются тому, что у насъ нѣтъ непрерывной цѣпи добрыхъ преданій, научныхъ, литературныхъ, общественныхъ, какъ то существуетъ въ Европѣ. Но потому-то она и Европа, а у насъ дикіе инстинкты высказываются то-и-дѣло въ тѣхъ сферахъ, гдѣ было бы естественно стремленіе быть на нее похожими, и всѣ понятныя уклоненія ума и просвѣщенія, развившіяся тамъ путемъ историческимъ и встрѣчающіяся противодѣйствіе въ разумныхъ силахъ цивилизаціи, — у насъ растутъ вдругъ, какъ зловредные грибы и безпрепятственно заражаютъ около себя атмосферу. Право, въ этомъ отношеніи отбѣгаешь, только отвращаясь отъ настоящаго и обращаясь къ прошедшему. Конечно, въ послѣднемъ были свои пятна, недостатки, пороки и въ наукѣ, и въ литературѣ, и пр. Но, рядомъ съ ними, были такіа достоинства, которыхъ нѣтъ теперь и въ поминѣ, между тѣмъ, какъ черная сторона самодовольно выставляетъ себя на показъ, въ огромныхъ размѣрахъ. Таковъ мой образъ мыслей...»

Древности Кіево-Софійскаго собора. Ключарь этого собора, протоіерей о. Николай Оглоблинъ помѣстилъ въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1874, №№ 8 и 22, 1876, № 4) рядъ весьма обстоятельныхъ статей, въ которыхъ, съ большою эрудиціей и искусствомъ, критически

разбираетъ данныя лѣтописей и другихъ источниковъ, а также мнѣнія предшествовавшихъ исследователей — о времени построенія Ярославомъ въ Кіевѣ Св. Софіи. Послѣ подробнаго разбора источниковъ и мнѣній митр. Евгенія, И. Сковорода, Максимовича и Закревскаго, о. Оглоблинъ приходитъ къ выводу, что не можетъ быть и рѣчи о преимущественной передъ Кіево-Софійскимъ соборомъ древности Черниговскаго Спаскаго собора.

«Патериконъ» Сильвестра Коссова, изданный въ Кіевѣ въ 1635 году («Paterikon abo žywoty sv. oycow Pieczarskich»), тоже долженъ быть причисленъ къ числу православныхъ полемическихъ сочиненій, благодаря тѣмъ приложеніямъ къ нему, которые написаны въ защиту святости и православія Кіево-Печерскихъ угодниковъ отъ дерзкихъ посягательствъ католическихъ и протестантскихъ пропагандистовъ. Любопытную монографію объ этой книгѣ, принадлежащую перу г. С. Г., можно прочесть въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1875, №№ 4, 10, 13 и 24). Почтенный авторъ подробно рассмотрѣлъ тѣ научныя приемы, какіе употреблялъ Сильвестръ Коссовъ въ своей литературной борьбѣ, а также и тѣ свѣдѣнія, какими при этомъ располагалъ Коссовъ. Нерѣдко авторъ вспоминаетъ Копыстенскаго съ его «Паллинодією», равно и Льва Кривцу.

Письмо комедіанта къ Императрицѣ Екатеринѣ I (изъ портфеля редактора). Петръ Великій, принимавшій въ Россію иностранцевъ самыхъ разнообразныхъ профессій, не забылъ также и комедіантовъ. Съ однимъ изъ нихъ, если вѣрить письму гамбургскаго комедіанта Іоганна-Карла фонъ-Еденберга, онъ входилъ даже въ непосредственныя сношенія, почему-то потомъ прекратившіяся. Это, прискорбное для промышленнаго фокусника, обстоятельство, вѣроятно, и заставило его обратиться съ письмомъ къ императрицѣ (отъ 11 іюля 1721 года), чтобы «замолвить его царскому величеству» слово за гамбургскаго комедіанта. Вотъ это, сообщенное Г. В. Есиповымъ, курьезное письмо: «Понеже его царское величество мнѣ предъ однимъ годомъ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ съ компанією мастеровъ, которые по веревкѣ танцуютъ, съ однимъ комедіантомъ въ свое государство выѣхать, — того ради, по сему всемилостивѣйшему повелѣнію, я лутчихъ, которыхъ могъ достать, собралъ, такъ-что я, безъ многой хвальбы, о моихъ людяхъ донести могу, что они въ число лучшихъ и искуснѣйшихъ комедіантовъ, которыхъ во всей Европѣ можно найти, достойны почтены быть. И понеже я сихъ моихъ съ величайшимъ прилежаніемъ собранныхъ комедіантовъ и компанію оперистовъ въ Гданскѣ и другихъ мѣстахъ оставилъ, дабы они мнѣ вдругъ не въ тягость были, и нынѣ намѣренъ я вашему царскому величеству съ моими, при себѣ

имѣющими(ся), людьми во' всеподданнѣйшемъ благоговѣннѣи, услугу нашу показать. Токмо не имѣю чѣмъ моихъ людей собрать и въ такой дальній путь пуститься. Того ради я его царское величество просилъ, дабы своему резиденту указъ дать, чтобы мнѣ здѣсь 2000 ефимковъ выдать. Того ради и ваше царское величество чрезъ сіе всеподданнѣйше просить не могъ я преминуть, всемилостивѣйше да соизволитъ ваше царское величество его царскому величеству о семъ моемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи милостивѣйшее слово замолвить. Что ваше царское величество сіе мое всеподданнѣйшее прошеніе услышать соизволите, наипаче надеженъ я, понеже крѣпко уповаю, что ваше царское величество тотчасъ при первой пробѣ всемилостивѣйше довольствіе обрящете».

Изъ исторіи Латинско-Нѣмецкаго обычая въ православной церкви. «Откуда у насъ, у православныхъ взялся обычай отпѣвать покойниковъ въ черныхъ ризахъ?» спрашиваетъ протоіерей о. Іоаннъ Палисадовъ. Язычнику, неимущему упованія—продолжаетъ о. Палисадовъ—пожалуй, это свойственно; но православному священнослужителю облекаться въ траурныя ризы и облекать даже престолъ и аналой—болѣе чѣмъ неприлично. Этотъ «несоответствующій духу церкви православной» обычай существуетъ не болѣе полутора вѣка. На Востокъ его нѣтъ и доселѣ. Не было его и у насъ до тѣхъ поръ, пока мы не облизались съ Западомъ, съ нѣмцами-

католиками и лютеранами, которые, какъ извѣстно, обиваютъ гробы своихъ покойниковъ чернымъ плисомъ. Эти просвѣтители завели и у насъ «чучель въ не-Русскихъ балахонахъ и широкихъ шляпахъ съ факелами въ рукахъ». О. Палисадовъ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые изъ православныхъ, въ духовныхъ завѣщаніяхъ своихъ, убѣдительно просятъ, чтобы ихъ отпѣвали не въ черныхъ, а въ свѣтлыхъ ризахъ. Въ Сергіевской пустыни (по Петергофской дорогѣ) почасту совершается отпѣваніе въ свѣтлыхъ ризахъ, «потому что оно такъ и должно быть». Іоаннъ Златоустъ («Толк. на посл. къ Евр.», гл. 2) прямо говоритъ: «не плачьте безобразно и безчинно даже и о грѣшникахъ умершихъ, не терзая волосъ и не облекаясь въ черныя ризы». Вотъ, въ краткой сущности, вопросъ, возбужденный о. Палисадовымъ, весьма важный въ настоящую минуту, когда вся просвѣщенная и христіанская Европа, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, занята высокой важности вопросомъ объ очищеніи древняго христіанскаго обряда отъ повднѣйшихъ напосовъ и наслоеній. Съ своей стороны, мы можемъ прибавить, что у православныхъ обитателей Западной Руси никогда не было и до сихъ поръ нѣтъ «чучель въ не-Русскихъ балахонахъ и широкихъ шляпахъ съ факелами въ рукахъ». Передъ каждымъ покойнымъ міряниномъ несутъ хоругви, хотя черныя ризы и замѣчаются на провожающихъ тѣло священнослужителяхъ.

Петръ Гильдебрандтъ.

ИЗЪ ОСТРОГОЖСКОЙ ХРОНИКИ.

I.

5-го января 1876 года. Недѣли двѣ-три тому, я спросилъ моего квартирнаго хозяина, Николая Ивановича К—ва: нельзя ли раздобыться въ Острогжскѣ какими-нибудь интересными сказаніями, письменными или словесными, о стародавней здѣшней жизни?

Какъ видно, онъ не очень понималъ, чего я хочу.

— Да вотъ,—отвѣчалъ онъ:—продавали у насъ изъ присутственныхъ мѣстъ много старыхъ бумагъ; можетъ, въ нихъ-то и можно было найти что-нибудь.

Но я растолковалъ ему поподробнѣе—и онъ обѣщалъ «постараться». Вчера, онъ принесъ мнѣ книгу, довольно-засаленную и истрепанную, изъ синей толстой бумаги,—одну изъ тѣхъ книгъ, какія еще употреблялись у насъ, тому назадъ лѣтъ тридцать, въ нашихъ «присутственныхъ мѣстахъ», для записыванія «денежныхъ прихода-расходныхъ статей», для веденія настоящихъ реестровъ и т. п. Въ книгѣ этой оказалось,—и то лишь въ началѣ и въ концѣ,—немного исписанныхъ листовъ, почеркомъ четкимъ, но очень сжатымъ, очевидно, семинарскаго происхожденія. Въ началѣ идутъ замѣтки о постройкѣ Кладбищенской церкви въ Острогжскѣ, замѣтки, не заключающія въ себѣ ничего замѣчательнаго. Но въ концѣ книги есть очень любопытное, какъ мнѣ кажется, сказаніе о юродивомъ «Иванѣ Васильевичѣ». Собственно о жизни этого юродиваго мало рассказано, но исторія о его похоронахъ изложена подробно—и въ ней-то рисуются яркими чертами: и простодушные нравы обывателей разныхъ сословій прежняго уѣднаго городка, и немудрыя случайности, при которыхъ иногда образовывались въ такомъ городкѣ крѣпко-враждовавшія «партіи», и отношенія къ этимъ партіямъ мѣстныхъ и губернскихъ властей.

Считаю нужнымъ пополнить «сказаніе» о жизни юродиваго слѣдующими подробностями, собранными мною отъ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ старожиловъ.

Мнѣ рассказывали весьма серьезно, что юродивый Иванъ Васильевичъ, о которомъ и теперь коренные жители Острогжска хорошо помнятъ, былъ, дѣйствительно, праведный человѣкъ, что онъ много добра сдѣлалъ для тогдашнихъ Острогжцевъ. При семейныхъ неурядицахъ своихъ, при случайныхъ невагодахъ и бѣдахъ, при ссорахъ и тяжбахъ, и, вообще, по дѣламъ семейнымъ, хозяйственнымъ и даже общественнымъ, Острогжцы обращались къ Ивану Васильевичу за совѣтомъ и рѣшеніемъ—и почти всегда строго подчинялись такимъ совѣтамъ и рѣшеніямъ. Тутъ твердо сказывалась сильная и, должно быть, недаровая вѣра жителей Острогжска въ разумъ Ивана Васильевича, въ прозорливость его взгляда на разнообразныя житейскія отношенія, въ чистоту его дѣйствій и намѣреній.—Но, кромѣ того, къ нему же прибѣгали за помощью и въ божьихъ,—и въ этихъ случаяхъ дѣйствова-

ла уже наивная вѣра самаго стародавняго свойства: такъ, страдающіе головными болями носили его «шапочки», а страдающіе ломотой въ ногахъ надѣвали его «чулочки»; всѣмъ этимъ юродивый снабжалъ приходящихъ къ нему весьма охотно.

Но вотъ и самое сказаніе:

«1823 года марта 4 дня, во 2 часу по полудни, на сырной недѣлѣ, въ воскресенье, скончался въ глубокой старости лѣтъ блаженный старецъ Лаврентій, живущій (sic) въ городѣ Острогжскѣ, извѣстный подъ именемъ Іоанна Васильевича Дмитрова, войсковой житель, поступившій въ сіе сословіе въ 5 ревизію 1795 года.—Сначала-жъ прибытія его въ городъ до 5 ревизіи, считался онъ при соборной богадѣльнѣ. Родомъ онъ—Танбовской губерніи, города Козлова. Изъ дому родительскаго отлучился въ самыхъ юныхъ годахъ; проживалъ въ городѣ Воронежѣ, при старцѣ Василѣ—Блаженномъ.—По кончинѣ онаго (то-есть, Василія-Блаженнаго), немного лѣтъ жилъ въ Воронежѣ. Ходилъ онъ, одѣяніе имѣя одну понитковую суконовую сорочку, безъ праваго рукава, почему, съ молодыхъ лѣтъ, звали его: «Иванушка-Безрукавный». Зиму и лѣто, ходилъ босой, обутыхъ ногъ и шапки не имѣлъ; въ правой рукѣ носилъ мѣдный небольшой образъ.—Въ совершеннѣйшій, образъ носилъ отгнѣнилъ и къ сорочкѣ рукавъ пришилъ. Въ старости лѣтъ, сталъ носить суконовую черную сорочку и такую же шапочку. Обuvi же и сверхъ сорочки платья никогда не носилъ.—Зимою, чѣмъ жесточе морозы, тѣмъ болѣе, утромъ, ходилъ по улицамъ и, находясь (то-есть, находявшись), бѣжалъ прямо въ церковь и становился нерѣдко на паперти, на чугунныхъ доскахъ, выстаивалъ всю утреннюю или обѣдную, и никогда ногъ не явобилъ.—Когда ходилъ въ Кіевъ, на богомолье, обувалъ ноги, надѣвалъ парусинный холстъ и шапочку; а какъ возвратился въ домъ, опять одѣяніе и обувь снималъ и ходилъ въ одной сорочкѣ».

«Въ городѣ Острогжскѣ пришелъ въ 1759 году, не старѣе 25 лѣтъ,—пришелъ прямо къ дому сотника *) Дмитрія Петровича Синельникова, у коего за воротами стояли мѣдные винокуренные кубы, изъ коихъ въ одинъ онъ влѣзал и почевалъ. Въ то время, хозяйнѣ былъ, съ супругою Наталіею Феодоровною, въ Кіевѣ, на богомольѣ; а какъ прѣхалъ, вечеромъ, въ домъ и получилъ рапортъ о ночлегѣ сего страннаго въ мѣдномъ кубѣ, уже съ недѣлю ночлегъ имѣвшаго, а день де ходить по городу, то хозяйнѣ, утромъ рано, на другой день, позвалъ къ себѣ въ домъ, разспросилъ его странствованіе, узнавъ жизнь его, принялъ его къ себѣ въ домъ на жилище».

«Пребываніе его было въ домѣ Синельникова до 1791 года; потому выбылъ, что хозяйнѣ скончался 1788 года сентября 5 дня. По кончинѣ его, стали хозяйкѣ его, Наталѣ Феодоровнѣ, граждане и родственники говорить, чтобъ, безъ мужа, сего страннаго въ домѣ не держала **),—и потому, съ постройкѣ Кладбищенской церкви, но и какъ о женщинѣ, дѣлавшей много добра.—Упомянутое въ «сказаніи», что родственники и даже граждане присовѣтовали Наталѣ Феодоровнѣ не держать у себя въ дому, при вдовствѣ своемъ, странника, даромъ-что онъ уже приобрѣлъ народное уваженіе,—указываетъ на замѣчательную черту тогдашнихъ нравовъ».

*) То-есть, казачьяго сотника. Острогжскѣ, заселенный въ 17 столѣтіи казаками, выходцами изъ Малороссіи, долго сохранялъ чисто-казачье устройство.

**) Синельниковы, мужъ и жена, были люди богатые и пользовались большимъ значеніемъ въ городѣ. Особенно о Наталѣ Феодоровнѣ Синельниковой помнятъ въ Острогжскѣ, не только какъ о

мощью сей хозяйки и войскового жителя Ивана Никитича Бондарева, устроилъ онъ себѣ особую келью на дворѣ мѣщанина Ивана Григорьевича Котельникова, въ которой продолжалъ житіе до кончины своей и въ той кельѣ скончался*.

Жизнь его была благочестива, въ родѣ юродиваго, жилъ уединенно, молился Богу прилѣжно. Многіе граждане были къ нему расположены съ почтеніемъ, ходили къ нему для испрашиванія совѣтовъ, и онъ давалъ многимъ наставленія полезныя. И нѣкоторые примѣчали въ немъ даръ прозорливости, ибо многимъ, приближеннымъ къ нему, онъ дѣлалъ предсказанія—и сбывалось по его предсказанію. Иногородныхъ же людей весьма много изъ разныхъ городовъ и селеній приходили къ нему съ почтеніемъ и истиннымъ расположеніемъ и такъовые получали, всякій по своему желанію, удовлетвореніе, и потому много было къ нему приверженныхъ, за что и страдалъ онъ много.

«Содержалъ бѣдную вдову, крестную свою дочь, Ксенію Герасимовну Паничеву, съ двумя сиротами-дочерьми, которыхъ онъ воспиталъ и обѣихъ въ замужество выдалъ, по милости добрыхъ людей, съ хорошимъ награжденіемъ, за священство».

«Болѣнь былъ немного дней, скончался тихо и покойно, христіанскій долгъ выполнилъ, исповѣданъ, причащенъ Святыхъ Таинъ, въ полномъ умѣ и памяти, и маслособорованъ былъ въ памяти, но безъ языка».

«На счетъ погребенія его вышло разногласіе и даже великая распря. Священникъ Георгій, младшей воспитанницы его мужъ, войсковые жители: Иванъ Андреевичъ Ларионовъ, Степанъ Саввичъ Шедринъ, Талицкіе и прочіе, живущіе въ слободѣ, близъ ново-строящейся церкви, желали похоронить его въ новой церкви; а Ольшанскій священникъ Симеонъ, старшей питомицы мужъ, и съ нимъ граждане желали положить на кладбищѣ; почему могила приготовлена была, какъ на кладбищѣ, подлѣ церкви, близъ алтарнаго окна, по правую сторону, такъ и внутри ново-строящейся церкви. По желанію гражданъ, дѣйствующія лица (были): уѣздный судья и занимаемый (sic) должность предводителя Матвѣй Федоровичъ Мершанскій, господинъ городничій майоръ Гаврило Ивановичъ Чекаревъ, подполковникъ Николай Федоровичъ Матвѣевъ и прочіе всѣ граждане. Господинъ же Субботинъ Павелъ Семеновичъ, Корноуховъ Илья Ивановичъ и Золотаревъ желали похоронить при ново-строящейся церкви, но болѣе держали неутраулитель*».

«Во вторникъ, тѣло принесено въ соборную церковь, стояло до середины; при выносѣ, стеченіе народа было чрезвычайное. Тотъ день и почти всю ночь служили панафиды, и даже лютеране*), ночью, служили панафиды. Въ среду, послѣ преосвященной обѣдни, отпѣли погребеніе при великомъ множествѣ собранія народа. При выносѣ изъ церкви сдѣлалось большое прѣніе и шумъ; одни желали въ слободу, а другіе на кладбище. Протопопъ Николай Соколовъ былъ на сторонѣ священника Георгія и Ларионова, ибо отъ нихъ посланъ

былъ нарочный къ преосвященному и ожидалось отъ него о положеніи тѣла въ новой церкви повелѣніе».

«Но городничій, съ полицейскою командою, ссору утишилъ и принудилъ, чтобы тѣло несли на кладбище—и понесено. Тутъ усердіе къ покойному открылось столь велико, что гробъ его всякой желалъ нести,—первый купеческій сынъ Федотъ Крапивинъ поднялъ, и прочіе многіе граждане изъ простого народа, подхватя, несли гробъ необыкновеннымъ образомъ до самаго кладбища, — несли мары**) съ гробомъ не на плечахъ, а на рукахъ, выше головъ.—Принесли къ Кладбищенской церкви, хотѣли тѣло поставить въ оной до полученія отъ преосвященнаго разрѣшенія; а церковь замкнута и ключа скоро сыскать было нельзя. Тутъ нечего было дѣлать: гробъ принесли къ могилѣ.—Протопопъ и священникъ по духовному обряду тѣла землѣ не передали—и удалились. Тутъ такое смѣтаніе было, что и вообразить нельзя.—Одному человѣку споручено было положить въ гробъ мѣдную доску съ выбитыми словами,—жизнь покойнаго,—который едва могъ успѣть положить оную къ нему въ гробъ. Когда жъ духовенство разбѣжалось, тутъ, гробъ закрывши, опустили въ могилу, и склепъ крѣпко закрѣпили и могилу зарыли, и караулъ солдатъ поставили».

«Въ ту же среду, на вечеръ, протопопъ Соколовъ получилъ отъ преосвященнаго повелѣніе, чтобы, во уваженіе доброй жизни старца и желанія гражданъ, похоронить тѣло его близъ строящейся церкви, а не внутри оной.—Тогда они въ церкви приготовили, въ ночь, уже третью могилу,—и въ четвертъ, протопопъ Соколовъ явился на кладбище съ рабочими и съ народомъ, чтобы взять тѣло и отвезти въ слободу. А городничій, съ полицейскою командою,—чтобы оное не дать. Присемъ случаѣ, разошлись безъ всякаго спору и тѣло осталось на кладбищѣ.—Квартировавшій тогда въ городѣ второй драгунской дивизіи начальникъ, генералъ-майоръ и кавалеръ Редигеръ намѣренъ былъ не допустить съ кладбища переносить изъ могилы мертвое тѣло въ другое мѣсто.—Въ пятницу, полетѣли въ Воронежъ бумаги отъ священника Георгія съ товарищи, и отъ протопопа—къ преосвященному Епифанію, что городничій тѣла перенести имъ не дозволилъ.—А городничій отъ себя рапортъ и отъ гражданъ просьбу послалъ къ губернатору Солнцову: что онъ преданное уже землѣ тѣло вынимать (sic) и переносить на другое мѣсто воспретилъ, и что граждане желаютъ, чтобы оно лежало на кладбищѣ.—Губернаторъ сдѣлалъ сношеніе съ преосвященнымъ, и на сіе послѣдовало разрѣшеніе отъ губернатора и преосвященнаго: предать землѣ тѣло, по церковному чиноположенію на кладбищѣ;—и, по полученіи, тѣмъ же протопопомъ Николаемъ Соколовымъ со священниками предано землѣ».

«О чемъ старецъ, когда былъ въ живыхъ, многимъ людямъ говаривалъ сіи слова: «Какъ я умру, посоритесь за меня».—Аминь».

На томъ и оканчивается «сказаніе» объ Острогжской междуусобицѣ изъ-за погребенія юродиваго Ивана Васильевича.

**) Мары—носилки для гробовъ.

С. Слаутинскій.

*) Эти лютеране, вѣроятно, были изъ колоніи Рабенсдорфъ, находящейся въ семи верстахъ отъ Острогжска.

ЕЛАТОМСКІЙ ПОМѢЩИКЪ КАШКАРОВЪ.

Въ послѣднихъ книжкахъ «Древней и Новой Россіи» 1876 года, г. Славутинскій помѣстилъ интересный очеркъ, подъ заглавіемъ: «Генералъ Измайловъ и его дворня». Чтеніе этого очерка, яркими красками рисующаго самодурство генерала Измайлова, навело меня на мысль познакомить читателей «Древней и Новой Россіи» съ другимъ помѣщикомъ-самодуромъ, который, впрочемъ, отличается отъ Измайлова характеромъ своихъ безобразій и вообще представляетъ собою болѣе мелкій типъ. Между тѣмъ, какъ въ личности Измайлова есть признаки нѣкотораго молодечества, правда—самаго низкопробнаго, и въ дѣйствіяхъ его замѣчается удача и т. п. игра фантазіи, у моего героя нѣтъ ни въ характерѣ, ни въ дѣйствіяхъ никакихъ поэтическихъ и оригинальныхъ чертъ. Сравнительно съ Измайловымъ, онъ безобразничалъ, во первыхъ, въ болѣе тѣсной сферѣ, а во вторыхъ—его безобразія слишкомъ однообразны и тривиальны. Я говорю о Елатомскомъ помѣщикѣ, А. М. Кашкаровѣ.

Герой мой жилъ въ 30, 40 и 50-хъ гг. настоящаго столѣтія, Тамбовской губерніи, Елатомскаго уѣзда, въ селѣ Бесѣдахъ. Имя его, прославленное крайнею жестокостію къ крѣпостнымъ и самымъ необузданнымъ цинизмомъ въ развратѣ, и донинѣ слишкомъ памятно всѣмъ жителямъ Тамбовской губерніи, не смотря на то, что въ этомъ краѣ крѣпостническія злоупотребленія практиковались въ широкихъ размѣрахъ и, слѣдовательно, болѣе или менее примелькались всѣмъ и каждому. Помѣщикъ Кашкаровъ былъ тѣмъ тяжелѣе для своихъ крестьянъ, что ему совершенно симпатизировала жена его Е. М. Кашкарова, не отстававшая отъ своего мужа въ разныхъ истязаніяхъ и мучительствахъ. Эта «вторая Салтычиха», повидимому, находила особенное наслажденіе въ тиранствѣ надъ беззащитными крѣпостными. Разъ, напримѣръ, она привела въ баню беременную крестьянку Авдотью Соликову, чѣмъ-то прогнѣвавшую свою барыню, раздѣла ее до-нага и собственноручно избила кнутомъ. Въ другой разъ, Кашкарова разозлилась на дворюжую Дарью Федину, которая тоже была беременна, жестоко высѣкла ее розгами и нѣсколько разъ ударила по головѣ палкой, вслѣдствіе чего Федина выкинула младенца.

У Кашкаровой была опредѣлена норма для истязаній, изъ предѣловъ которой она выходила только въ крайнихъ случаяхъ. Мужчинамъ положено было давать по 100 ударовъ кнутомъ, а женщинамъ—по 80. Всѣ эти экзекуціи производились самою Кашкаровою, слѣдовательно соп. атоге. Высшія же наказанія находились уже подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Кашкарова.

Предлогами къ истязаніямъ чаще всего служили разныя упущенія по хозяйству, иногда не очень значительныя.

Такъ, повара Карѣя Орлова Кашкарова наказала разъ за то, что онъ не такъ опалилъ свинью; другой разъ—за то, что супъ ей, барынѣ, пришелся не по вкусу; а въ третій разъ—за невкусное ботвинье, въ которомъ было мало луку...

Въ итѣніи у Кашкаровыхъ заведены были самыя строгіе порядки. Крестьяне обязаны были работать на помѣщика по 5 дней въ недѣлю, не исключая праздниковъ и воскресныхъ дней, при чемъ за ними наблюдали, болѣею частью, самъ Кашкаровъ,

всегда вооруженный кнутомъ или плетью. Въ случаѣ малѣйшей несправности крестьянъ, наказаніе производилось немедленно и отличалось крайнею жестокостію. Давали по 400 ударовъ кнутомъ, такъ что наказанные лежали больными мѣсяца по три. Одного крестьянина Кашкаровъ высѣкъ въ теченіи великаго поста 16 разъ, каждый разъ по 100 ударовъ. Были случаи такого варварскаго сѣченія, что черезъ 1½ года, на спинахъ несчастныхъ видны были широкіе рубцы. Наказывая безъ всякой жалости взрослыхъ, Кашкаровъ былъ точно также неумолимъ и жестокъ съ дѣтьми. Въ 30-хъ гг., одного мальчика онъ засѣкъ до смерти, 13-ти лѣтнюю дѣвочку Прасковью Кузмину билъ кулаками по лицу и головѣ, а 12-ти лѣтнюю Авдотью Петрову такъ жестоко высѣкли, по его приказанію, что она опомнилась только на 3-й день. Какъ человѣкъ съ чрезвычайно жестокою натурою, Кашкаровъ, наказывая, любилъ издѣваться надъ своими жертвами. Высѣченными, по его приказанію, часто брили головы. У одной дѣвочки онъ даже сжегъ на головѣ волосы, а у другой обезобразилъ лицо зажженной свѣчкой.

У оброчныхъ крестьянъ, составившихъ посредствомъ заработковъ кой-какое состояніе, Кашкаровъ любилъ отымать все имущество, послѣ чего онъ переводилъ ихъ въ дворовые. Эта конфискація крестьянскаго имущества была самая полная: у ограбленныхъ уже ничего не оставалось дома и шли они на барскій дворъ въ однихъ рубашкахъ и рваныхъ зипунахъ. Двороваго Владимира Румянцева, не смотря на его старость и увѣчья отъ частыхъ наказаній, Кашкаровъ прогналъ со двора и наложилъ на него большой оброкъ.

При такомъ порядкѣ вещей неудивительно, что многіе крѣпостные Кашкарова охотно шли въ солдаты или же куда глаза глядятъ, рискуя попасть изъ огня въ полымя. Вообще, Кашкаровъ былъ настоящимъ пугаломъ для своихъ крестьянъ. Съ пріѣздомъ его въ какую нибудь деревню, а ихъ у него было много, на всѣхъ деревенскихъ жителей нападалъ паническій ужасъ: женщины и дѣти бѣжали тогда, куда попало: въ конопли, въ ржи, а зимою—къ гумнамъ и въ овраги...

Кромѣ того, Кашкаровъ весьма неумѣренно пользовался своими правами надъ крѣпостными женщинами и дѣвушками, даже малолѣтними, отъ 7 и 8 лѣтъ. За несогласіе билъ кнутомъ, розгами и брилъ головы. За тѣмъ все таки добивался своей цѣли и отдавалъ въ послѣдствіи непослушныхъ замужъ нарочно за самыхъ безобразныхъ мужиковъ. Замѣчательно, что Кашкаровъ пользовался иногда правомъ *primaе noctis* въ присутствіи своей жены, и г-жа Кашкарова не только не возмущалась этими зрѣлищами, но какъ будто сочувствовала имъ, вѣроятно—изъ принципа помѣщичьей власти. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что нѣкоторыхъ малолѣтнихъ дѣвочекъ она сама приводила къ мужу и, въ случаѣ ихъ сопротивленія, помогала ему... Въ 1844 г., Кашкаровъ пріѣхалъ въ одно изъ своихъ имѣній Темниковскаго уѣзда и потребовалъ къ себѣ старостиху Акулину Папкову. Старостихѣ отданъ былъ приказъ собрать къ барину молодыхъ бабъ и дѣвочъ. Тѣ долго не являлись. Тогда Кашкаровъ, въ наказаніе за нераспорядительность, подвергъ публичному позору (на улицѣ, при народѣ) 70-ти лѣтнюю

Акулину Папкову. Обиженная пожаловалась губернатору, а Кашкаровъ за это отдалъ въ солдаты единственнаго ея сына Сергѣя.

Въ 1845 г., кто-то написалъ въ Петербургъ доносъ на Кашкарова, адресованный на имя шефа жандармовъ, графа Орлова. Началось слѣдствіе. Въ резиденцію Кашкарова (с. Бесѣдки, Елат. у.) посланы были губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій Сумароковъ и жандармскій офицеръ Телѣгинъ. Слѣдователи, имѣя въ виду очевидныя улики противъ Кашкарова, подвергли его строгому заключенію. Днемъ держали его подъ карауломъ въ кабинетѣ, а ночью въ спальнѣ. Повидимому, Кашкарову приходилось плохо и уже между его крестьянами распространился слухъ, что барина засудятъ непременно и что баринъ пытается отравиться. Самъ Кашкаровъ увидѣлъ, что съ нимъ не шутятъ, и, какъ очень богатый человѣкъ, прибѣгъ къ извѣстнымъ способамъ оправданія «добраго стараго времени». Онъ сталъ подкупать слѣдователей. Телѣгину, на примѣръ, предложилъ 1500 р. и брилліантовый перстень за позволеніе видѣться и переговаривать съ женой и нѣкоторыми людьми, при чемъ обѣщался дать ему въ 5 разъ больше, если онъ будетъ снисходительно проиводить слѣдствіе ¹⁾. Слѣдователи оказались, однако, честными людьми и не польстились на взятку. Тогда Кашкаровъ сталъ писать на нихъ жалобы губернатору и шефу жандармовъ. Онъ обвинялъ слѣдователей во взяточничествѣ. «Телѣгинъ,—писалъ онъ губернатору, почему-то умалчивая о Сумароковѣ—просить съ меня 5 т. руб., чтобы повернуть дѣло въ мою пользу». Эти жалобы возымѣли свое дѣйствіе: слѣдователей перемѣнили, приславъ на ихъ мѣсто жандармскаго полковника Ходнева и совѣтника губернскаго правленія Попова. Но и вторые слѣдователи произвели слѣдствіе не въ пользу Кашкарова. Къ прежнимъ обвиненіямъ они присоединили еще одно, именно: будто бы Кашкаровъ судитъ своихъ крестьянъ за уголовныя преступленія самъ, какъ независимый владѣтель.

¹⁾ Этотъ подарокъ былъ отосланъ Тамбовскому губернатору П. А. Вулгакову.

Замѣчательно, что мѣстное дворянство относилось къ Кашкарову весьма сочувственно и даже, по мѣрѣ силъ, вступалось за него. Такъ, на примѣръ, Елатомскій уѣздный предводитель Карачинскій, во время слѣдствія въ с. Бесѣдкахъ, писалъ губернатору, что между крестьянами стали ходить слухи о вольности. «Весь уѣздъ,—заявлялъ онъ,—встревоженъ по поводу участіи г. Кашкарова». Все это клонилось къ тому, что Кашкарова надо было освободить отъ всякой отвѣтственности. Мѣстные полицейскіе чиновники, очевидно, задаренные, тоже всячески препятствовали слѣдователямъ, уклоняясь отъ слѣдствія и отговариваясь, въ этомъ случаѣ, разными важными служебными дѣлами. Становой Кикинъ пріѣхалъ-было въ Бесѣдки, по требованію Сумарокова, но немедленно уѣхалъ куда-то въ уѣздъ «по дѣламъ службы».

Опираясь на эту помощь нѣкоторыхъ дворянъ и уѣздныхъ чиновниковъ, самъ Кашкаровъ пріободрился и сталъ писать высшимъ властямъ смѣльце, указывая имъ на свою посрамленную дворянскую честь. «Безъ власти моей,—писалъ онъ губернатору,—въ имѣніяхъ моихъ пошла ужасная безпорядки: земля осталась совершенно не вспахана многими, дворовые люди предались буйству, дражѣ; женскій полъ—распутству, чего прежде не было, и сдѣлались беременными. Оброки не собраны». Словомъ, по мнѣнію Кашкарова и Карачинскаго, всякое вмѣшательство представителей закона въ дѣйствія помѣщиковъ, каковы бы они ни были, представлялось уже нарушеніемъ государственныхъ основъ и народнаго спокойствія.

И странно, всѣ эти соединенныя усилія, направленные къ огражденію Кашкарова отъ законнаго взысканія за чрезвычайныя злоупотребленія помѣщичьей власти, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Правда, въ 1847 г. Кашкарова вызвали въ Тамбовъ подъ надзоръ полиціи, имѣніе его было нѣсколько времени въ опеку, но... тѣмъ дѣло и кончилось ²⁾.

²⁾ Содержаніе этой статейки основано исключительно на «дѣлѣ» о Кашкаровѣ, хранящемся въ архивѣ Тамбовской губернской канцеляріи.

И. Дубасовъ.

3 9015 08553 2508

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

PRINTED IN U.S.A.

Cat. No. 23 629

